

Dark
ETERNITY
of Transitions

ФРАГМЕНТЫ ПРОШЛОГО

Новелла

Виктория Хелен Стоун

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ

Сорокапятилетняя Ханна Смит оказалась на распутье. И не может из него выбраться. Она, разведенная и безработная, должна вернуться в свое родовое гнездо в Айове, чтобы ухаживать за своей матерью, впавшей в старческую деменцию. Ее вынужденное возвращение вызывает то же самое расстраивающее чувство одиночества, которое Ханна испытывала с детства — она, всегда была тенью двух старших сестер. Ханна знала, что чувство обиды вернется. Но она не предполагала, что вместе со страхом. Потому что когда ее мать смотрит ей в глаза и шепчет: «Ты не моя дочь», Ханна начинает верить, что все это не просто бессмысленная путаница слабоумной женщины.

Это правда.

Теперь Ханна идет по следам семейной тайны к темному побережью Биг-Сура, где много лет назад родилась и умерла большая ложь. Как бы она ни боялась докопаться до правды, Ханна знает, что это ее последний шанс узнать свое настоящее прошлое, со всеми ужасными секретами, которое утеряно навсегда.

Виктория Хелен Стоун

Фрагменты прошлого

Серия: вне серии

Переводчик: Анастасия С.

Редактор: Нина К. (до 11 гл), Анастасия С.

За обложку благодарим Маргариту Волкову

АЙОВА

— Ты не моя дочь.

Ханна Смит слышала это, по крайней мере, с десятков раз за последний месяц. Довольно часто она теряла терпение в процессе разговора, но все же, он ее не шокировал.

Она сделала глубокий вдох и задержала дыхание на мгновение.

— Мама...

— Я хочу Рэйчел.

Ханна выдохнула всю боль и нетерпение из горла, прежде чем снова заговорить. Она проглотила эмоции, чтобы сохранить спокойствие с остальными чувствами, которые она подавляла в течение нескольких месяцев.

— Мама, я уже говорила тебе, что Рэйчел переехала в «Голубое озеро». Я забочусь о тебе сейчас. Я Ханна. Помнишь?

— Я хочу Рэйчел!

— Я знаю. Она будет здесь в субботу, — голубые глаза ее матери забежали в замешательстве. Ханна хлопнула ее по руке. — Через три дня.

Ее мама одернула руку. Рука, которая меняла Ханне подгузники, расчесывала ее волосы, кормила ее, обнимала, лечила... эта рука в ужасе одернулась, когда Ханна до нее дотронулась.

— Где Бекки? — спросила она ворчливым голосом, который никто из них никогда не слышал до начала слабоумия. Голосом ребенка. Беспомощный, требовательный вой от женщины, которая никогда не позволяла себе ныть. «Трудиться не покладая рук» — это было ее кредо и любимое выражение. «Нет времени жаловаться, если тело занято делом». Но теперь Дороти ничем не была занята.

Ханна сдержала вздох. Она не имела права на усталость. Ее сестры ухаживали за мамой в течение многих лет, в то время как Ханна жила в многоэтажном доме в Чикаго в шести часах езды отсюда. Она вернулась домой меньше месяца назад и еще не научилась проявлять терпение. Она только начала расплачиваться.

Конечно, станет легче.

Она улыбнулась.

— Бекки дома со своей семьей. Она тоже приедет в субботу, — надеясь, что эти фразы ее мама сможет понять. Ханна добавила веселую искру. — Три твоих дочери приедут к тебе на целый день! Рэйчел, Бекки и Ханна! Разве это не здорово?

Судя по нахмуренному взгляду мамы в ее сторону, этого было недостаточно. Или, может быть, она все еще была достаточно проницательной, чтобы не купиться на оптимистичный прогноз, который ей описала Ханна. Рэйчел и Бекки всегда были лучиками света для всей семьи. В лучшие дни Ханна была более свежим, бодрящим ветерком. В плохие дни... ну, папа иногда описывал ее как «Девочку-беду». Мило с его стороны, но он всегда был милым. Это была хорошая семья на Среднем Западе. Уважительная. Трудлюбивая. Богобоязненная.

Потом появилась Ханна.

Может быть, из-за того, что она не была похожа на членов семьи, матери было так трудно ее запомнить. Рэйчел и Бекки были похожи на маму. Она могла узнать своих старших

двух дочерей хотя бы потому, что они были ее отражением в зеркале. Светлые волосы, голубые глаза, пухлые щеки. Они были воплощением девушек, вскормленных на кукурузе.

Ханна была темнее. Черные волосы, смуглая кожа, таинственные темно-коричневые глаза. Она была копией своего отца, что служило утешением, иначе она чувствовала бы себя подброшенной феями на порог дома Смитов. Подменой, которую положили взамен их родному ребенку.

Возможно, слабоумие Дороти Смит захватило даже память о внешности супруга, и может именно поэтому Ханна так часто выглядела для нее незнакомой.

Что бы за этим не скрывалось, она старалась не принимать это на свой счет. Пробовала и не получалось.

Вернувшись со своей книгой в кресло, она игнорировала подозрительные взгляды матери, пока они не погрузились, наконец, в спокойствие. Через несколько минут Дороти снова оживилась, ее страх перед Ханной, казалось, был забыт, когда она наклонилась и заговорила.

— Кто-то украл мои вещи, — прошептала она. Ее правая рука начала дрожать, ритмично подрагивая вдоль дешевой ткани кресла, которое они привезли из дома. Это любимое кресло Дороти, краска на подлокотниках облезла, а места, где дрожали ее руки, стали изношенными и потертыми.

На этот раз Ханна не смогла ее утешить.

— Никто не крал твои вещи.

— Они украли. Я нигде не могу найти кольцо моего мужа.

— Оно дома, мама. Я обо всем позабочусь.

— Дома? — спросила ее мать.

— Дома. Это «Санрайз Вилладж», помнишь? Ты останешься здесь на какое-то время, чтобы медсестры могли помочь тебе ночью.

На самом деле она пробудет здесь довольно долгое время. Пока не умрет. Ханна снова улыбнулась, мышцы ее лица растянулись так сильно, что она подумала, что они лопнут.

— Твоя подруга Сильви тоже здесь. Ты ужинаешь с ней каждый вечер.

— Сильви, — сказала она, как будто для перестраховки, но Ханна могла сказать, что имя как будто было незнакомым для ее языка. — Сильви.

— Верно. Папино кольцо дома, в целости и сохранности. А я вернулась в свою старую комнату, присматриваю за домом.

— Он умер в прошлом месяце, — пробормотала она.

Он умер шесть лет назад, но какой смысл говорить ей об этом? По мнению Дороти, она только что потеряла своего мужа, и ничто не могло изменить этого факта.

— Прости, мам. Должно быть, ты по нему сильно скучаешь.

Дрожащая правая рука матери дотронулась до обручального кольца и покрутила его. Ханна посмотрела на свой безымянный палец, прежде чем вспомнила, что на нем нет кольца.

Она была безработной, в процессе развода, жила в своей детской спальне, и заботилась о матери, у которой, похоже, даже не было дочери по имени Ханна. Черт, вот это она дает всем жару! Осуществила мечту. Убила хандру. Была лучшей версией себя.

— Кто-то, — пробормотала Ханна, — украл мои вещи.

Повторять слова за матерью было смешно. Кто-то же еще должен быть виноват, если она не могла понять, что случилось с ее собственной жизнью.

Но для Ханны это было не намного честнее, чем для ее мамы. Никто ничего не крал у нее. Ханна была здесь, в этом месте, потому что это ее выбор. Она была самая лучшая, черт возьми. Она заботилась о матери, которая провела всю жизнь, заботясь об остальных. В этом не было стыда. Ничего не украдено и не потеряно.

Ханна вернулась к своему роману и поняла, что понятия не имеет, что происходит с сюжетом, и загнула уголки нескольких страниц. Несколько минут спустя она сделала то же самое, прежде чем, наконец, сдалась и громко захлопнула книгу.

Несколько дней ее мать наслаждалась различными мероприятиями, организованными центром, а бывало, что иногда она боялась выходить из комнаты. У нее было два таких дня подряд, и Ханна чувствовала себя немного сумасшедшей. Когда дневная помощница постучала и открыла дверь комнаты Дороти, Ханна чуть не задохнулась от облегчения.

— Кори! Как твои дела?

Молодая женщина заулыбалась с искренней теплотой, которая заставляла Ханну чувствовать себя менее виноватой, когда уходила каждый день в пять часов вечера.

— Замечательно. Как сегодня поживает госпожа Дороти?

— Великолепно, — солгала Ханна.

— Вы готовы принять ванну, госпожа Дороти?

Лицо ее матери исказилось, как будто она хотела начать протестовать, но через мгновение она кивнула.

Ханна встала так быстро, что ее книга упала на пол.

— Отлично! У тебя будет прекрасная ванна и хороший ужин, мама. Я вернусь завтра.

Когда она наклонилась, чтобы взять книгу, она быстро поцеловала маму в затылок. Деменция убрала ее запах тоже. Теперь вместо кондиционера «Суав» и жевательной резинки «Даблминт» ее мама пахла детским шампунем «Джонсонсбейби» и дезинфицирующим средством для больниц.

— До завтра! — сказала на прощание Кори, когда Ханна быстро вышла из комнаты.

Ее мать ничего не сказала. Наверное, это даже к лучшему. Некоторые дни не были столь ужасны. В какие-то моменты она узнавала Ханну, даже если казалось, что она смущена тем, что ее младшая дочь так причудливо постарела.

Но, конечно же, сорок пять лет это не такая уж и старость. Скорее всего, большая часть жизни была еще впереди. Черт, да она бы успела превратить два своих неудачных замужества в целых шесть или семь, если бы постаралась.

Она не удосужилась скрыть горечь своей улыбки, когда прошла через передние двери центра по уходу и вышла в реальный мир. Тут она чувствовала себя человеком.

Глубоко вдохнув чистый, без дезинфицирующих средств, воздух в легкие, она побежала к своей машине. Чувство было ужасным на каждом этапе. Она не должна бежать от своей матери. Женщина была больна. Умирала. Это было настоящее страдание. Разочарование Ханны даже рядом не стояло перед лицом медленного, устойчивого упадка жизни ее матери.

Хуже всего было то, что ей некуда было бежать. Куда она пойдет? Вернется в свою старую спальню в родительском доме? Вернется к многомесячному разводу с мужем? К сортировке кусочков уходящей жизни ее мамы?

Она хлопнула дверью машины и, на мгновение, сжалась от удушающей жары. Бриз охладил майский полдень, но солнце было слишком ярким, вероятно температура в машине была близка к девяноста градусам. Ее тело впитывало жару, как будто она медленно замерзала весь этот день. Может быть, она упадет в постель, как только вернется домой.

Двенадцать часов сна помогут зарядить ее достаточно, чтобы смело посмотреть в лицо завтрашнему дню.

Как только Ханна завела машину, зазвонил телефон. Она съежилась, представив себе звонок из центра с экстренной помощью в последнюю минуту. Ей нужно выйти из машины. Вернуться к блоку памяти центра. Успокоить мать. Остаться с ней еще час или два.

Или, может быть, одна из ее сестер проверяла, не убежала ли Ханна с криком. Бегство — это был как раз ее случай.

Дисплей машины, наконец, поймал звонок, и на экране высветилось «Жасмин». Ханна пискнула от удивления при виде имени бывшей коллеги; затем заглушила мотор и ответила на звонок:

— Жасмин! Привет!

— Привет, девочка. Как жизнь в Айове?

Ханна застонала, но быстро разразилась смехом.

— Что ты хочешь, это жизнь в Айове...

— Когда ты возвращаешься?

Она избежала стоны на этот раз.

— Я не вернусь. Я говорила тебе об этом уже сто раз.

— Ага, ты продолжаешь это говорить, но мы обе знаем, что это неправда. Ты не продержишься в этом городе целый год.

— Я должна, — ответила Ханна.

Голос Жасмин понизился.

— Как твоя мама?

— Да также.

— А как Джефф?

Ханна подождала, пока ее желудок успокоится. Она точно не скучала по своему скоро уже бывшему мужу. Но она привыкла, что он часть ее жизни.

— Мы не говорили. Ты... ты его видела?

— Мимоходом. Мы бегаем в разных местах, с тех пор, как ты уехала. Но я видела, как он выходил из дома Уайли. Он сказал, что в вашем старом районе все еще нет хороших пашлыков.

— Ох. Он нормально выглядит?

— Да, он в порядке.

Это было хорошо. Ханна не хотела, чтобы он страдал. Она просто хотела, чтобы он отпустил контроль над их отношениями. Оставил ее и ее выходное пособие в покое.

— Почему бы тебе не приехать? Ты можешь остаться у меня. Ты не столкнешься здесь с Джеффом, если именно поэтому ты держишься отсюда подальше.

— Я просто...

Она хотела поехать. Хотела запустить двигатель и развернуть машину в сторону Чикаго прямо сейчас. Но она не могла.

— Еще нужно какое-то время. Может быть, я как-нибудь приеду на выходные.

Она скучала по своим друзьям. Соскучилась по ресторанам, людям и жизни в Чикаго. Она дико скучала по всему этому. Но если она вернется сейчас, она может там остаться, а так поступить со своими сестрами и мамой она не могла.

— Ну, мы все ненавидим тебя за то, что ты уехала. Новое руководство просто... о, черт, все хорошо, я думаю.

— Да?

— Нет.

— Извини, — сказала она искренне.

— О, никто не винит тебя за то, что ты ушла, пока все было хорошо. Если бы мне предложили, я бы уехала в ту же секунду, поверь мне. Я просто завидую. Ладно, я не завидую Айове, но я ревную к разлуке.

На заднем плане зазвонил телефон и заскрипел стул Жасмин.

— Вот дерьмо. Я должна ответить. Позвонишь мне в эти выходные?

— Конечно. Я позвоню... — но Жасмин уже повесила трубку.

Сердце Ханны сильно билось, так как вести со старой работы заставляли ее затаить дыхание. Большинство людей думали, что в бухгалтерском учете нет ничего захватывающего, но она была не просто бухгалтером, который складывает и вычитает. Она была бухгалтером, который мог юридически защитить ваши миллиарды от налогообложения. Деньги и юридические лазейки. Она была профессионалом в этом. Она не была лидером команды, поэтому ей редко приходилось иметь дело с богатыми козлами.

Но как бы ни была увлекательна эта работа, она поглотила ее душу. Она перестала гордиться зарабатыванием денег для людей, у которых уже было их слишком много. Выходное пособие было радостью. Зарплата за один год и выплата всех опционов на акции. Ей даже заплатили за четыре недели отпуска, которые она не удосужилась взять.

Сейчас ей не нужно платить за съемную квартиру и тратить деньги в Косвелле, штат Айовы особо некуда. Поэтому ее увольнение больше похоже на досрочную пенсию. Когда она ушла с работы, то почувствовала торжество. Но триумф быстро угас. Теперь она чувствовала себя бесполезной.

Вдоль линии роста волос стал выступать пот, поэтому Ханна снова завела мотор и направилась домой. Центр помощи находился в двух городах езды, но по времени это занимало всего двадцать минут поездки.

Города вокруг были крошечными и разбросанными, но все они имели одну главную потребность: медицинское обслуживание быстро стареющего населения. Молодые люди, которые могли уехать, уезжали десятилетиями. Те, кто не мог выбраться, оставались дома и работали в больницах, хосписах и центрах ухода. Выпускники старших классов были новым урожаем Среднего Запада.

Конечно, даже эта отрасль скоро иссякнет. Или, возможно, это не так. Возможно, к тому времени персонал будет стареть, и цикл начнется заново. Они заселятся в комнаты, где когда-то ухаживали за пациентами, теперь будут ухаживать за ними.

Все еще потная, то ли от жары, то ли от беспокойства, Ханна опустила окна и наслаждалась яркой вечерней поездкой мимо акров взрыхленной почвы, которая скоро прорастет кукурузой. В конце лета шелест зерновых мог звучать почти как плеск волн Мичиганского озера в ветреный день, но сегодня ветер был слабым. Он уловил темный запах густой грязи и весенней травы. Ветер пах как ее детство.

Несмотря на ее шутки об Айове, ненависти к ней у нее не было. Это было прекрасное место. Хорошее место. Но она всегда чувствовала себя всего лишь ее посетителем. Как будто она наблюдала за людьми и делала заметки об их поведении. Она не была игривой блондинкой. Она не интересовалась чемпионатами по баскетболу или борьбе. Она не хотела детей. Она даже не верила в Бога. Повзрослев, здесь ей стало не комфортно, но на этот раз она вернулась, в надежде найти хотя бы спокойное место для отдыха на год или два.

Она лениво помахала мужчине в проезжающем пикапе, потому что именно так люди здесь и поступали. Теперь в Косвелле жило около двух тысяч жителей, но когда она училась в средней школе, цифра достигала до трех. В городишке такого размера все знали друг друга. Конечно, вы знали чьих-то двоюродных братьев или одного из детей семьи. Все были переплетены. Сеть людей, которые тянулись к изгибам горизонта. И Ханна была загадкой для всех них.

Она не была изгоем. Ее не ненавидели. Просто она была не такая, как остальные Смитты.

Рэйчел и Бекки были больше похожи на близнецов, чем просто на детей от одних родителей. Они обе были королевами бала на выпускном вечере. Сердечками на День Святого Валентина. Черлидершами. Не подлыми самовлюбленными девушками-болельщицами, а порядочными людьми, которые заботились о своей общине и одноклассниках. Они были членами 4-Н, выращивали кроликов, чтобы показать их на государственной ярмарке. Черт, они даже были последовательными вице-президентами «Будущих Домохозяек Америки». Наследственная семья!

Ханна фыркнула на самую идею «БДА», задаваясь вопросом, был ли тот клуб вообще законным. Конечно, нет. Или, если это было так, имя должно быть изменено на «Восходящие Семейные Инженеры», или что-то в этом роде.

Ханна пропускала занятия в школе по ведению домашнего хозяйства и группу 4-Н. Ее самым большим интересом была музыка, и не та деревенская попса, которую любили все остальные в городе. Она увлекалась панком и альт-роком. Хотя она никогда не выглядела как полный панк, у нее было четыре пирсинга в правом ухе, и она коротко подстриглась, когда в моде были длинные волосы. Вместо того, чтобы копить деньги на джинсы «Джордаш» и стильные куртки, она сэкономила их для поездки на автобусе, чтобы увидеть игру «Рамоунз» в Миннеаполисе. Или «ЭлСевен». Или «СоникЙусс». Иногда ей приходилось пропускать школу, чтобы сделать это. Однажды она исчезла на два дня, а потом была наказана на два месяца.

Не то чтобы она была «противником системы». Она получила высшее образование в средней школе и довольно быстро выбрала бухгалтерский учет в колледже. На самом деле она никогда не была плохим ребенком; она просто была полна энергии, которая вибрировала с частотой, отличной от остальной части ее семьи.

Она приняла феминизм и женские исследования, в то время как ее сестры объявляли о помолвках. Она сосредоточилась на своей карьере, пока ее родители были поглощены своими внуками. Ее семья любила ее. Всегда. Но они любили ее осторожно, потому что никогда ее не понимали.

Что было хорошо. Она тоже их не всегда понимала.

Независимо от их различий, она вернулась. Нашла время, чтобы на какой-то срок освободить сестер от обязанностей по уходу за матерью. Ханна никогда бы не внесла свой вклад в генофонд Смитов, но, черт возьми, она могла бы посвятить свое время и любовь этой семье.

Возможно, все это станет более естественным через несколько недель.

Она миновала старый зерновой элеватор на окраине города, затем новую бакалейную лавку. Она должна зайти и купить продуктов. Может быть, приготовить хороший ужин сегодня вечером.

Она проехала мимо и направилась в город.

Сорок лет назад здесь был четырехсторонний светофор, где шоссе делило Мэйн-стрит пополам, а теперь остался только мигающий красный свет. Она замедлила ход и посмотрела в обе стороны, прежде чем поехать дальше.

Она подъехала к старому, маленькому рынку. Она считала его фантастическим миром возможностей, когда была маленькой. Там были жевательные резинки по пять центов, и кексы по двадцать пять центов, на которые она могла уговорить маму только раз в месяц. Хотя папа... он был более надежным источником четвертаков.

Но и на этом она не остановилась. Она была голодна и хотела суши. Хорошие суши. Уволившись, она пристрастилась к фастфуду, который какая-то предприимчивая семья открыла в старой «Молочной королеве», и заходила заказывать сэндвич с рыбным филе. Это почти суши уверяла она себя, когда дверь за ней закрывалась.

С момента возвращения в отчий дом она жила в страхе, боялась столкнуться с людьми, которых она знала в юности. Но она пыталась преодолеть это. Если сейчас она встретит парня, с которым потеряла девственность, то просто улыбнется ему на расстоянии и скажет, что он великолепно выглядит. К счастью, место, казалось, было набито подростками. Она вздохнула с облегчением.

Вздох застрял у нее в горле, когда покупательница перед ней отошла, и она увидела знакомое имя на листовке, приклеенной к журналу.

Дженсен. Имя было слишком знакомо. Но эта Дженсен была всего лишь пятилетней девочкой, которая боролась с лейкемией, и ее родителям требовалась помощь в покрытии медицинских расходов и поездках в города, расположенные по соседству. Оливия Дженсен. Имена ее родителей не были указаны, вероятно, потому, что все остальные знали, кто они такие.

— Готовы сделать заказ? — спросила девушка за стойкой регистрации.

Ханна кивнула, но слова, которые хотели слететь с ее языка, были «Кто ее родители?». Слова остались там же и просто растворились. Она боялась спросить. Она не хотела знать, была ли лысая, улыбающаяся девочка, изображенная на фотографии, связана с одной из старых подруг Ханны. Господи, она может быть дочерью ее бойфренда Алекса из средней школы. Дерьмо, девочка может быть уже его внучкой.

— Можно рыбное филе, — выдавила она. — И картофельные шарики.

— Что-то попить?

Несмотря на сухость во рту, Ханна отрицательно покачала головой.

Она заплатила за еду, затем уставилась на листовку. Когда девушка отвернулась, чтобы выполнить заказ, Ханна поспешно вытащила из кошелька полтинник. Она сунула его в банку для пожертвований, следя за тем, чтобы девушка этого не увидела. Через несколько секунд она взяла еще сорок долларов из кошелька и положила их в банку. Ладонь вспотела, она закрыла сумочку и прочистила горло.

«Эта девочка — не Алекса», — заверяла она себя.

В городе такого размера все знали друг о друге. Неважно, куда вы пошли, кто-то вас видел, знал вас, хотел что-то от вас. Кто-то вспомнил самый неприятный момент в вашей жизни, а вы вспомнили их. Это было все равно, что тащить с собой открытую книгу целый день, с подробностями вашей семьи, вашими неудачами и всеми вашими падениями.

Некоторые люди чувствовали себя потерянными в большом городе, но Ханна чувствовала себя свободной. Она проявляла эмоции, когда хотела, а не при каждой встрече.

Скрестив руки на груди, она с нетерпением ждала своего заказа, и как только пакет с

едой оказался у нее в руке, она поспешила к своей машине. Через несколько минут она была уже дома. Теперь вся парковка у дома принадлежала ей, и это было так странно. Не нужно конкурировать с машинами ее сестер и грузовиком отца. Старый «Бьюик» их матери все еще был в гараже, рассчитанном на одну машину. Этой зимой она выгонит старую машину из гаража, прокатиться на ней, чтобы убедиться, что батарея заряжена, и купит для нее чехол, чтобы Ханна могла загонять свою машину в гараж.

Ее маме не понадобится больше машина, но продавать ее было бы неправильно.

Она покачала головой, когда протащила сумочку и свой обед к кухонной двери.

Деменция с тельцами Леви. Именно эта болезнь разъедала разум ее матери. Тельца Леви. Бедствие, о котором она никогда не слышала, пока ее сестра не произнесла эти слова. Они думали, что это болезнь Паркинсона, когда первые симптомы появились пять лет назад. Достаточно пугающий диагноз сам по себе, но затем начались перепады настроения. Затем галлюцинации.

Это был решающий фактор для диагноза. Большинство пожилых людей с деменцией не видели воображаемых людей. Но Дороти видела. Не всегда, но достаточно часто.

Должно быть, это было ужасно для Рэйчел, которая находилась рядом с мамой в тот период времени, каждый день. Это было все еще страшно для Ханны, но она была окружена медсестрами и помощниками, которые были там, чтобы помочь в мгновение ока.

Она вздохнула, положив обед на кухонный стол, и сбросила туфли. Это было страшно и для ее матери, особенно в начале, когда она уже понимала, что сдает. Она пыталась это скрыть. Дрожание рук смущало, женщину, которая всегда была настолько устойчивой и никогда не волновалась по пустякам.

Волна истощения обрушилась на Ханну, покатила по ее голове и напрягла мышцы шеи, а затем опустилась ниже, пока даже ее ноги не почувствовали слабость. Она вымыла руки, взяла пакет с едой и холодное пиво и добралась до дивана перед тем, как на него рухнуть.

Какого черта это было так утомительно? Все, что она делала, это сидела там и говорила со своей матерью, помогала ей с обедом и ванной, обеспечивала ее музыкальными и телевизионными шоу. Это едва ли можно было назвать работой, но Ханна чувствовала себя слабой, как ребенок.

Она должна выйти на пробежку. Поддержать свое здоровье. Но с одним глотком пива она застонала и погрузилась глубже в мягкий диван. Это был рай. Она никуда не пойдет. За исключением постели, если бы она могла это сделать.

Она положила ноги на стопку бумаг о разводе, разбросанных по кофейному столику, и включила телевизор, чтобы потеряться в последнем повторе своего любимого криминального шоу.

— СиЭсАй: криминальная лень, — пробормотала она.

Произнеся тост за телевизор, она поклялась, что завтра станет лучше. Она будет лучше ухаживать за мамой, как хороший, порядочный Среднезападный гражданин.

— Я испеку брауни, — сказала она. Любимое угощение ее мамы. — Я уберу на кухне, — с этим тоже все было в порядке. — И я... Я буду улыбаться всем, — а вот это было похоже на полную чушь, но она торжественно кивнула. Пора, наконец, научиться быть Айовой. В самом деле. Она должна была прекратить бороться с этим и просто сюда вписаться. Нужно постараться, ведь она жила здесь полжизни.

Глава 2

Ханна заплатила кассиру с сонными глазами за брауни и поспешила к своей машине, чтобы переложить его в пластиковый контейнер, который она привезла из дома. Ладно, они не были домашними, но помнила ли ее мама вкус домашней выпечки? И пирожные были пирожными. Ханне никогда плохие не попадались.

После того, как она положила пустой контейнер из супермаркета под сиденье, ей стало лучше. Небольшие города были мануфактурами паранойи. В любом другом месте было бы безумно думать, что кто-то увидит, как она покупает пирожные, и расскажет об этом ее матери, но она находилась именно в Косвелле, штат Айова. О, Дороти, ты не говорила мне, что Ханна вернулась в город! Я видел ее в «СуперВэлю», покупающей пирожные, и я не мог в это поверить.

Конечно, у Ханны был иммунитет против сплетен в наши дни. Ее мама с такой же вероятностью спросит в ответ — Ханна, а кто это? Как и сейчас она вряд ли поймет маленькую ложь Ханны. По всей вероятности, она не вспомнит, что кто-то вообще принес ей пирожные.

Это было не справедливо. У Дороти были хорошие дни, когда все казалось нормальным. Но таких дней становилось все меньше. В прошлом месяце был такой только один.

Ханна собиралась сделать пирожные. Она честно собиралась. Она проснулась в шесть тридцать и почувствовала себя более энергичной, чем в любой день за последние несколько недель. Десять часов крепкого сна принесли ей пользу, она взяла чашку кофе, и начала разбирать почту своих родителей, надеясь отсортировать хотя бы одну пачку до завтрака. Там была их целая кипа.

Смерть отца от рака желудка заняла два года, и были десятки госпитализаций. Тогда ее мать была внимательна, и требовала копии каждого медицинского документа, которую выдавали.

После того, как он умер, и до того, как кто-то понял, что Дороти заболела, она складывала каждое полученное письмо. В прошлом месяце Ханна, должно быть, выбросила пятьсот предложений по кредитным картам. Но наконец, бумаги стали сокращаться.

В доме не было беспорядка. Все кучи бумаги были собраны в отдельном месте. Рэйчел и Бекки были чистоплотны, и помогали матери следить за порядком.

Так что она собиралась провести час, просматривая бумаги, прежде чем приготовить пирожные и почистить кухню. Но в конце этого часа она нашла что-то, что разозлило ее. Тонкая папка с медицинскими записями ее матери.

Ничего особенного. Рентгенограмма запястья, которое она сломала, когда поскользнулась на льду десять лет назад. Незаполненный рецепт на добавки кальция. Квитанции для страховых платежей. И анализ крови.

Ханна просмотрела все, чтобы убедиться, что они не ведут записи, которые могут понадобиться нынешним докторам. Но должен был быть другой, отдельный файл с более важными бумагами, доставленными в дом престарелых в какой-то момент. Ханна уже собиралась засунуть все обратно в папку, когда заметила группу крови, указанную на странице анализа. Четвертая положительная.

— Боже правый, — пробормотала она. — Они пытаются убить ее?

Теперь, съезжая с парковки супермаркета, она с отвращением посмотрела на отчет. Его

сделали семь лет назад, так что вероятно у врачей есть более свежий анализ крови. А что если они ввели неверную информацию, даже не проверив ее?

Группа крови Ханна была первой отрицательной — факт, который она не могла бы забыть, даже если бы захотела. Она была универсальным донором, и «Красный Крест» отправлял ей каждые шесть месяцев открытку с напоминанием, чтобы она приходила сдавать кровь. Ее кровь была святым Граалем неотложной медицинской помощи, передаваемым любой жертве несчастного случая, когда не было возможности ждать результата проверки.

Любой, кто учился в средней школе, знал, что у ребенка с первой отрицательной группой крови не может быть родителя с четвертой положительной группой. Кто-то в лаборатории облажался, и если они не знают верную группу крови мамы, это может ее убить.

Поэтому вместо того, чтобы испечь пирожные Ханна разобрала еще несколько стопок бумаг в поисках других медицинских документов матери. Когда она ничего не нашла, то приняла душ и вышла. Она отдаст своей матери пирожные, а дежурной медсестре отчет.

Двадцать минут спустя она пронеслась с широкой улыбкой сквозь двери медицинского центра. Она хорошо отдохнула, но была раздражена из-за недоразумения с анализом.

В конце концов, четверг был днем кино. Режиссер всегда выбирал веселые фильмы. Постояльцы центра могут развлечься и побыть счастливыми хотя бы на пару часов.

Она помахала обслуживающему персоналу за дверью крыла памяти центра по уходу и попыталась не замечать, что замок скрипел, как тюремные ворота, запирающиеся позади нее, когда она заходила внутрь.

Она подошла к центральному столу, где сидела дежурная медсестра и, прочитав на бэйджке ее фамилию, она поздоровалась.

— Здравствуйте, Тоня!

— Доброе утро, Ханна!

Медсестре не нужна была табличка с именем, чтобы вспомнить имя Ханна, и она почувствовала легкий приступ знакомого стыда. Она была эгоистична. Она не уделяла достаточного внимания людям. Она не была частью сообщества.

Ханна улыбнулась, чтобы скрыть свою вину.

— Не могли бы вы сделать мне одолжение? Я наткнулась на старое медицинское заключение мамы, у которого отображена неправильная группа крови. Я надеюсь, что вы сможете узнать, почему произошло такое недоразумение.

— Конечно, — она взяла отчет, переданный Ханной. — Я проверю это, как только пройдет утренний обход. Какая группа крови должна быть?

— Я не знаю, но точно не четвертая положительная.

— Поняла. Я дам вам знать, как что-то найду.

Выполнив первую обязанность, Ханна направилась в комнату своей матери. Чаша лжи сжималась в ее руках.

— Привет, мам! Я принесла тебе пирожные. Глазированные. Твои любимые. И не волнуйся — я убралась после готовки.

Ее мама смутно улыбнулась.

— Здравствуй, дорогая!

Ханна старалась не дать себе улыбнуться. «Здравствуй, дорогая» — это было приветствие, с которым Дороти обращалась к людям, которых она не помнила. Для Ханна

было глупо рассчитывать на что-то большее, потому что она чувствовала себя хорошо сегодня. По крайней мере, ее мама улыбалась этим утром.

— Ты хорошо позавтракала? — спросила она.

Мать расплылась в улыбке.

— Французский тост. Мой любимый.

Дороти помнила, что она ела час назад, и помнила, что любила на завтрак, но свою младшую дочь вспомнить не могла.

Прекрати это, приказала она себе. Просто улыбнись и сделай ее день немного лучше.

Почему это так чертовски трудно осуществить? Почему ей было так легко успокоить противных незнакомцев по поводу их миллионов и так трудно играть перед своим родителем?

— Сегодня день кино, — сказала она с воодушевлением, когда достала из ванной бумажное полотенце и подала своей матери слегка раздавленный брауни. — Ты слышала, что сегодня будут играть?

— Я не думаю...

Ханна не должна была задавать такой вопрос.

— Тогда посмотрим.

Она нашла лист ежедневных мероприятий, представленных постояльцам, как будто они находились в веселом круизе, а не в ожидании смерти.

— О, это «Старые ворчуны». Я давно его не видела. Я думаю, тебе понравится. Фильм не слишком длинный, но в конце актеры поют.

— О, я люблю пение!

— Я знаю! Выберем, что тебе надеть? Может, добавим помаду?

Несмотря на ее радость, руки Дороти сегодня сильно дрожали, поэтому Ханна сначала помогла ей съесть пирожное, а затем принялась искать яркий наряд, соответствующий ее настроению. Она разложила одежду, затем приблизилась к маме, чтобы нанести ей небольшое количество пудры и румян, как будто они собирались на обеденное шоу вместо комнаты отдыха.

— Вы такая милая девушка, — сказала ее мать.

— Спасибо.

— У вас есть дети?

Боже, она выглядела бесплодной даже в качестве незнакомки.

— Нет. Детей нет.

— Мне очень жаль.

Мать протянула руку, чтобы погладить ее по руке, и Ханне пришлось подавить желанию крепко обнять и прижаться. Она скучала по объятиям. Мать вздохнула.

— Иногда их не должно быть.

Ну, это не должно было произойти из-за контрацепции, которой Ханна усердно пользовалась в течение почти тридцати лет, но она не упомянула об этом. Ее мама никогда не понимала желания Ханны остаться бездетной. Деменция не собиралась облегчать понимание этой идеи.

— Вы должно быть замужем, все же.

— Раньше была, — ответила Ханна.

Ее мать наклонилась, чтобы прошептать.

— Не... не развод?

— Боюсь, что так.

— О нет! Бедняжка.

Была ли она бедняжкой? Она чувствовала себя довольно хорошо. Правда была в том, что она не должна была отвечать «да», когда Джефф сделал ей предложение. Она предупредила его, что не умеет любить и была хуже, чем казалась.

Но он убедил ее своим ужасным терпением, любовью и пониманием. Он обманул ее, заставив думать, что она похожа на других людей. Она не была похожа. Она чертовски хорошо знала, что нет, но она все равно вышла за него замуж из чистой надежды на это. И как только кольцо появилось у нее на пальце, она начала его ненавидеть.

Это была ее вина. Но это не значит, что она должна отдать ему половину нажитого. Он зарабатывал свои собственные деньги как профессор истории все время, пока они были женаты. У него будет чертова пенсия к тому времени, когда он уйдет с преподавания.

Она улыбнулась и хлопнула руками по коленям, когда встала.

— Одежда перед помадой. Я не хочу испачкать красным вашу желтую блузку. Я позволю медсестре, чтобы она помогла, хорошо?

Дороти не могла стоять самостоятельно даже несколько минут, а Ханна не могла поддерживать ее одна. Бекки и Рэйчел наверняка могли. Но не Ханна.

Она вызвала медсестру.

Петь вместе было бы весело. Когда она безразлично подумала об этом, Ханна обнаружила, что очарована тем, как мозг отступает для людей, страдающих деменцией или болезнью Альцгеймера, осветляя старые воспоминания, даже когда он украл новые. Память ее матери, казалось, функционировала в скользких масштабах в наши дни, толстая и крепкая в самом дальнем конце, и изношенная в самое ближайшее время. Иногда ее воспоминания приближались, кратко касаясь настоящего, но обычно оно решалось где-то посередине. В худшие дни она зависала с самого начала.

Как только Дороти оделась и накрасилась, Ханна медленно повела ее к комнате отдыха, делая паузу, чтобы ее мама могла поговорить с другими пациентами по дороге. Ханна узнала некоторых постояльцев по фамилии, на их лицах появились глубокие морщины и слезящиеся глаза.

Залы здесь были веселыми и яркими, но невозможно было замаскировать запах мочи в воздухе. Она надеялась, что ее мама привыкла к этому. Ханна надеялась, что она тоже скоро к этому привыкнет.

Через несколько минут после того, как они обосновались возле пианино, Ханна почувствовала, как дрожащая рука матери потянула ее за рукав, и когда она посмотрела на нее, Ханна вскочила от удивления. Внезапно, просто так, голубые глаза ее матери наполнились слезами.

Дороти подмигнула.

— Не сообщай медсестре об этих пирожных, иначе они могут не дать мне печенье во время обеда.

— Конечно, мам.

— Они милые девушки, но иногда они похожи на тюремных надзирателей, клянусь. И не говори им, что я это сказала.

— Не скажу.

— Спрячь пирожные в моей тумбочке прежде, чем уйти. Ты никогда не была пекарем с голубой лентой, Ханна, но они вкусные.

— Спасибо, мама.

Она взяла мать за руку и крепко сжала ее, целуя тонкую кожу костяшек пальцев. Лучшие чертовы пирожные, которые она когда-либо пекла, и их производили в магазине люди, которым было наплевать. Она заслужила удар боли, который встал комом у нее в горле.

Это был самый приятный день, который у них был, с тех пор как Ханна стала присматривать за матерью. Прежде чем вернуться домой, она представила, как пожилые люди поют такие песни, как «Вон там» и «Поезд на Чаттанугу», но жизнь не была ностальгическим старым фильмом, и большинство людей в доме не сражались во Второй мировой войне. Они пели много песен «Битлз». Немного Элвиса Пресли. Питера, Пола и Мэри. Даже Вилли Нельсона.

Фильм «Старые ворчуны» был веселым, хотя бы хриплым смехом в нем, который вдохновил аудиторию. И хотя момент ясности Дороти прошел быстро, она позже пожаловалась, что так сильно улыбнулась, что у нее заболели щеки.

Эти поддельные брауни стоили чувства вины. Не то чтобы они творили магию, но каждая маленькая радость помогала.

Когда медсестра пришла после обеда и сказала, что им нужно взять кровь Дороти, чтобы подтвердить те записи, Ханна просто кивнула и вернулась к своей книге. Ошибки случались. Она не собиралась делать из этого скандал. Если бы в файле была ошибка, она была бы исправлена без причинения вреда, и Ханна могла быть уверена, что она немного изменила исход для своей матери.

К четырем ее мать устала настолько, что она кивала в своем кресле, и Ханна помогла ей лечь в постель, чтобы та немного вздремнула перед обедом. Иронично, конечно. Это был первый день, когда Ханна не хотела уходить рано.

Через десять минут она тихо закрывала дверь комнаты своей матери позади нее, когда к ней подошла медсестра. На этот раз ее сопровождал доктор.

— Все в порядке? — спросила Ханна.

— Мисс Смит, я доктор Капур. Мы могли бы поговорить в одной из наших комнат для консультаций?

Ханна рассмеялась.

— Честно говоря, в этом нет проблемы. Просто исправьте медицинские записи.

— Это... не совсем так.

Ханна перевела взгляд с доктора на медсестру Карен, которая опустила взгляд.

— Что-то случилось?

— Не совсем, по сути, — сказал доктор, как будто это что-то прояснило. — Вы уверены в своей группе крови, госпожа Смит?

— Уверена настолько, насколько возможно. Я получаю телефонные звонки от Красного Креста, если я пропускаю пожертвование. А что?

Он прочистил горло и наклонил голову в сторону маленькой комнаты справа. Закатив глаза, Ханна сдалась и пошла за ним.

— Можете просто сказать, в чем дело?

— Да, хорошо.

Он последовал за ней внутрь и закрыл за ними дверь. Карен зависла у двери, а доктор Капур махнул рукой в сторону одного из стульев. Теперь нетерпение, Ханна сидела, пытаясь скрыть свое раздражение. Она знала, что его большая часть была страхом за мать. Но,

конечно же, простое определение крови не могло выявить ничего опасного. Она зря беспокоилась.

— Мы перепроверили группу крови вашей матери, — сказал доктор, садясь на край стула. — Мы отправили ее в больницу. Четвертая положительная группа крови.

Ханна снова закатила глаза.

— Тогда проверьте еще раз. Давайте.

— Вы не понимаете. Ее группа крови была проверена, когда она была госпитализирована два года назад. И проверена сегодня тоже. Кроме того, есть отчет, который вы принесли. Группа крови вашей матери — четвертая положительная. Нет сомнений.

— И что это значит?

Он снова прочистил горло и взглянул на медсестру, а затем осторожно сложил руки.

— Мисс Смит, у каждого человека есть два показателя, по одному от каждого родителя. Если родитель имеет вторую группу крови, ребенок может получить вторую группу крови, а в некоторых случаях и первую. Если у родителя четвертая группа крови, ребенок может получить вторую или третью.

— Да, уловила смысл.

— Значит, вы понимаете, о чем я говорю, — он немного откинулся назад, и расслабился.

Ханна не чувствовала ничего похожего на облегчение. Она чувствовала прилив гнева.

— Нет, я определенно не понимаю, о чем вы говорите.

Он снова посмотрел на медсестру, словно прося о помощи.

— Ханна, — тихо сказала медсестра, — родитель с четвертой группой крови может иметь детей только со второй или третьей группой крови. Не с первой. Первая группа крови — это отсутствие либо...

— Я знаю это! — огрызнулась она. — Я просто не понимаю, на что вы намекаете!

— Мисс Смит, — повторил доктор, — мне жаль, что вы узнаете это подобным образом, но вы, скорее всего, были удочерены.

Ты не моя дочь.

Она перевела взгляд с доктора на медсестру.

— Что? — прошептала Ханна.

— Закрытые удочерения были обычным явлением в 70-х годах. Это было нормально, правда. Открытые удочерения были крайне редки в то время.

Кто ты? Где Рэйчел?

Ханна сжала подлокотники кресла, вонзая ногти в грубую ткань.

— Нет. Это невозможно.

— Если вы были удочерены при рождении, все записи об этом были бы опечатаны, и...

— Нет. Мой папа...

Что она хотела им сказать? «Мой отец это мой отец. Я похожа на него. Я не могу быть приемной». Как будто им было бы не все равно.

— Извините меня. Мне нужно поговорить с мамой.

— Ханна, подождите, — сказала медсестра Карен, но Ханна уже прошла мимо нее и открыла дверь. — Если вы хотите, чтобы ваша кровь была тоже проверена, чтобы быть уверенной...

Но она не нуждалась в другом тесте. «Красный Крест» не мог ошибаться двадцать пять

лет.

— Мам, — сказала она, открывая дверь в палату своей матери. — Мам! — слово прозвучало в ее голове противоречиво. Слишком резко. И не точно.

Дороти не шевелилась, поэтому Ханна помчалась к ней.

— Мама, они говорят, что я не твоя дочь, — она встряхнула ее. — Мам, они...

— Помогите! — прохрипела ее мать. Слово раскололось, прежде чем она вздохнула и попыталась снова. — Помогите! Помогите! Пожалуйста!

— Мисс Смит!

Она услышала за спиной голоса, почувствовала руки на своих плечах, но она крепко держалась за руку своей матери.

— Мама, кто я? Они говорят, что я приемная. Кто я?

Но ее мать только беззвучно испугалась и закрыла глаза, накрыв лицо руками, будто Ханна собиралась ее ударить.

— Мама! — закричала она, когда чужие руки, наконец, оттащили ее. — Пожалуйста.

Но ее мать рыдала. Ее худые пальцы дрожали на щеках, когда она плакала.

— Ханна, — сказала медсестра, — это не поможет. Вы только пугаете ее.

Ханна покачала головой. Этого не могло быть. Не сейчас. Не так.

— Вам нужно уйти, — сказала женщина, и большая часть сочувствия исчезла из ее голоса.

— Нет, мне нужно, чтобы она сказала мне правду.

— Даже если бы это было возможно в данный момент, мы не можем дать вам ее пугать.

И она, очевидно, ничего не может сейчас вам сказать.

Ханна глубоко вздохнула, сжав руки в кулаки и закрыв глаза.

— Помогите, — услышала она, как ее мать хныкала снова и снова. — Помогите.

Ханна хотела закричать «Помоги!» ей в ответ. Помоги, мамочка! Помоги мне! Но вместо этого она отступила.

Она увидела, что люди собрались в коридоре, наблюдая, как она выбегает из палаты своей матери. Ханна прошла мимо группы обслуживающего персонала и пациентов и поспешила к запертым дверям. Ее впустили и выпустили через несколько секунд.

Она не может быть приемной. Она была дочерью своего отца. У нее даже были его странные маленькие пальцы, которые были раздуты на последнем суставе.

Но когда она, наконец, достигла выхода из центра по уходу и помчалась к своей машине, правда настигла ее. Она не могла этого отрицать. Три отдельных теста не могли быть ошибочными.

Она слишком быстро поехала к дому, проезжая мимо домов и полей, которые она миновала сотни раз. Тысячи. Мир расплылся вокруг нее. Ее пульс приглушал каждый звук, кроме ударов сердца. Нет, не ее сердца, а ее страха и ужаса. Это был удар, который пронзал ее тело.

Ты не моя дочь. Ты не моя дочь.

Это было нечестно. Ханна была уже потеряна. Уже плыла в неопределенном месте между прошлым и будущим. Она не нуждалась в этом прямо сейчас. Это было нечестно.

Помогите. Пожалуйста, помогите.

Она была дома через пятнадцать минут вместо обычных двадцати. В доме было душно, воздух был тяжелым и влажным. И все же она не остановилась, чтобы открыть окна. Она подошла к шкафу в своей спальне и начала копаться в коробках, которые она выстроила к

стене.

Почти все ее имущество находилось на хранении, но она взяла с собой самые важные документы и сувениры. Она открывала коробку за коробкой, пока не нашла то, что искала; затем она тяжело опустилась на задницу и уставилась на находку.

Она смотрела на свое свидетельство о рождении дюжину раз прежде, поэтому она бы заметила, если бы кто-то, кроме Дороти, был указан в качестве ее матери, но каким-то образом она надеялась найти прямой ответ там. Как будто бы она открыла папку и увидела «Джейн Доу» в строке имени матери, и ударила бы себя по лбу за то, что никогда не замечала этого раньше.

Но нет, там сказано, что девичья фамилия матери была Дороти Бэйлор, как и всегда. И Питер Смит был указан как ее отец. Она всегда отмечала свой день рождения пятого февраля тысяча девятьсот семьдесят второго года.

Информация под местом рождения и свидетельства была странной, но она всегда была странной. Это был адрес на первом шоссе в Биг-Сур, штат Калифорния. Не больница, а дом. И присутствующий свидетель рождения не был доктором. Это была женщина по имени Мария Диас, без указания, что она доктор медицины. Рождение в домашних условиях.

Она была удивлена, когда впервые увидела это. Но объяснение ее матери было простым. У них не было денег, поэтому они сделали это по старинке. Много людей делали так тогда. Конец.

Но Ханна не знала ни о каком способе рождения по старинке, который привел бы к рождению не своего дитя.

Она снова прочитала свидетельство о рождении. Все было так же, как и всегда, но на этот раз она заметила что-то непонятное. Она родилась пятого февраля, но рождение не регистрировалось округом до двадцать седьмого марта. Это было нормально при родах на дому?

Ей нужно было узнать больше о рождении ее сестер, но она пока не могла заставить себя позвонить им. Кроме пары медицинских работников никто ничего не знал. Она не могла позвонить им прямо сейчас.

Но, возможно, ей и не нужно было этого делать. Когда она сортировала документы на прошлой неделе, то сложила в одну папку копии всех свидетельств о рождении. Она сделала это, потому что планировала, однажды она поработать над их генеалогией. Их родители никогда не говорили о семье. Они не казались скрытными в этом плане, просто не были многословными, как и все жители Среднего Запада.

Ее отец потерял родителей к восемнадцати годам, а мать провела подростковые годы в приюте. Были трудные времена, но они выжили. Сегодня они бы бесконечно писали в своем блоге о преодолении трудностей, но тогда люди просто зарабатывали себе на жизнь, а любые сильные чувства оставляли при себе.

Пахали как проклятые. Простой народ живет простой жизнью.

Или нет. Они могли быть мошенниками все это время. Чему она могла верить, когда не могла доверять даже собственной жизни?

«Успокойся, девочка», — пробормотала она про себя. Это была не передача для телевидения. Где-то был ответ. Что-то простое и совсем не ужасное.

Она принесла свидетельство о рождении в кабинет и открыла коробку с файлами, которую она почти заполнила с момента переезда. В самом начале был файл, который она аккуратно пометила «Свидетельства о рождении» жирными, уверенными буквами. Что за

невинное тщеславие.

Она положила документы своих сестер на потрескавшуюся кожаную оттоманку и села между ними. Все документы выглядели одинаково. Она провела кончиками пальцев по лепной печати. На ксерокопиях свидетельств ее сестер она отсутствовала, но она могла видеть серую тень от них обоих, парящую, как призрак.

Адрес рождения был одинаковым на всех трех свидетельствах: 47105, Шоссе 1. Присутствующее лицо тоже было: загадочная Мария Диас.

Ее сестры родились с разницей в год, в 1968 и 1969 годах. Ханна пришла немного позже, в 1972 году. Три года было достаточно для повторного брака или изменения статуса отношений, но этого не произошло. Ее родители были женаты с 1966 года. Они все еще были женаты, когда ее отец умер сорок пять лет спустя.

Так в чем же отличие?

Она проверила подписи и имя клерка, а затем посмотрела на даты подачи и нахмурилась.

Свидетельства ее сестер были зарегистрированы в течение недели после их рождения. Только свидетельство Ханны задержали более чем на месяц.

Это должно что-то значить.

Она была не готова, но ей пришлось позвонить Рейчел. Они были не особо близки, как сестры, но Рэйчел могла быть единственной, кто мог бы помочь ей разобраться.

Прекрасно осознавая, что она собирается разрушить многие воспоминания своей сестры, Ханна вытащила телефон из кармана и набрала номер.

— Ханна! — радостно ответила Рэйчел. — Как ты держишься?

Ханна солгала автоматически.

— У меня все в порядке.

— Мама в порядке?

— Конечно, — сказала она, решив не говорить «Конечно нет, она сошла с ума!».

— Что-то случилось?

Ханна прочистила горло.

— Ты занята?

— Я готовлюсь к свадебному торжеству в подвале церкви, но это не страшно.

— О, ты не дома?

— Еще нет. А что?

Что, черт возьми, она должна была сказать? Как она должна была представить это? Но, возможно, Рэйчел уже обо всем знала. Она была старше всех. Она может быть частью секрета.

Ее голова закипела, а кожа на голове покалывала. Ханна потерла лоб.

— Что ты помнишь обо мне, когда я была маленьким ребенком?

— Маленьким ребенком? Мне было всего четыре года, когда ты родилась. Я ничего не помню, кроме того времени, когда мама отшлепала меня за то, что я подстригла тебя, а к тому времени тебе был почти год. Должно быть, она чуть не умерла, когда представила, как я держу ножницы на дюйм выше твоих глаз. Ты можешь себе это представить?

Рэйчел рассмеялась, но все, что могла сделать Ханна, это нахмуриться в замешательстве из-за того, что она собиралась сказать.

— Значит, ты ничего не помнишь о моем рождении?

— Нет.

— Или, как мама была мной беременна?

— Совсем нет. Что происходит? — Рэйчел сделала паузу, а затем быстро вздохнула. —

О Боже, Ханна, ты беременна? — она чуть не провизжала слово «беременна».

Неважно, что Ханна была в процессе развода. Ребенок был ребенком, и дети приносили радость Рэйчел. Вот почему у нее было их целых пять.

Пять. Даже в своем нынешнем озабоченном состоянии Ханна съежилась от этой цифры.

— Нет, я не беременна.

— Ты уверена?

— Если бы я была беременна, я бы была ей уже как восемь месяцев к ряду, так что да, я уверена.

Она услышала приглушенные звуки, как другие люди разговаривали в комнате с Рэйчел, и поняла, что это плохая идея.

— Слушай. Ты занята. Я перезвоню позже.

— Я не занята. Мы заканчиваем. Скажи мне, что происходит.

— Рейчел... — её живот скрутило в узел.

Как, черт возьми, она должна была сказать это?

— Рэйчел, я и мама не родные друг другу.

— Ты не родная маме?

— Я не связана с ней. Биологически. Она не моя мать.

— Ханна, — раздраженно воскликнула Рэйчел, ее голос звучал озлобленно. — О чем ты говоришь?

— Наши группы крови несовместимы.

Минута молчания показала, что она, наконец, поняла, о чем говорит ей Ханна.

— Это очевидно не так. Это был тест? Пусть они проведут его заново.

— Было проведено три теста. Это не ошибка.

— Ханна...

— Она не моя мать. Я знаю, что я просто обрушиваю это на тебя, и в это трудно поверить, но это так. Доктор продолжал говорить, что я, должно быть, была удочерена, но...

— Ты похожа на отца!

Рэйчел не заканчивала мысль Ханны. Слова вырвались из нее. Обвинением. Криком.

— Я знаю.

— Если ты дочь отца, то она должна быть твоей матерью. Конец.

— Нет. Нет, это не обязательно.

— Ханна, — снова сказала она, на этот раз тяжелее. Ужас и отвращение обострили грани Рэйчел, и она задала этот извечный вопрос: Ханна, почему ты всегда вызываешь столько проблем?

Потому что она родилась проблемной, очевидно.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала, Рейчел? Она не моя мама. Это невозможно с точки зрения науки. И папа, очевидно, мой папа! Так что, черт возьми, случилось?

— Как я могу знать?

— Ты была там!

— Я даже не могу поверить в то, что ты говоришь! — воскликнула Рэйчел. — Как могла мама...?

Это не имеет никакого смысла. Она и папа были женаты сорок пять лет!

— Ты должна что-то вспомнить. Доказательства, семейная драма, переворот?

— Нет.

— Ты помнишь переезд в Айову?

— Нет.

— Ты что-то помнишь о Калифорнии?

— Я не... — Рэйчел вздохнула. — Я не знаю. Я помню цыплят, вроде как. Как держала яйца. И играла в реке, может быть? Это все. Мне было четыре года.

— Рэйчел, что я должна...?

— Всему этому должно быть какое-то объяснение, — вмешалась Рэйчел. — Какое-то редкое исключение. Это нелепо.

— Нелепо? Это чертовски ужасно! — ее крик отозвался эхом. Когда она почувствовала боль в голове, она разжала кулак и стряхнула с себя волосы, которые она случайно вырвала у корней. — Это моя жизнь, — прошептала она.

— Послушай, — сказала Рэйчел успокаивающим голосом старшей сестры. — Это должно быть ошибкой. Больше никому не говори. Не волнуйся. Бекки и я будем там послезавтра. Мы разберемся, хорошо?

— Должна ли я позвонить ей?

— Нет. Пока нет. Бекки младше меня. Она не сможет помочь, если я не могу.

Ханна покачала головой.

— Что я должна делать?

— Мы разберемся с этим. Мы все уладим. Я обещаю.

Если бы она сказала так о чем-то другом, Ханна бы ей поверила. Рейчел сдерживала свои обещания. И она так хорошо заботилась о людях. Это был ее талант.

Но здесь не может быть четкого ответа. Не может быть невинных объяснений. Ее отец произвел на свет ребенка с кем-то еще. Ее мать помогла это прикрыть. И памяти мамы в этом мире может не хватить, чтобы докопаться до правды.

Ханна терпеливо ждала, когда помощник закончит утренние процедуры. Она спокойно сидела в кресле и читала, чувствуя на себе осторожные взгляды, которые кидал на нее Мигель. Он, вероятно, всегда наблюдал за ней с осторожностью в глазах. Трудно выполнять свои обязанности, когда за тобой наблюдают. Она надеялась, что эти взгляды не имеют ничего общего со вчерашним происшествием.

Но все, должно быть, слышали, что она устроила истерику. Возможно, ее даже обвиняли в том, что она напала на свою мать, потому что доктор не мог рассказать личную информацию о пациенте, чтобы объяснить его поведение. Вероятно, ее считают нестабильной, жестокой и ужасной женщиной.

Или, может быть, они все знают правду. Медицинские работники сплетничают, не думая о правах на личную жизнь — будь они прокляты. Она надеялась, что они сплетничают, зная причину, по которой она потеряла самообладание и накричала на свою мать-инвалида.

Она не должна была так себя вести и пугать свою маму. Но любой мог поступить неразумно после получения таких новостей.

Она встретила взглядом с помощником и успокаивающе улыбнулась, когда он помог Дороти перебраться с кровати в кресло.

— Большое спасибо, Мигель, — сказала Ханна спокойным теплым тоном, стараясь показаться вежливой. — Я помогу ей выбрать что-нибудь из одежды, чтобы переодеться через некоторое время.

Он будто почувствовал облегчение от нормального разговора и улыбнулся в ответ.

— Доброго Вам утра, мадам, — сказал он Дороти, уходя.

Дороти не ответила. Сегодня ее взгляд был неясным. Она отвернулась от Ханны.

Ханну переполняло от нетерпения узнать правду, но она должна действовать осторожно, чтобы не напугать мать. Даже в хороший день ее легко можно было ввести в состояние смятенного ужаса. А сегодня не самый удачный день.

Так что никаких обвинений. Никакого гнева. Никаких прямых вопросов. И однозначно, не хватать за руки.

подавив волнение, Ханна успокоила свое дыхание. По правде говоря, она хотела схватить свою мать, встряхнуть ее и закричать от ярости за то, что она скрывала от нее столько лет.

Сделав несколько глубоких вдохов, она немного успокоилась.

Настроение матери сегодня может быть хорошим. Возможно, она захочет все отрицать перед Ханной, но, может быть, она поговорит с кем-то, кого считает незнакомцем. Возможно, она забудет, что хотела сохранить все это в секрете.

— Здравствуйте, Дороти.

Ее мама подняла глаза и вежливо улыбнулась. Она могла потерять большую часть разума, но она сохранила свои манеры.

— Не могли бы вы рассказать мне о вашем муже?

— Они украли его кольцо, — сразу ответила она.

Обрадовавшись своему коварному плану, Ханна улыбнулась.

— Но оно у меня прямо здесь.

Она вынула из кармана золотое кольцо отца и протянула его.

— О! — воскликнула ее мать. — Я не могла его найти!

— Я нашла его, — сказала Ханна шепотом, будто она участвовала в заговоре. — Вы можете доверять мне.

Ханна не знала, какие есть причуды у потери памяти. Как ее мать могла фокусироваться на пропаже кольца, но редко спрашивать, где ее муж? Возможно, смерть ее мужа была таким ударом, который оставил в ее памяти след, который не смогла разрушить болезнь.

Она решила, что это не имеет значения, если кольцо не заставит Дороти заговорить.

Ханна вложила кольцо в дрожащие ладони матери, и Дороти поднесла пальцы к своему сердцу.

— Спасибо. Огромное спасибо.

— Пожалуйста.

— Вы уверены, что это его кольцо?

— Ваши инициалы выгравированы прямо внутри. Вы с мужем жили в Калифорнии, не так ли?

Выражение лица Дороти в доли секунды изменилось из счастливого в мрачное. Она крепче прижала руку к груди.

— В Биг-Суре, — продолжила Ханна.

— Мы уехали.

— Конечно, но вы там жили пару лет, верно?

Дороти подняла подбородок и отвернулась.

— Нет.

— Там вы родили дочерей. Это был ваш дом.

Она стала хмурой.

— Мы не говорим о Калифорнии.

Сердце Ханны застучало в бешеном ритме.

— Что? Почему вы не говорите о Калифорнии?

— Потому что, — огрызнулась она, — мы этого не делаем.

— Но у вас была там ферма, разве нет?

Дороти крепче обхватила руку Ханны, как будто пыталась защитить.

— У нас было много вещей.

— Каких?

— Вещи, вещи, вещи.

— Так у вас было много денег?

— Нет! У нас был Бог. У нас там был Бог. Он был с нами. Всегда с нами.

Бог? Что это значит?

— Мисс Дороти, — она наклонилась ближе. — Я хотела бы знать о вашей семье. О Питере, Рейчел и Бекки. И о Ханне. Она родилась в Калифорнии, не так ли?

— Мы не говорим о Ханне.

Ханна сжала руки в порыве страха. Ее ногти впились в ладони, причиняя физическую боль, равную ее эмоциям.

— Почему? — она не получила ответа. — Мама, пожалуйста. Пожалуйста. Мне нужно знать.

Нет ответа. Дороти замерла, крепко сжимая обручальное кольцо.

— Кто она? — давила Ханна. — Кто такая Ханна? Кто ее мать?

Дороти подняла голову, и на одно мгновение Ханна подумала, что ее мама услышала и сейчас ответит. Но ее затуманенный взгляд сосредоточился где-то за плечом Ханны.

— Он здесь!

— Кто здесь? — она машинально оглянулась, хотя знала, что комната позади нее пуста.

— Он здесь, чтобы забрать меня в комнату пазлов!

— Здесь никого нет, мам.

— Он здесь. Он принес пазл.

Ханна закрыла глаза и почувствовала слезы. Как только галлюцинация начиналась, она могла продолжаться часами.

— Это папа? — спросила она напрасно, надеясь, что сможет вернуть свою маму к теме их семьи.

— Мне нужно идти в комнату пазлов.

Боже. Не было никакой комнаты пазлов, как и не было человека, который мог бы ее туда отвести. Ханна потерла рукой глаза, которые жгло от слез.

— Просто скажи мне, кто моя мама?

— Он здесь. Я опаздываю. Мне нужно одеться.

— Боже правый, мам! Здесь никого нет!

— Не будь грубой. Он злится, когда ты грубишь. Мне нужно попасть в комнату пазлов.

Ханна еще раз оглянулась через плечо и наигранно кивнула.

— Да. Но сначала он говорит, что хочет знать о Биг-Суре.

Дороти побледнела.

— Почему?

— Он говорит, что это загадка Биг-Сура, и ты должна сказать ему правильный ответ, чтобы получить пазл.

— Он не говорил этого!

— Я говорила с ним до того, как вошла в комнату. Он говорил, что тебе нужно ответить правильно, и тогда у тебя будет пазл.

— Ч-что? — теперь она выглядела растерянной, ее взгляд устремился от Ханны к тому воображаемому мужчине позади нее.

Это был ужасный ход. Ханна была ужасной дочерью. О, черт, она же и не дочь вовсе.

— Как правильно? — прошептала Дороти.

— Правильно — это рассказать ему, что произошло в Биг-Суре.

Дороти посмотрела в сторону, и ее глаза сузились.

— Мы вышли из сада.

— Какого сада?

— Я должна была сделать это, поэтому мы покинули сад.

— Мам, сделать что? Что ты сделала?

Она не задерживала взгляд на Ханне, даже на мгновение. Ее глаза беспокойно бегали по комнате. Стол, пол, окно.

— Сейчас мне нужно идти в комнату пазлов. Я опаздываю.

— Кто мать Ханны?

— Я всегда любила пазлы.

— Я знаю, мам, но...

— Мне нужно идти! — закричала она, наклонившись вперед, пока не пошатнулась на краю своего кресла. — Он злится!

Гнев Ханна попытался вырваться наружу, но она смогла взять эмоции под контроль.

— Хорошо, — сказала Ханна. — Давай выберем немного одежды.

— Мне не нужна твоя одежда! Я тебя не знаю!

— Мам...

— Ты не моя дочь!

На этот раз стрела попала, она вонзилась в мягкое место и погрузилась глубоко. Она не была дочерью Дороти, поэтому Дороти узнавала только Рэйчел и Бекки.

— Я приведу кого-нибудь тебе помочь, — прошептала Ханна, прежде чем схватить сумочку и толкнуть дверь.

На полпути по коридору она увидела Мигеля, несущего поднос из другой комнаты.

— Она хотела бы переодеться, пожалуйста, — сказала она онемевшими губами.

Вибрирующий грохот раздался у нее в голове и преследовал ее до дверей безопасности. Это рушился ее мир. И ее здравомыслие. Вся ее любовь и мягкость рассыпалась внутри нее, и превращала в монстра. Ее семья боялась, что она вырастет эгоистичной и бессердечной сукой.

Грохот раздавался непрерывно и сливался в один сплошной гул, пока не уступил место внезапному треску.

Только когда Ханна захлопнула передние двери центра по уходу, то поняла, что звук был всего лишь громом. Серое небо озарило еще одной вспышкой молнии и на землю начали падать твердые, как пули капли дождя. Снова раздался рокочущий гул, сотрясая ее внутренности и мозг.

Она не побежала к машине, а просто вышла под дождь. Ледяной дождь остудил в ней горячий гнев. Капли дождя стекали по ее прилипшим волосам на рубашку. Даже после того, как она села в машину, крошечные струи воды продолжали течь, пока она сидела там, дрожа.

Она хотела вернуться в Чикаго. Вернуться в свою квартиру. В свою постель. В свой брак. Она хотела проснуться, высохнуть и согреться, и понять, что прошедшие шесть месяцев были просто кошмарным сном. Кошмар, который утром уже не имел бы никакого смысла. Почему она вернулась в Айову? И как Джефф мог ненавидеть ее так сильно? Это была чепуха. Джефф никого не ненавидел. И какая глупо думать, что ее милая, спокойная мать не была ее матерью.

Это был один из тех снов, которые невозможно объяснить другому человеку, потому что в нем было мало смысла. Это была я, но я не была собой. Я жила в своей старой комнате в доме родителей. Моя мама не была моей мамой, и я не знала, кто я такая.

Ханна сидела в машине дрожала и ждала, когда закончится сон. Треск молнии раздался так близко, что она вскочила и ударилась виском об окно машины. Более слабый, глухой треск, но такой, который разбудила бы ее, если бы она спала.

Так. Все это было по-настоящему, и она не могла проснуться от реальности, как бы ни старалась.

Холод пробрал ее до костей, поэтому она завела машину и включила обогрев. Теперь она была жуткой, мокрой леди, дрожащей в своей машине под дождем. От ее дыхания запотели окна. Она слишком тяжело дышала.

Она включила обогрев сидений и попыталась взять себя в руки.

Было только десять утра. Весь день растянулся перед ней, ужасный и бесконечный. Она не могла вернуться в центр, иначе потеряла бы контроль. Она кричала бы и хватала Дороти, и ее обвинили бы в жестоком обращении с пожилыми людьми. Она не могла пойти домой и

заняться делами. Одна только мысль о том, что придется перебирать бесконечные стопки бумаг, чуть не сломила ее.

Но, может это имеет смысл. Может быть, где-то был секретный тайник. Коробка, в которой хранились документы об удочерении или дневник, в котором написано признание... о том, что там случилось. Интрижка ее отца. Поддельное свидетельство о рождении. Или что-то об «уходе из сада», что бы это ни значило.

Она могла бы попытаться сделать некоторые исследования. Выяснить, кто сейчас живет по этому адресу, и знают ли они что-нибудь.

Или она могла просто напиться.

— Да, — пробормотала она в туманную пустоту своего лобового стекла. — День пьянства. Это правильно.

Она достала салфетки из сумочки и вытерла лобовое стекло со своей стороны. Автоматические дворники непрерывно работали, пытаясь пробиться сквозь непрерывный поток дождя. Еще одна вспышка молнии расколола небо надвое, но на этот раз Ханна не подпрыгнула. Она только выехала с парковки и направилась в винный магазин за бутылкой своей любимой дорогой водки. Ей также нужно купить апельсиновый сок. И, может быть, ужасная замороженная пицца и коробочка хорошего мороженого.

К тому времени, когда она вернулась домой с водкой и продуктами, порыв начать пить прошел. Не желание, конечно. Она отчаянно не хотела быть трезвой прямо сейчас. Но она могла подождать до полудня. Возможно, ей даже удастся дожидаться счастливого часа.

Она поставила сумку на лососево-розовую столешницу на кухне родителей и посмотрела на потертое место на столе, куда отец каждый вечер ложил ключи. Каждый вечер. Никогда не изменял этой привычке. Никогда не ездил на ночь с друзьями по рыбалке.

— Боже, папа, — вздохнула она. — Что, черт возьми, ты натворил?

Дотронувшись до места двумя пальцами, она почти ощутила запах своего отца. Намек на зерно и сорго из магазина кормов, перебитый запахом «Олд Спайс» и мыла «Диал».

Нет, она определенно не выдержит до счастливого часа. Но она могла бы немного поработать сыщиком, прежде чем уйти на диван с бутылкой.

Поставив напитки в холодильник, она повертела коробку с замороженной пиццей, пока она не поместилась в морозильник, и поставила на нее мороженое. С момента переезда она набрала пять фунтов, но это ее не беспокоило. Она была стройной всю свою жизнь, всегда имела модный и соответствующий возрасту гардероб, обновляла свою прическу и следила за внешностью, чтобы соответствовать современным тенденциям. Она оставалась актуальной. Слушала современную музыку. Читала новые книги. Вела активную общественную жизнь.

И какое это теперь имеет значение? Она больше не была успешной бизнес-леди с уверенным стилем. Она была просто стареющей неудачницей, у которой ничего не было. Ни брака, ни детей, ни дома, ни работы.

Ни родителей.

Она должна была найти хоть какую-то зацепку из прошлого.

Она видела передачи о людях, которые ищут родителей. Воссоединения между незнакомцами, которые каким-то образом чувствовали родство. Неужели это то, чего ей всегда не хватало в жизни?

Может быть, ее биологическая мать была такой же, как она. Темноволосой и темноглазой, с темной душой. Может быть, она слишком сильно давила на границы, не могла успокоиться и всегда создавала слишком много проблем.

Это имело смысл, не так ли? Вот что случилось. Ее настоящая мать спала с женатым мужчиной. Возможно, соблазнила его. И когда она поняла, что беременна, то задержалась для того, чтобы родить Ханну. Затем она снова уехала из города, к своей беспокойной бродячей жизни. Так Ханна и появилась на свет.

Ханна сделала глубокий вдох облегчения. Однако это длилось недолго, потому что ее отец не очень хорошо вписывался в эту сцену.

Питер Смит был таким же спокойным и милым, как и его жена. Да, немного жестче, как и все мужчины его поколения. Он не разговаривал на глубокие темы и не был эмоциональным. Но он вывозил своих девочек за мороженым в летние выходные, целовал их в лоб, чтобы пожелать спокойной ночи и всегда был гласом спокойствия в темпераментные подростковые годы Ханны. Она не могла представить, что он завел интрижку, даже в годы его юности.

Он вставал в шесть часов утра семь дней в неделю. Он ни разу не брал больничный, когда работал в магазине кормов. Он откладывал деньги, чтобы стать владельцем магазина в 1989 году, когда его прежний владелец вышел на пенсию. По воскресеньям рано утром он ходил в церковь, а после обеда вел занятия по изучению Библии для мужчин. Он слушал бейсбол по радио, но футбол и хоккей были для него слишком жестокими. Его единственным хобби была рыбалка, и не та, которая заключалась в том, чтобы бросить удочку в воду и пить пиво целый день.

Он был не из тех мужчин, чтобы связываться с дикой путешествующей женщиной ради нескольких недель страсти. Или, может быть, он сделал это однажды и усвоил урок? И выбросил эту историю из своей жизни?

Ханна поняла, что уже давно стояла перед открытой морозильной камерой. Старый мотор загудел. Она закрыла дверь и подошла к кухонному столу, чтобы открыть свой ноутбук.

Сначала она провела полдюжины поисков. «Питер Смит» и «Калифорния». «Питер Смит» и «Биг-Сур». Затем «Дороти Смит». Затем «Дороти Бэйлор». Но, похоже, все публикации и сообщения о путешествиях в мире всплывали с этими поисками. Смит была слишком распространенной фамилией, чтобы проследить ее в Интернете.

И тогда ей пришло в голову, что их фамилия может быть вовсе не Смит. Смит была той фамилией, которую люди выбирали, когда убегали от чего-то. Смит была фамилией, чтобы спрятаться.

Мы не говорим о Калифорнии.

— Нет, — пробормотала она.

Она теряла хватку. Наиболее вероятным объяснением ее существования был роман, а незаконнорожденный ребенок был причиной, чтобы пара никогда не говорила о прошлом. Какова бы ни была правда, они проделали хорошую работу, чтобы все осталось в прошлом. Они очень постарались и построили хорошую жизнь для своего незаконнорожденного ребенка.

Отказавшись от поисков какой-то неуловимой семьи Смитов из семидесятых, Ханна открыла спутниковую карту и напечатала адрес своего места рождения. Она ожидала, что на экране появится снимок маленького города, но все, что она увидела, это деревья. Целые акры деревьев.

Нахмурившись, она увеличила изображение, пока не появилась крошечная группа зданий. Сквозь зеленые навесы деревьев виднелись черные крыши домов и несколько

небольших лужаек, похожих на автостоянки.

Она снова уменьшала масштаб, пока не увидела бледную линию шоссе, пробивающуюся через пейзаж. На экране появилось несколько значков. Заправка. Мотель. Закусочная. И прямо рядом с маленьким кружком ее поискового адреса была надпись «Риверфол Инн». Она нажала на нее, это был адрес ее рождения: 47105, Шоссе 1.

Дерьмо. Она родилась в мотеле?

Но нет, конечно, нет. Ее родители не могли жить годами в мотеле. Она нажала на сайт «Риверфол Инн» и сразу увидела, что гостиница была старым домом, который был переделан в «БиэндБи». История, которую он предлагал, была короткой.

«Риверфол Инн» функционирует как отель типа «постель и завтрак» в Биг-Суре с 1993 года. Теперь мы рады объявить об открытии коттеджей на берегу реки, которые первоначально были построены на нашей территории в 1968 году! Каждый коттедж был с любовью отреставрирован с использованием экологически чистых конструкций и местных материалов. Вы найдете все домашние удобства прямо здесь, в домиках из красного дерева. Пожалуйста, посмотрите нашу страницу размещения для получения дополнительной информации о наших гостиничных номерах и прибрежных домиках. До встречи в Биг-Суре!

Коттеджи, построенные в 1968 году. Это то, чем занимались ее родители? Строили туристические домики?

Судя по тому, что она видела на странице размещения, домики представляли собой крошечные квадраты, оснащенные современными удобствами. Там нет полезной информации.

Она щелкнула на фотографии гостиницы, которая была похожа на старый фермерский дом, который был восстановлен. Конечно, гостиницы была более подходящей находкой. Она могла представить себе там акушерку, которая помогает женщине во время родов. Молодой длинноволосой женщине, похожей на Ханну.

Это был частный дом до 1993 года? Она пыталась найти статью об открытии гостиницы «Риверфол Инн», но на экране всплывали тысячи отзывов и фотографий путешественников. Она не могла перебрать их достаточно быстро, чтобы найти какую-либо другую информацию. Признав поражение, она открыла окно электронной почты и отправила простой запрос в гостиницу.

Не могли бы вы рассказать мне немного об истории этого отеля? Спасибо.

В недоумении, как поступить дальше, Ханна включила духовку, чтобы ее разогреть. Было почти одиннадцать. Она перерыла еще несколько стопок бумаг, а потом утопила печаль в дешевой пицце и водке с соком, ожидая ответа из Биг-Сура.

— Ханна?

Она открыла глаза и увидела темную фигуру, проходящую через ее спальню за мгновение до того, как была подвержена яркой вспышке сверкающей бомбы. Ханна вскрикнула от ужаса и закрыла лицо руками.

— Ты в порядке? — спросила ее сестра.

Ханна не была уверена, какая именно из сестер это была. У них обоих была одна и та же интонация.

— Сколько сейчас времени? — простонала Ханна.

— Восемь утра. Ты что, пьяна?

— К сожалению, больше нет.

Вероятно, это была Рэйчел. Бекки редко говорила таким осуждающим тоном.

— Ханна, — упрекнула ее сестра.

— О, ради Бога. Тебе не кажется, что я заслужила хорошую, крепкую ночь попойки?

Или хороший, крепкий день. В конце концов, ей удалось продержаться до трех. Впрочем, после этого она потеряла счет выпитым «отверткам». Все, что она помнила, это то, как проснулась в четыре часа утра, ее вырвало, затем она накачала себя водой с ибупрофеном, а потом, спотыкаясь, перебралась с дивана на кровать.

— Не могла бы ты задернуть эти чертовы шторы? — прорычала она.

Рэйчел фыркнула, но задернула шторы.

Слава Богу за ибупрофен и воду. И, вероятно, рвоту. Если не считать аллергии на солнечный свет и сухость во рту, она чувствовала себя не так уж плохо. Ей удалось сесть и свесить ноги с кровати без малейшего намека на тошноту.

— Мне нужен кофе, — пробормотала она.

— Бекки делает его прямо сейчас.

Ханна хмыкнула и, встав с кровати, побрела на кухню. Все шторы и жалюзи, конечно, были открыты, но она прищурилась от нападения света и направилась на запах кофе.

Бекки стояла у раковины в резиновых перчатках, и мыла посуду, накопившуюся за последние несколько дней. Ханна попыталась не обращать внимания на виноватый гнев, который сжигал ее изнутри. Она бы убралась на кухне вчера вечером, если бы ее жизнь не разваливалась на части.

Бекки стянула перчатки и повернулась, чтобы посмотреть, как Ханна достает из буфета кофейную чашку. Она хотела поставить ее обратно, когда увидела, что на кружке было напечатано «Счастливого дня!» над улыбающимся солнцем, но сегодня у нее не было сил сражаться в маленьких битвах.

— Ты в порядке? — спросила Бекки.

— Я уверена, что выгляжу как смерть, но я в порядке.

— Я имею в виду... другое.

Ханна наполнила кружку только наполовину, поставила ее вместе с кофейником на стол, и повернулась, чтобы взглянуть на Рэйчел.

— Ты сказала ей?

— Я... эм, — Рэйчел пожала плечами.

— Я же просила тебя не рассказывать ей!

— Я знаю, но мы ехали всю дорогу сюда и... Я не хотела, чтобы она действовала вслепую.

— А тебе не приходило в голову, что, может быть, именно мне следует сказать ей, что на самом деле я ей не сестра?

— Ханна! — ахнула Бекки. — Конечно, ты моя сестра! Не говори глупостей.

— Сводная сестра, вероятно.

— Как будто это имеет для меня значение.

— Это имеет значение для меня! — возразила Ханна.

Но ее злобные, резкие слова не разозлили Бекки. Вместо этого она грустно улыбнулась, раскрыла объятия и бросилась обнимать Ханну.

— Мне очень жаль, детка. Ты уверена, что это правда? Я не могу в это поверить.

— На данный момент все, в чем я уверена, это, что мама — не моя мама. С научной точки зрения это невозможно.

Она слегка сжала Бекки и подождала, пока ее отпустят. Другие женщины в ее семье всегда обнимались слишком долго.

Бекки, наконец, отпустила ее.

— Но папа должен быть твоим отцом. Ты его уменьшенная копия.

— Слегка уменьшенная, — признала Ханна. — Но ты же знаешь, что это значит. Если я его дочь, то папа изменил маме.

Бекки сжала губы и покачала головой.

Ханна сочувствовала этому импульсу, но не собиралась отрицать очевидное.

— Я знаю, это трудно принять, но интрижка — единственное объяснение.

— Тсс! — Бекки снова покачала головой. — Дети услышат!

— Какие дети?

Когда Бекки заглянула в гостиную, Ханна обернулась и увидела две светловолосые головы, склонившиеся над айпадом. Двое младших детей Бекки. Теперь они оба были нескладными подростками. Или тинэйджерами.

Рэйчел захлопнула дверцу шкафа, но ее голос был тихим.

— Возможно, ты — чудо науки. Не может быть, чтобы у папы был роман.

— Откуда нам знать? Он был молод. Это было совсем другое время. И они были чертовски уверены, что убегают от чего-то, покидая Калифорнию.

— Они просто хотели жить проще, — настаивала Рэйчел.

— Ты знаешь, что мама сказала мне вчера? «Мы не говорим о Калифорнии». Тебе это кажется простым?

Рейчел сердито нахмурилась.

— Не говори мне, что ты расспрашивала об этом маму?

— Не смотри на меня, как на сумасшедшую! А кого еще я должна была спросить?

— Не беспомощную пожилую женщину, ради всего святого!

Взрыв смеха Ханна был далеко не веселым.

— Рэйчел, ты шутишь? Я только что узнала, что мне лгали всю мою жизнь. Мама единственная, кто может мне что-то сказать, и ты хочешь, чтобы я... Что? Просто бросила это? Просто отпустила ситуацию?

— Она даже не может вспомнить, почему находится в этом центре, а ты ждешь, что она ответит на вопросы о том, что случилось сорок пять лет назад?

— Да, жду.

— Не могу поверить, что ты вообще заговорила об этом. Должно быть, она была очень расстроена.

— Была, — произнесла Ханна.

— Ханна! — Рэйчел говорила тем же шокированным тоном, каким говорила с тех пор, как Ханна научилась ходить.

— Да, она была расстроена. Она испугалась и закричала, что я не ее дочь. Забавно, а я и не подозревала, что все это время она говорила мне правду.

Бекки положила руку ей на плечо.

— Это говорило ее слабоумие.

— Нет, я не думаю, что дело в этом. Я считаю, что деменция разрушила ее внутренние барьеры. Она перестала помнить о своей лжи. Она когда-нибудь говорила тебе, что ты не ее дочь?

Бекки не ответила. Рэйчел тоже. Ханна боролась с желанием показать им обоим средний палец. Конечно, она пыталась объяснить это самой себе, но не хотела слышать это от них.

— Я приготовлю тебе завтрак, — предложила Бекки. — Ты почувствуешь себя лучше, когда поешь.

Ах, этот неизменный рефрен жизни Среднего Запада. Болезнь? Предложи еду. Похороны? Принеси еду. Новый ребенок? Оставь еду. Вдруг обнаружишь, что ты какой-то незаконнорожденный тайный сирота? Еда, еда, еда.

Но она была голодна, поэтому не возражала.

Бекки быстро взбила тесто для кукурузных оладий, и от запаха жарящихся блинов Ханна снова почувствовала себя десятилетней девочкой. Будучи подростком, она с презрением относилась к постоянному продвижению кукурузы как жизненно важного овоща. Это было зерно, настаивала она, и совсем не полезное. Но ее презрение ничего не изменило. Кукурузные оладьи на завтрак, кукурузные початки на обед, сливочная кукуруза на ужин. Она была повсюду: летом ее отваривали и обрезали початки, упаковывали в коробки и складывали в морозильную камеру в подвале, чтобы она не закончилась до конца года. Не дай Бог она когда-нибудь закончится.

Она уже много лет не ела кукурузу. Она от нее отказалась. Но как только Бекки поставила перед ней тарелку, Ханна намазала оладьи маслом и сиропом и принялась за еду. В конце концов, еда — это утешение, и будь оно все проклято, если это не сработает. Она чувствовала почти кайф от удовольствия, когда глотала.

Когда всплыло воспоминание, что на самом деле она не была уроженкой Среднего Запада, как и ее родители, Ханна пережевала еду и запила глотком кофе. К тому времени, как Рэйчел, Бекки и двое детей — Руби и Итан — сели за стол со своими тарелками, Ханна уже наполовину расправилась со своей.

Это был тихий завтрак, без обычных, приятных разговоров, которые ее сестры вели за бесчисленными семейными посиделками и пикниками. Ханна с удивлением поняла, что ей не хватает их болтовни. Глаза детей сфокусировались на своих телефонах.

— Как дела, ребята? — спросила она.

— Отлично, — сказали оба, не поднимая глаз.

Ханна кивнула.

— Занятия закончатся через три недели?

— Да, — еще один совместный ответ.

Бекки оживилась.

— Можете ли вы поверить, что мой ребенок заканчивает среднюю школу?

— Ну, он сейчас почти в шесть футов ростом.

— Я знаю. Но он всегда будет моим малышом. Мой первенец! Верно, Рэйчел?

— Черт возьми, Тому уже тридцать, а он до сих пор мой малыш.

Тишина наступила в том месте, где Ханна должна была рассказать о своих детях. Рэйчел прочистила горло.

— У меня есть новости.

— Боже, — произнесла Ханна. — Ты ведь не беременна, правда?

Ей не удалось скрыть ужас, прозвучавший в ее голосе, и они обе нахмурились, прежде чем Рэйчел покачала головой.

— Нет... но Минди— да!

У Ханны отвисла челюсть. Минди была женой Тома. Это означало, что Рэйчел была...

— Ты станешь бабушкой! — завизжала Бекки.

— О Боже, — выдохнула Ханна.

Ее сестра станет бабушкой. Но Ханна не могла быть такой старой.

Ханна тоже могла бы стать бабушкой, если бы родила так же рано, как ее сестры.

Рэйчел и Бекки обнимались, их светлые волосы смешивались, и Ханна не смогла сказать, где начинается чья голова.

Волосы Бекки были длиной до плеч. Волосы Рэйчел были короче, но того же оттенка полированного золота. Практичный боб делал ее похожей на молодую версию их матери. Их матери.

— Срок два с половиной месяца, так что они еще никому не говорят, но я должна была рассказать кому-то!

Этим кем-то явно была Бекки. Ханна случайно оказалась там.

То, что она была всего лишь сводной сестрой, на самом деле не было откровением; это было только подтверждением. Миры ее сестер вращались вокруг детей, дома и семьи, как и мир Дороти.

Ханна, с другой стороны... Что ж. Она помнила даты рождения первых двух племянников. Остальные числа смешались в голове и она не могла их запомнить. Дни рождения сливались в одну длинную серию телепередачи «Комната ползунков». Она перестала посещать вечеринки по случаю дня рождения много лет назад, и вскоре перестала посылать подарки. Правда, на Рождество она каждому подарила по пятьдесят долларов.

Теперь их будет больше. Снова дети, воркование и вздохи о том, как дети делают жизнь стоящей. Последовало неловкое молчание, когда они заметили Ханну, сидящую с бокалом вина в руке и считающую минуты до того, как она сможет выбраться из этого хаоса.

Может быть, открытие, что она не принадлежит этой семье, не было ужасным или обидным. Это подтверждало, что она не такая, как другие члены ее семьи.

— Позвольте мне принять душ, — произнесла она. — Я буду готова через пятнадцать минут.

Когда она вернулась с темными волосами, собранными во влажный пучок, ее сестры все еще обсуждали детей, вытирая столешницы во время разговора. Другого она и не ждала.

— Готовы?

Она уже садилась в огромный внедорожник Рэйчел, когда поняла, что ей лучше поехать на своей машине. Была большая вероятность, что ей понадобится уехать одной.

— Вообще-то, — сказала она, выходя на тротуар, — я возьму свою машину и встречу вас там.

Рэйчел нахмурилась.

— Мне нужно купить продукты по дороге домой.

— Я поставила для тебя в холодильник кастрюлю с едой.

Конечно она так и сделала.

— У меня закончились хлопья, — соврала Ханна.

Пожав плечами, Рэйчел завела свою машину, и Ханна с облегчением вздохнула, возвращаясь к своей. Она только что выиграла себе двадцать минут, чтобы не чувствовать себя цирковым уродом, сидящим с детьми проповедника.

Вчерашняя гроза разогнала все тучи и влажность. День был свежим и ясным. Она надела солнцезащитные очки и опустила стекла, следуя за внедорожником по городу. Когда Ханна включила радио, песня заставила ее улыбнуться. «Трижды леди» группы «Коммодорс». Музыка вызвала такой прилив воспоминаний о радио, играющем во время летних поездок, что она практически чувствовала, как сестры прижимаются к ее ногам.

Как самую младшую, ее всегда сажали посередине, в то время как ее сестры высовывали руки из окон и махали всем, кого они видели. Но всякий раз, когда отец смотрел в зеркало заднего вида и улыбался ей, Ханна чувствовала себя особенной. Ее сестры были слишком заняты, глядя в окна, чтобы заметить его тайные подмигивания.

Боже, она скучала по нему.

Она скучала по отцу много лет. Его поддержка была необходима ей сейчас. Что бы он ни сделал в прошлом, она простит его.

После сегодняшнего визита к Дороти она каждый свободный час будет рыться в его бумагах. Наверняка где-то был запечатанный конверт. Возможно, в его завещании был намек, который она пропустила. Должно быть, он оставил ей ответ. Она не могла просто плыть по течению.

Только на полпути к центру по уходу она вспомнила о запросе, который отправляла в гостиницу. Она вытащила телефон из сумочки и открыла электронную почту, переводя взгляд с экрана на дорогу и обратно, высматривая беглых коров или сломанные тракторы на обочине. Ее приложение для электронной почты зазвенело, и адрес «Tucker@RiverfallInn.com» появился в верхней части почтового ящика. Сердце Ханны упало.

Она открыла электронное письмо, но, увидев абзац, поняла, что не сможет спокойно прочитать его за рулем.

При обычных обстоятельствах она бы остановилась, чтобы прочитать его, но кто-нибудь из сестер заметит и потребует знать, что случилось. Зарывав, она положила телефон на пассажирское сиденье экраном вниз и заставила себя ехать дальше.

— Давай, ну же, — подгоняла Ханна машину своей сестры.

По крайней мере, Рэйчел не была такой уж паинькой и могла превысить допустимую скорость. На проселочных дорогах ограничение скорости было скорее предложением, особенно если вы дружили с местными офицерами. И семья Смитов всегда была добропорядочными гражданами. Пока не переехала в Айову, по крайней мере.

К тому времени, как они въехали на стоянку центра по уходу, ее ладони на руле были скользкими от пота, но она успела припарковаться, прежде чем взяла телефон. Она открыла электронное письмо и только прочла «Большое спасибо за проявленный интерес!», как Бекки постучала в ее окно.

Ханна опустила его и ободряюще кивнула.

— Я буду внутри через секунду. Мне нужно ответить на это письмо.

— Конечно.

Бекки, в руках у которой были пластиковые контейнеры «Гаппервэ» с настоящими домашними угощениями, направилась к входу, затем обернулась.

— Мы встретимся сегодня вечером дома и поговорим обо всем этом, хорошо?

— Да. Спасибо.

— Мы с этим разберемся.

— Верно, — ее пальцы дернулись, когда она боролась с желанием отогнать сестру. — Просто дай мне минуту. Встретимся в маминой комнате.

Не давая сестре возможности снова вступить в разговор, Ханна подняла телефон.

«Большое спасибо за проявленный интерес! Наше заведение работает по типу «постель и завтрак» с 1993 года. До этого времени это была частная собственность. Если вы посещали это место ранее, имейте в виду, что, хотя дом был обновлен в 1993 году, я полностью реконструировал и реставрировал его в 2010 году, когда приобрел гостиницу и прилегающую к ней территорию. Я думаю, вы найдете номера значительно улучшенными по комфорту и дизайну. Я также очень рад сообщить вам, что мы недавно восстановили прибрежные коттеджи, которые были построены в 1960-х годах и пришли в негодность. Вы можете посмотреть фотографии всех наших отелей на сайте. До встречи в Биг-Суре!»

Такер Нефф

Ханна скривила губы. Письмо ничего не прояснило. Возможно, она могла бы позвонить и объяснить Такеру Неффу, какая информация ей нужна и почему. Посмотрим, сможет ли он помочь.

Ее лицо вспыхнуло при этой мысли. Она не собиралась выкладывать свои секреты незнакомцу, чтобы он пришел в ужас. Похоже, он вообще мало что знал. Все, что его волновало, это бизнес.

Конечно, в наш цифровой век она могла бы сделать запрос о записях собственности и спокойно начать поиски. Больше никому не нужно было знать. Даже с Бекки Ханна испытала шок от того, что Рэйчел раскрыла ее тайну. Достаточно того, что сама Ханна знала об этом. Если еще один или два человека узнают об этом, весь город будет знать.

И Рэйчел, должно быть, рассказала своему мужу. Бекки скажет своему. Может быть, даже старшим детям.

Нет. Вряд ли ее сестры хотели бы, чтобы их дети узнали что-нибудь гадкое о бабушке и дедушке. И они не захотят, чтобы соседи узнали об этом. Дальше это не распространится. Она была в безопасности.

Но в безопасности от чего именно? Не от боли, не от предательства, не от растерянности. Не от осознания того, что она была совершенно одинока.

Сжимая руль, она уставилась на входные двери центра по уходу и думала о том, чтобы уехать. Она могла бы просто выйти из машины, взять чашку кофе и продолжать ехать. Всю дорогу до Чикаго. Или даже дальше. Может быть, вплоть до восточного побережья. Найти работу в небольшом офисе, снять студию с видом на океан, начать новую жизнь и никогда не оглядываться назад.

Конечно.

С тоскливым вздохом она вышла из машины и направилась внутрь.

Ее сестер не было в комнате матери. Они были на посту медсестер, передавали друг другу контейнеры «Таппервэ», полные вкусных лакомств, и обсуждали жизнь сиделок. Дети тоже были, как в гостях — их наушники свободно болтались, когда они улыбались и смеялись.

Ханна провела здесь целый месяц, и понятия не имела, что брат медсестры Куинн играл в Малой бейсбольной лиге в Канзасе, или что у медсестры Бренды есть дочь с церебральным параличом. Медицинские работники сияли от счастья при встрече с сестрами Ханны.

— Ей, наверное, уже восемь? — спросила Рэйчел у Бренды. — В третий класс осенью?

Черт, даже сопоставление возраста с классом было загадкой для Ханны. Она знала только, что пятилетние дети ходили в детский сад, а подростки — в среднюю школу.

Но ее сестры заняли свои места в этой группе, как будто они всегда были здесь и будут. Ханна прошла мимо них и проскользнула в комнату матери.

Ее мама сидела за маленьким столом, сжимая в руке кусочек пазла. Она подняла голову, и на ее бледном лице отразилось вежливое замешательство. — Привет, — осторожно произнесла она.

— Доброе утро! — воскликнула Ханна, решив сегодня придерживаться веселого нейтралитета. Она подвинула стул поближе к маме и села. — Я вижу, у тебя наконец-то есть пазл.

— Да. Это картина.

Это была не картина, а фотография цветов, настолько яркая, что выглядела почти сюрреалистично даже для более ясных глаз Ханны. Кусочки были большими и их легко можно было соединить.

— Это прекрасно. Я знаю, как сильно ты любишь садоводство.

— Люблю! — ответила Дороти. — Цветы, конечно, красивые, но овощи гораздо лучше. Вы так не думаете?

Всегда такая практичная. Она медленно положила свою дрожащую руку на место и прижала кусочек.

Ханна оглянулась через плечо. Она не видела сестер в коридоре, но все равно слышала их смех и разговоры. Она хотела начать этот день с приятного воссоединения. Она собиралась притворяться час или два. Но как только ее семья войдет, Ханна не сможет задавать никаких важных вопросов. Рэйчел вмешается. Дети будут слушать.

Она прочистила горло.

— Твой огород всегда был предметом зависти нашего квартала. Помнишь, когда Лоррейн Давенпорт сказала, что тебе следует запретить участвовать в окружной ярмарке, потому что твой зимний кабачок выигрывает каждый год?

На этот раз улыбка матери была настоящей.

— Я не хотела поднимать шум, поэтому отказалась от участия в тот год. И все равно она не выиграла.

Ханна засмеялась.

— Совершенно верно. После этого она почти ничего не говорила о твоём кабачке.

— Нет, не говорила.

— Ты уверена, что не хотела поднимать шум?

Мать засмеялась.

— Я действительно не хотела.

И Ханна поверила ей. Она наклонилась чуть ближе и понизила голос.

— Моей любимой частью твоего сада были цуккини, потому что ты готовила из них хлеб. Буханки и караваи, пока ими не была забита полностью морозилка. Боже, я до сих пор помню этот запах, и кусочки масла, тающие на теплом ломтике.

— Это было любимым блюдом Ханны, — ответила она.

Ханна замерла и попыталась придумать, как ей поступить, чтобы не спугнуть Дороти и не испортить ей настроение.

— Да. Ханне это нравилось. Как тебе удалось так хорошо работать в саду?

— О, вы знаете, когда я была девочкой, у нас не было выбора. Если бы мы не занимались садоводством, нам нечего было бы есть. И в детском доме... — она замолчала, слегка нахмурившись, когда взяла кусочек пазла из розовых и красных лепестков.

— А в Биг-Суре? — мягко попыталась Ханна. — Ты выращивала овощи там?

— Мои, да. У нас было почти два акра сада. Там было много работы, но дети тоже помогали.

— Рэйчел и Ребекка?

— Да. Они любили помогать. Мы все помогали друг другу.

— Кто все?

— Вся община.

— Даже мать Ханны?

Рука Дороти перестала беспокойно блуждать в воздухе над пазлом. Кусочек дрожал в ее худой руке.

— Она помогала в саду? Мать Ханны?

Она положила кусочек на край пазла и надавила. Линии были не верны. Розовые и красные лепестки смешались с желтой маргариткой.

— Дороти, — настаивала Ханна. — Как ее звали? Ты ее знала?

Кончики пальцев мамы побелели, когда она сильнее надавила на кусочек, пытаясь втиснуть его в неправильное место.

— Пожалуйста. Пожалуйста, мама, просто скажи мне, кем она была.

— Мы оставили ее там, — прошептала Дороти.

— Что?

— Мы оставили ее там.

— В Биг-Суре?

— Да, — прохрипела она. — Мы оставили ее там.

— А кто она была? Мне нужно знать ее имя! Мне необходимо...

— Мы не говорим об этом! — заплакала Дороти. Затем ее ладонь тяжело опустилась на стол, раздался ужасный грохот. — Мы не говорим об этом!

Ее крик остановил смех в коридоре, и внезапные шаги привели сестер к двери. Они остановились на мгновение, оценивая обстановку; затем Рэйчел шагнула вперед.

— Ханна, что ты делаешь?

— Я просто задаю вопросы.

— Я же просила тебя не делать этого!

Ханна сверкнула глазами

— А я сказала тебе, что должна спросить.

Мамина рука снова ударила по столу, шлепок эхом пронесся по комнате.

— Мы не говорим об этом! Мы не говорим об этом!

— Я знаю, мама, — успокаивающе сказала Рэйчел, опустившись на колени и взяв за руку свою маму. Ее глаза пронзили Ханну насквозь, словно пытаюсь сжечь ее стыдом и презрением. — Тсс. Не разговаривай. Все в порядке.

— Все не в порядке, — огрызнулась Ханна.

— Да, — выдавила из себя Рэйчел. — Все в порядке. Все в порядке, мама. Я вижу, ты собираешь пазл.

Ханна сердито посмотрела на свою сестру и отказалась отступить.

— Все не в порядке. Она просто сказала мне, что они оставили ее там.

— Кого?

— Мою мать. Она просто сказала, что они оставили ее в Биг-Суре.

— Мы не говорим об этом! — снова заплакала Дороти.

— Боже правый, — выругалась Рэйчел. — Бекки, не могла бы ты вывести ее отсюда?

Ханна вскочила на ноги.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы мною управляли, Рэйчел.

— Очевидно, что нуждаешься.

Что, черт возьми, Ханна должна была сказать на это? Да, ее мать была расстроена. Да, она плакала, но Ханна имела право знать свою правду.

— Она все еще может быть там, разве ты не понимаешь? Она все еще может быть в Биг-Суре. Я все еще могу узнать, кто я.

— Ты Ханна Смит.

Рэйчел поднесла дрожащую руку матери к губам и поцеловала ее.

— Эта женщина — твоя мать, прямо здесь, перед тобой, и ты ведешь себя с ней жестоко. Она тебя воспитала. Она любила тебя. Мы твоя семья, и мы здесь с тобой, так что какая разница, кого они оставили в Биг-Суре?

Она глубоко вздохнула, втянув в себя достаточно воздуха, чтобы сказать Рэйчел именно то, что она думает о таком дерьмовом отношении к ее чувствам. Но рука Бекки обвила ее плечи и притянула к себе.

— Пойдем. Давай выйдем на улицу и поговорим.

Ханна затаила дыхание. Если она уйдет, Рэйчел продолжит думать, что она права, а это не так.

Но разве имеет значение, что скажет Ханна? Рэйчел не поддастся на уговоры. Она была старшей сестрой, и она была полностью уверена в том, что правильно и что не правильно в этом мире. Конечно, было неправильно расстраивать старую женщину с деменцией. Конечно, было неправильно копаться в семейном шкафу в поисках скелета. Ханна снова была эгоисткой. Она всегда была эгоисткой.

Когда Бекки осторожно потянула ее за собой, Ханна позволила отвести себя к двери, а затем вниз по коридору к маленькому огороженному внутреннему дворику, который позволял пациентам безопасно гулять снаружи.

— Я тут подумала, — сказала Бекки, подводя их к скамейке в тени клена. — Может быть, это не то, о чем ты думаешь. Может быть, ты племянница или что-то в этом роде. Может у папы была сестра, которая попала в беду, а мама и папа могли бы вырастить тебя как свою собственную. Это объясняет, почему ты на него так похожа.

Ханна нахмурилась, обдумывая такую возможность в течение нескольких секунд. Ее пульс участился в надежде. Потому, что было более невинное объяснение. И тем не менее...

— Я могла бы понять, что они воспитывают меня как родную дочь, но зачем папе

скрывать, что у него есть братья и сестры? Зачем бежать в Айову и лгать о своем прошлом?

— Может быть, она была проблемной.

— Мама ведь не ведет себя так, будто это что-то невинное, правда?

— Сейчас мама ни на что не реагирует так, как должна бы.

Ханна грызла ноготь большого пальца.

— Она сказала, что они оставили ее там.

— Я знаю, но...

— Я думаю, мне нужно ехать.

— Ехать куда?

— В Биг-Сур. Я не могу просто сидеть здесь каждый день и думать об этом. Если моя мать все еще в Калифорнии, мне нужно знать. И я не могу... Я не могу оставаться здесь со всеми этими загадками.

Чья-то нога прощуршала по цементу позади них.

— Конечно, ты не можешь, — произнесла Рэйчел.

Она обошла вокруг скамьи и встала лицом к ним, скрестив руки на груди, с выражением гнева на лице.

— Конечно, ты не можешь остаться. Я должна была догадаться.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Ханна.

— Один месяц. Наконец ты вернулась, чтобы заботиться о маме, и выдержала только один месяц, прежде чем решила уехать.

— Это не справедливо!

— Разве я не права?

— Нет! Я переехала сюда на длительный срок. Я приходила сюда каждый день, и уезжать не собиралась. Но даже ты должна признать, что все изменилось.

— Каким образом? Ты собираешься сбежать в Калифорнию и как-то найти женщину, которая пропала сорок пять лет назад? А что потом? Мама все еще та, кто вырастил тебя, и она та, кто нуждается в тебе сейчас.

— Она не нуждается во мне! Она даже не знает, кто я! О, она узнает вас двоих. Отлично Я счастлива за вас обеих. Это должно быть приятно. Но по какой-то неведомой причине она говорит мне, что я не ее дочь.

— Но ты и есть ее дочь, — отрезала Рейчел.

Ханна вскочила на ноги.

— Я и не рассчитывала, что ты поймешь. Ты всегда была здесь своей. Ты всегда была такой же, как она. А я та, кто никогда не чувствовал себя на своем месте. Я всегда была чужой здесь.

— Это просто смешно.

— Что, черт возьми, ты можешь знать об этом, Мисс Королева выпускного бала?

— О, да ну прекрати. Да, в старших классах у нас были разные интересы. Ты думаешь, я всегда чувствовала, что я везде прихожусь ко двору?

— Да, — ответила Ханна. — Да, я думаю, что ты всегда идеально вписываешься куда-либо. С этим местом, с этой семьей. Я не думаю, что ты когда-нибудь лежала ночью в своей постели и удивлялась, почему ты так чертовски отличаешься от всех в твоём окружении.

Рейчел закатила глаза.

— Значит, ты собираешься сбежать и бросить свою больную мать из-за какого-то старого подросткового страха? Тебе сорок пять лет, ради Бога. Пришло время

придерживаться чего-то.

— Ха, — она не собиралась издавать этот звук. Он вырвался у нее изо рта, как кашель. Резкий, глухой, односложный смех.

Она всегда знала, что именно так о ней думает ее семья. Она видела это в их глазах и чувствовала в самых глубоких ямах своей вины. По крайней мере, хоть кто-то, наконец, сказал это.

— Рэйчел, — сказала Бекки, и это слово утонуло в предостережении.

— Нет, — отрезала Рэйчел. — Я устала постоянно мириться с ее язвительной херней. Всегда умнее нас, всегда слишком утонченная для этого города и наших маленьких забот. Легко идти в ногу с музыкой, модой и политикой, когда тебе нужно заботиться только о себе одной, не так ли, Ханна?

— Тебе никогда не придется беспокоиться о том, что приготовить на ужин, или как заплатить за новую спортивную форму для пятерых детей, или о том, будет ли «Медикэр» покрывать новый рецепт на лекарство для мамы. Тебе никогда не придется беспокоиться о том, как город будет выпускать новые книги для средней школы или сможет ли церковь продолжать выплачивать пенсии трем отставным секретарям. Тебе даже не нужно больше беспокоиться о своем муже, правда? Все, что имеет значение, это то, что чувствует Ханна. Чего хочет Ханна.

Ханна усмехнулась, хотя подозревала, что слезы, навернувшиеся на глаза, выдают ее боль

— Ты самодовольная сука.

— Стоп! — воскликнула Бекки, вставая между сестрами. — Прекратите это немедленно. Рэйчел, возвращайся внутрь.

— Конечно, — рявкнула Рэйчел. — Я пойду, позабочусь о маме. Ханна, давай, убегай, как всегда. Не беспокойся о нас. Мы будем в порядке. Просто делай, что хочешь. Это твоя сущность, — она прошла через сад и распахнула дверь.

Ханна смотрела на дверь, которая медленно закрывалась за ее сестрой, пока не услышала резкий хлопок.

Бекки положила руку ей на плечо.

— Ханна...

— Не извиняйся за нее. Она сказала именно то, что думает.

— Она расстроена. Мы все расстроены. Вот и все... Это безумие, Ханна! Мысль о том что у папы может быть... Боже, я даже не могу этого сказать.

— Ну, попробуй представить, как я себя чувствую, — она едва успела выговорить эти слова, как ее горло наполнилось слезами. Они заливали ей глаза, и она не могла сдержать рыданий. — Я не начинала это! — выкрикнула она от боли. — Это не моя вина!

— Я знаю, — Бекки, несмотря на то, что была на пять дюймов ниже, крепко обняла Ханну и попыталась удержать ее. — Мне жаль. Мне очень жаль.

— Это нечестно!

— Я знаю. Это вообще нечестно. Но ты сейчас так расстроена. Сегодня не нужно ничего решать. Посмотрим, что мы сможем узнать отсюда.

— Я уже изучила Биг-Сур. Там всего тысяча постоянных жителей. Если моя настоящая мама там, ее будет легко найти.

— А если ее нет?

— Тогда нужно найти человека, который помнит ее. Зимой это место даже меньше, чем

Косвэлл. Мне проще пойти и задать несколько вопросов, чем написать тысячу писем.

— Ханна, — голос Бекки был прерывистым, умоляющим. — Если она пробыла там сорок пять лет, то пробудет там еще месяц. Пожалуйста, потрать несколько дней на то, чтобы все это переварить.

— Я не могу, Бекс. Это сводит меня с ума. Я не могу сидеть с мамой каждый день и не задавать вопросы. И Рэйчел арестует меня за жестокое обращение со стариками, если я не остановлюсь.

— Она этого не сделает.

— Может быть, она просто снова мне скажет, что я бесполезный, эгоистичный кусок дерьма.

— Это не то, что она сказала.

Ханна выпрямилась, освобождаясь из объятий Бекки. Она провела рукавом по лицу и громко шмыгнула носом.

— Это именно то, что она сказала. Но это не важно. Она права. Я убегаю. Я всегда так делаю.

— Ты не...

— Это не имеет значения! Мне все равно. Если моя мать все еще там, мне нужно знать.

— Но почему? — настаивала Бекки, и в ее голосе не было ни сарказма, ни презрения. Она действительно не понимала. Ханна видела отчаяние в ее умоляющих глазах.

— Потому что, Бекки... а что, если я такая же, как она?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что, возможно, со мной все в порядке. Может, я просто унаследовала характер своей матери.

— Ханна, прекрати! С тобой все в порядке!

Но это была неправда. О, она была довольна собой и своей жизнью уже несколько лет, но развод означал, что ей снова придется столкнуться со всеми своими сомнениями. Почему она не может просто остаться на месте и привыкнуть к окружающей обстановке?

По крайней мере, в этом Рэйчел была права. Ханна отошла от дел. Она убежала. Она отвернулась и пошла дальше. Это было то, что она всегда делала.

Она может попробовать сделать это еще раз. В любом случае, от нее сейчас здесь не было никакого толку. И никогда не было.

КАЛИФОРНИЯ

Калифорния всегда выбивала ее из колеи. Особенно Лос-Анджелес в районе залива. Слабый, нечеткий туман поглотивший воздух, беспокоил ее. Она не могла объяснить почему.

Туман окутал небоскребы и пляж. Город создавал ощущение некой пугающей таинственности, с одной стороны это красивейшее природное явление, а с другой казалось, что в тумане скрывается что-то опасное.

Ханна знала, что это из-за насыщенного влагой прохладного воздуха Тихого океана, смешивающегося с жарой суши, но ей было жутко. Несмотря на свидетельство о рождении, она была уроженкой Среднего Запада. В Айове странность в воздухе означала опасность. Признак того, что надвигается буря. Многие годы предупреждений о торнадо и укрытия в подвале травмировали ее.

Странный воздух не предвещал ничего хорошего. И она никак не могла успокоить свой мозг.

Эта стена тумана, которая каждое утро нависала над побережьем, была похожа на инопланетную мглу из романа Стивена Кинга. Там могло скрываться что угодно. Советские подводные лодки, НЛО или монстры.

Скорее всего, монстры.

На чикагский пляж она может пойти в любой день. Она не должна была уезжать из Чикаго.

Если бы она осталась, то не нашла бы медицинские документы своей матери и не почувствовала бы, как ее жизнь раскалывается надвое, быстро заполняясь грызущим сомнением. И она не ехала бы по калифорнийской дымке и пробкам, щурясь от солнца, которое светило на тебя, даже когда пряталось за этим странным нимбом.

Хуже всего, конечно, были города, туманно мерцающие на акрах цемента. Даже когда Ханна выезжала из Сан-Франциско на юг, на дорогах было такое же плотное движение. Да, здесь было больше холмов и природы. Было где развернуться. Но настоящей открытости не было.

Ущелья здесь были такими же, как и в окрестностях Лос-Анджелеса: большие скопления домов, которые зацепились за любую плоскую поверхность, как будто они упали во время внезапного наводнения. Некоторые из них были укреплены на бревнах и сваях, чтобы держаться вертикально. Дома стояли на утесах, втиснутые в щели, громоздились друг над другом. Так много людей. Так много душ. Их дома боролись за место точно так же, как машины на автостраде — одна гигантская пробка человечества.

Но после того, что казалось бесконечной поездкой, что-то изменилось. Мимо автострад Сан-Хосе, строительства дорог Санта-Круз, блеска и денег Монтеререя и Кармела... пейзаж изменился. Ханна пересекла границу. Двухполосное шоссе сузилось еще больше. Туман растворился в облаках, и она оказалась в каком-то диком месте.

Она ехала медленнее, ожидая в любой момент проехать через какой-нибудь другой город с причудливыми дощатыми домами и ухоженными лужайками, но ничего не обнаружила, кроме зловещей воды и коварных дорог. Побережье здесь было опасным. Диким. Необитаемым.

Она ехала по трассе не одна. Были и другие машины, заполненные туристами и, возможно, несколькими приезжими, похожими на нее. Но никто никуда не торопился. Дороги были слишком медленными и обрывистыми для большой скорости.

Облака плыли туда и обратно. Море под утесами светилось серо-голубым светом. Туристы останавливались на гравийных дорожках, чтобы сфотографироваться, но Ханна ехала дальше, подгоняемая GPS-навигатором на своем телефоне.

Ехать оставалось недолго. Мигающая синяя точка говорила ей об этом, но она воображала, что чувствует это нутром.

Полчаса спустя она проехала мимо знака, который так внимательно высматривала. Мягкое «оу» слетело с губ, как будто ее ударили в живот.

«Риверфол Инн». Просто знак, торчащий из-за деревьев. Слишком тонкий, чтобы вовремя привлечь ее внимание. Позже она поняла, что теми деревьями были секвойи. Ее первые секвойи, и она их тоже не заметила.

Сделав осторожный поворот на крутой грунтовой дороге, она выехала обратно на шоссе, сбавив скорость, чтобы не пропустить поворот снова. Она заметила знак, а затем узкую мощеную дорожку, которая уходила за деревья позади него.

Сначала она попыталась медленно захватить на холм, но у нее ничего не вышло. Ей пришлось разогнаться, чтобы переехать крутой подъем. После этого дорога выровнялась и стала петлять между деревьями.

Мощеная дорога превратилась в грязь. Теперь она ехала в обманчивом полумраке по тоннелю в незнакомом лесу. Дом появился рядом с ней прежде, чем она поняла, что достигла своей цели. Ханна нажала на тормоза, и машина резко затормозила.

С бешено колотящимся сердцем она выключила двигатель и уставилась на гостиницу. Все выглядело точно так же, как на картинках. Двухэтажный голубой фермерский дом с белыми перилами вокруг крыльца. По обе стороны двери из красного дерева мерцали красивые круглые фонарики. «Риверфол Инн». Красиво и дорого. Это было то место, где она родилась, но элитная отделка заставила почувствовать себя как на съемочной площадке фильма.

Выйдя из машины, она осмотрелась в поисках коттеджей и увидела только деревья и папоротники. Вода бежала где-то вдалеке, но с этого места она не могла увидеть ее.

Дом перед ней был плотно затянут виноградными лозами и кустарником, и она не могла сказать, сколько ему лет, хотя, несомненно, эти растения росли десятилетиями. Ханна поднялась по ступенькам и осторожно открыла дверь. Ее руки казались слишком легкими, как будто она была привидением в гостях.

Девушка за стойкой взглянула на нее поверх очков, не поднимая головы.

— Добро пожаловать в «Риверфол Инн».

Неискренность ее слов соответствовала унылой одежде и темному макияжу. Ханна оглядела крошечную переднюю комнату. Она была сделана из дерева натуральных оттенков — гладкие линии стирали любой намек на фермерский дом, которым он когда-то был.

— Здравствуйте, — решила Ханна.

Девушку звали Джолин, если верить табличке с именем. Она выпрямилась и посмотрела на нее.

— Эм. Могу я снять коттедж?

Ханна не могла припомнить, когда в последний раз ее голос звучал так неуверенно. Это место не вызывало у нее никаких чувств, и вокруг не было никаких коттеджей. Если бы это

было нужное место, разве у нее не было бы ощущения, что она вернулась домой?

— Ваше имя?

— Смит, — произнесла она, неуверенная даже в этом. — Ханна Смит.

— Вы уже останавливались у нас раньше?

Да. Может быть.

— Нет.

Джолин достала карту.

— Ваш коттедж номер три. Мы здесь, — она указала на большой прямоугольник на карте с надписью "РЕГИСТРАЦИЯ", затем провела пальцем по бумаге. — Вам нужно поехать по правой развилочной дороге и припарковаться прямо здесь, — она поставила крестик и обвела один из шести маленьких квадратов, расположенных полукругом. — Растопка камина каждый день входит в услуги горничной, а завтрак здесь в столовой с восьми до десяти утра. Вы здесь на четыре ночи?

— Да.

— За четыре ночи вы получаете в подарок бутылку вина.

— О. Хорошо, — она уставилась на нее, не в силах стереть смущение с лица, в то время как слишком много вопросов вертелось на языке.

— Она уже в вашей комнате, — подсказала девушка.

— Точно. Спасибо.

На мгновение лоб Джолин сморщился в раздраженной гримасе.

— Вот ваш ключ, — предложила она, положив старомодный ключ от коттеджа поверх карты. — Вы будете осматривать окрестности?

Ханна несколько раз моргнула, обеспокоенная тем, что ведет себя достаточно подозрительно, что вызывает вопросы. Потом она поняла, что это стандартная фраза про осмотр окрестностей. Как будто Джолин было наплевать, что здесь делают. Она была чьей-то дочерью-подростком, жаждущей сбежать отсюда как можно скорее. Наверное, она хотела выбраться из тумана побережья в туманную дымку Лос-Анджелеса.

— Да, — наконец ответила Ханна, — я осмотрюсь.

Джолин достала еще один лист бумаги.

— Туристическая карта.

На этой были квадраты и прямоугольники поменьше.

— Вот ваш коттедж. Вот река. Речная тропа великолепна.

Если она была настолько великолепна, насколько подразумевал тон, то тропа, вероятно, была забита собачьим дерьмом и мусором.

Ханна собрала бумаги и ключ и сунула их в сумочку.

— Спасибо.

Она была уже в трех шагах от двери, когда, наконец, выдавила из себя вопрос.

— Вы знаете, чем это место было раньше?

Девушка уже опустилась на стул, но выпрямилась, когда Ханна повернулась к ней лицом.

— Раньше?

— Да. До того, как превратилось в гостиницу.

— Это было еще одно место типа «постель и завтрак».

— Я имею в виду до этого. История собственности.

Джолин пожала плечами, как и ожидала Ханна. Глупо было задавать этот вопрос

недовольному подростку.

— А хозяин рядом? Я хотела бы поговорить с ним.

— Он занимается серфингом. Но утром он будет здесь. Или вы можете попробовать зайти позже. Прием сотовой связи отстой, так что не рассчитывайте на свой телефон.

Ханна кивнула и вышла. Сделав глубокий вдох лесного воздуха, она поняла, что была благодарна Джолин, которая зарегистрировала ее вместо владельца. Она еще не сориентировалась. Она не знала, о чем хочет спросить, не говоря уже о том, на какие ответы надеется. Она провела несколько часов в самолете и в машине, обдумывая это, но теперь, когда она была здесь, она чувствовала себя немой и дезориентированной.

Она села в машину и поехала в сторону леса.

На несколько мгновений потрясающая красота побережья позволила ей забыть, по какой причине она путешествует. Но теперь мысли вернулись. Груз неизвестности был странным и давящим. Это был вопрос. Сомнение. Уничтожение. Страх. Такой же глубокий и первобытный, как эти леса.

Машина подпрыгнула на выбоине, встряхивая Ханну, когда она объехала поворот, и затем перед ней появились коттеджи.

Она заехала на стоянку под номером три, выключила двигатель и сидела там, слишком напуганная, чтобы выйти.

Двигатель щелкнул в тишине. Она снова ждала этого ощущения. Чувства принадлежности к этому месту. Коттеджи были просто маленькими коричневыми квадратами, которые сливались с деревьями. Она собиралась остановиться в самой гостинице, но там все было распродано, поэтому она была здесь, даже не зная, были ли коттеджи подходящим местом. Разве она не должна что-то чувствовать?

Но она никогда не чувствовала правильных вещей, не так ли? Она никогда не чувствовала тяги к обществу, никогда не ценила любовь и безопасность, которые так жаждали все остальные. Ее мать и сестры всегда были так близки друг с другом, так счастливы. И все в ее семье все еще были в первом браке, в то время как Ханна с облегчением заканчивала второй. Она ошибалась. Всегда ошибалась. Почему она хотела ощутить здесь нужные эмоции?

Солнце начало садиться, и наступили настоящие сумерки, окутывающие лес. Ханне стало страшно.

Она вышла из машины и направилась туда, где ее ждали ответы.

Здесь не было ответов на вопросы.

Едва Ханна вошла в коттедж, то поняла, что лучше было бы просто позвонить хозяину и задать как можно больше вопросов. Даже если эти коттеджи были здесь в 1972-м, все, кроме фундамента, было разрушено и восстановлено много лет назад.

Полы были из гладкого дерева с подогревом, на стенах — глянецовые слои штукатурки, а внутренние двери были из матового стекла. И ванная комната... Ну, Ханна сомневалась, что кто-то устанавливал полы в ванной комнате из речного камня в 1970-х годах.

Она бросила свои сумки на самонагревающийся пол и рухнула в глубокое кресло. Слезы жгли ей глаза. Она откинула голову назад, чтобы слезы стекали по ее волосам и исчезли, как будто их никогда и не было.

— Нечестно, — прорычала она. — Несправедливо, несправедливо.

Возможно, она наделала много ошибок в своей жизни, но этого она не заслужила. Каждый человек с детства знает кто его отец и кто мать. Знает их имена, даже если был усыновлен и никогда не встречался с ними. А так же имеет юридический документ, который содержит всю верную информацию о рождении.

Она всегда считала странным, что так много приемных детей одержимы вопросом: кто я? Ей было жаль их. Неужели они не знают, кто они такие? Зачем им нужен кто-то еще, чтобы рассказать об этом? Раньше Ханна считала, что независимо от того кто твои родители ты тот, кем себя видишь сам.

Но теперь она увидела обратную сторону этой одержимости. Была одна маленькая поправка в ее жизни, и она внезапно захотела узнать правду. Ей нужно было увидеть, что есть человек, на которого она похожа. Зеркальное отражение ее внешности.

Но зачем? Какое это может иметь значение? Ведь она была тем, кем была, несмотря ни на что. Здесь не было никаких ответов. Не было генетического портрета. И единственным зеркалом был освещенный сзади овал, примостившийся над неглубокой керамической раковиной.

Ханна вытерла мокрые следы с висков и достала телефон. Даже не задумываясь, она нашла имя Джеффа и нажала «Вызов».

Но пока она ждала, что раздастся гудок, то задумалась, зачем она это делает? Он больше не был ее мужем. И даже не был ее другом. Сейчас они были соперниками, которые сражаются за деньги, которые она заработала своим тяжелым трудом.

— Ублюдок, — машинально сказала она, но скрестила пальцы, чтобы он поднял трубку.

Он не ответил. Может быть, он, наконец, возненавидел ее настолько, что заблокировал ее номер? А может, он был на свидании и отключил телефон, как только увидел, кто звонит. Но она не слышала его автоответчик. Она вообще ничего не слышала.

Ханна отодвинула телефон и посмотрела на экран. Одна крошечная полоса сигнала сменилась на пустоту.

— Дерьмо.

Она нуждалась в его поддержке, но не могла ее получить. Даже если уйти от него было ее решением, это не уменьшало ее боль. На самом деле, это даже больнее, потому что она не могла винить никого, кроме себя.

Она злилась на него по многим причинам. За урегулирование разбирательств. За

миллион споров касательно ее дурацкой неудовлетворенности. Но в первую очередь, за желание жениться на ней, черт возьми.

Она его предупреждала. Она говорила ему, что у них не получится создать семью.

Вспышка знакомого гнева выжгла часть ее жалости к себе, и она подалась вперед, хотя кресло изо всех сил пыталось вернуть ее на подушки.

Неужели она надеялась, что в коттедже ее будет ждать интерактивная выставка с фотографиями фермы и ее прежних жителей? Может быть, она думала, что в ее комнате будет фотография в рамке, на которой отец обнимает незнакомую женщину, с подписью, содержащую ее имя?

— Ха.

Ханна покачала головой. Нетерпение — еще одна постоянная черта в ее жизни. Оно полезно для карьеры, но не так хорошо для разгадки тайны сорокапятилетней давности. Или для вступления в брак.

Прежде чем погасить весь свет, она открыла заднюю дверь коттеджа и вышла на грязный внутренний дворик. В центре стояла яма для костра, уже заполненная дровами для растопки. Два стула стояли под углом друг к другу в ожидании пары влюбленных. Или для Ханны и ее ноги.

Шум воды отвлек ее внимание от внутреннего дворика, и она сделала несколько шагов, прежде чем увидела стремительную, бурлящую воду реки. Водопада не было видно, но она слышала, как он грохотал где-то на востоке, доказывая свое существование.

Она пошла по тропинке направо, рассматривая каждый коттедж, который проходила мимо. Все они были в том же стиле, что и ее — эко-шик или что-то в этом роде. Дойдя до забора с надписью «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ», она повернула назад и хотела пойти другую сторону, когда воздух стал сумеречно-синим вокруг нее.

Миновав все шесть коттеджей, тропа вела вверх по склону вдоль реки. Она прошла по ней несколько десятков ярдов, а потом решила, что это путешествие лучше отложить на утро. Секвойи — она предположила, что деревья были секвойями, — заслоняли последний бледный свет, сияющий на Западе, а ей нужно было немного этого света, чтобы разжечь огонь.

Когда она повернулась назад, ориентируясь по светящимся окнам своего коттеджа, ее осенило. Ее мать, наверное, гуляла здесь. И ее отец, вероятно, тоже. Он, Дороти и ее сестры жили здесь годами. Они ухаживали за садом. Скорее всего, они проложили эту тропу вдоль реки. Построили коттеджи. У них появилась Ханна.

Она остановилась у двери своего коттеджа и обернулась, глядя вверх на деревья и небо. И наконец, она почувствовала это. Какую-то незаметную перемену в теле. Ощущение, которое открыло что-то внутри нее. Это было похоже на сердечную боль. Или на странную, мучительную надежду, что ты не влюбишься снова, хотя чертовски хорошо знаешь, что влюбишься.

Господи, как же она устала. Она провела последние сорок восемь часов, разбирая оставшиеся пачки документов в кабинете своих родителей, уверенная, что найдет ответ. Перерыв она делала только для того, чтобы зайти в интернет и заказать свидетельства о рождении. Для нее. Для ее сестер. Для ее отца. Для Дороти. Новые копии для сравнения с старыми документами, на случай подделки каких-либо деталей. Свидетельства о рождении будут ждать ее дома, когда она вернется. Есть надежда, что к тому времени они будут бесполезны, но ей нужно было что-то делать.

Ей нужно было что-то сделать сейчас. Но вместо того, чтобы разжечь огонь, она открыла бутылку вина и села на один из стульев. Невероятно высокие деревья шелестели вокруг нее и заслоняли звезды. Ханна пила вино и думала, не разобьется ли ее сердце снова.

Ханна проснулась с головной болью, сухостью во рту и резким запахом собственного пота. Хотя она не помнила никаких кошмаров, очевидно, ночь была беспокойная. Влажные простыни были скручены вокруг талии.

Было уже девять, но это было прекрасно. Ей нужно было выспаться, и она не возражала против позднего завтрака. Лучше спокойно пообщаться с хозяином гостиницы, чем ждать, когда он уделит внимание всем туристам.

Ханна приняла душ и, приготовившись к испытаниям, пошла к главному дому за ответами.

Найдя столовую, она с облегчением увидела только одну пару за столом, и, судя по всему, они допивали кофе. На вид им было слегка за пятьдесят, они оторвались от своего путеводителя и выразили приветственные слова. Ханна слабо улыбнулась в ответ и заняла место.

Когда появился хозяин, он выглядел точно так, каким она себе его представляла.

Взъерошенные каштановые волосы, кончики которых выгорели на солнце. Кожа, которая годами выдерживала губительный оттенок загара. Если в молодости он был худощавым серфингистом, то теперь стал толще. Слишком много пива и гамбургеров, предположила Ханна.

— Добро пожаловать в «Риверфол»! — крикнул он, как только оторвал взгляд от кофейника, который аккуратно поставил в буфет. Его приветствие было в тысячу раз более искренним, чем приветствие девушки прошлой ночью. — Выпьете кофе?

— Спасибо.

У нее вдруг оказалось достаточно адреналина, чтобы наполнить энергией маленький городок, но она никогда не отказывалась от кофе. Он налил кофе в чашку и наклонил голову в сторону пирожных.

— Ешьте столько, сколько захотите. У меня еще есть бекон, швейцарский пирог с заварным кремом и овощи на гриле. Или и то и другое, если хотите.

Ханна решила не есть тяжелую пищу и выбрала овощи на гриле, но отказалась от стакана апельсинового сока. Когда он скрылся на кухне, пара встала и попрощалась с Ханной, а затем тоже исчезла.

Оставшись одна, она глотнула кофе и с любопытством оглядела комнату. Бледно-серые стены были увешаны вычурными гравюрами, изображавшими скалы и секвойи. Пол выглядел старым, темные широкие доски, полные рубцов. Она чувствовала головокружение, глядя на них, представляя, как ее сестры играют на этой поверхности, ползают вокруг или забиваются в угол, подавая чай куклам.

Она подскочила от неожиданности, когда хозяин вернулся с тарелкой в руке.

Ханна представилась.

— Я помню! Я — Такер. Мы общались по электронной почте. Вы ведь в третьем коттедже, верно?

— Да. Он прекрасен. Как давно здесь стоят коттеджи?

— Два года, — в его голосе звучала гордость. — Я купил это место семь лет назад, но коттеджи появились совсем недавно.

— Но ведь они были здесь? Когда вы купили это место?

Он поморщился.

— Скажем так. Они были в разрушенном состоянии. Мы разобрали их до фундамента и построили заново.

Ничего не осталось от первоисточников. Ничего для нее, чтобы посмотреть.

— А сама гостиница?

— Мы сохранили все, что смогли. Этажи. Наружные стены. Но нам нужно было добавить отдельные ваннкие комнаты в каждую спальню, поэтому мы много убрали из первоначальной планировки.

— А до этого? Вы знаете, кому принадлежало это место?

— Какому-то парню из Сан-Хосе, который хотел участок в Биг-Суре. Он был ужасным менеджером для типа размещения «постель и завтрак». Совсем не опытным. Это место практически превратилось в ад.

— Ну, теперь оно прекрасно.

Его грудь вздулась, и Ханна увидела свой шанс. Ему нравилось говорить о своей собственности. Если она немного ослабит его бдительность, то сможет получить от него любую информацию, какую захочет.

— Я изучаю семейную историю и думаю, что моя семья, возможно, жила здесь очень давно. Смиты?

— Я не знаю здесь никаких Смитов, но я не местный житель. Возможно, они были здесь поселенцами? Это место чувствуется изолированным, но раньше оно было почти недосыгаемо. В некоторых парках штата есть отличная информация о владельцах ранчо и лесорубах, которые раньше здесь жили.

— Нет, это было не так давно. Во всяком случае, мне об этом ничего не известно. Больше похоже на шестидесятые годы.

— Шестидесятые? — его брови взлетели почти до линии волос. Смех вырвался из горла. — Вы говорите не об общине?

— Что?

Он пренебрежительно махнул рукой.

— Просто слухи. Я уверен, что это никакого отношения не имеет к вашей семье.

— Подождите. Вы хотите сказать, что здесь была община?

Он с наслаждением усмехнулся.

— Это то, что я слышал.

— В собственности или просто здесь, в Биг-Суре?

— Прямо здесь, где мы стоим. Говорят, что это были коттеджи. Жилье для хиппи.

Ее губы приоткрылись, но она не смогла произнести ни звука.

Такер, наоборот, был увлечен этой темой.

— Свободная любовь. Мир. Коллективная жизнь. Весь этот бред. Они приехали из Сан-Франциско или откуда-то еще. Этот большой луг на пути к коттеджам предположительно использовался для выращивания овощей. Я уверен, что это все преувеличение, но это забавная история. Зимой здесь довольно скучно. Люди любят поговорить, а говорить особо не о чем.

— Я... — у нее перехватило горло, когда она попыталась сглотнуть. Ханна схватила свой кофе и сделала большой глоток. — Не думаю, что моя семья была в этом замешана.

Этого не могло быть.

Он покачал головой.

— Я уверен, что нет. Это все было в конце шестидесятых, начале семидесятых. Лето любви и все такое. Это длилось недолго.

Начало семидесятых. Община. Свободная любовь. Понимал он это или нет, но он говорил о Смидах. Он говорил о Ханне.

— Это безумие, — прошептала она.

— Я знаю. Я никогда не проверял это. Гораздо веселее думать, что это правда, чем узнать, что это был просто какой-то парень, управляющий лагерем для автотуристов.

Палаточный лагерь. Это мог быть палаточный лагерь. Не так романтично, но, определенно, более вероятно.

— Как вы думаете, это все, что было?

Он пожал плечами.

— Это мое самое лучшее предположение. Коттеджи и поляны для туристов и палаток. В те времена мотелей было не так уж много. Но я уверен, что здесь останавливались хиппи, а палаточный лагерь не так интересен, как община. Сплетни искажают вещи.

Ее мозг работал только урывками. Потому что он ошибался. Палаточный лагерь — не самое лучшее предположение. Беременные девушки не околачиваются в лагере девять месяцев, не так ли? Или она вернулась только для того, чтобы родить ребенка?

— У вас есть записи о собственности?

— Не думаю. Я мог бы откопать договора купли-продажи, но я не могу себе представить, что этот осел дал мне что-то лишнее. Хотя найти его будет нетрудно. Центр округа находится в Салинасе.

Она кивнула. По дороге она миновала знак Салинаса.

— Если вы найдете какие-либо документы, я с удовольствием получил бы копии. Никогда не задумывался об этом, но, полагаю, я мог бы выложить на веб-сайт предысторию гостиницы.

Она подняла глаза и увидела его широкую ухмылку, и на долю секунды возненавидела его. Ненавидела то, как его глаза сморщились от восторга при мысли о том, чтобы добавить истории пикантности. Ей захотелось плеснуть кофе ему в лицо, а затем вклеить пощечину по загорелой щеке. Но вспышка ярости прошла как огненная молния. Она удовлетворилась тем, что отодвинула пирог с заварным кремом, который остался нетронутым.

— Спасибо за информацию.

Выйдя из дома, она огляделась вокруг другими глазами. Теперь она представляла девушек-хиппи с заплетенными в косы волосами, бегущих по грунтовой дороге, в длинных сарафанах, развевающихся вокруг их ног. Молодые парни в грязных рубашках и с еще более грязными бородами собрались вокруг костра, играя на гитаре и бонго. И ее отец, стоящий среди них со своими чистыми, подстриженными парикмахером волосами, одетый в рубашку с короткими рукавами и удобные брюки.

Это было абсурдно. Невообразимо. И это единственное, что имело смысл.

Каким-то образом ее спокойные, консервативные родители начали свою семейную жизнь в общине хиппи. Как мог ее отец, дьякон в своей церкви и человек, который носил носки вместе с сандалиями, практиковать свободную любовь? А его жена, которая слушала Джуди Гарленд и до 1988 года утверждала, что брюки «просто не подходит леди», жила посреди леса и позволяла своему мужу заниматься сексом с другими женщинами.

И в той эпохе любви, наркотиков и общественного садоводства появилась Ханна.

Она медленно повернула в сторону коттеджа.

История с общиной имела смысл... отдельно от того факта, что она знала своих родителей. Она не могла представить их частью общины, отвергающие социальное движение, но, возможно, именно поэтому они никогда не рассказывали об этом никому. Люди в Айове не поняли бы этого. Ханна тоже не поняла.

В то время они оба, должно быть, были потерянными душами. Оба выросшие без родителей. Одному Богу известно, что довелось пережить Дороти в старомодном сиротском приюте в детстве. А ее отец с раннего детства сам себя содержал. Ханна не могла себе представить, как они оба были вовлечены в контркультуру в течение нескольких лет.

Она добралась до поляны, о которой упоминал Такер. Грунтовая дорога изгибалась вокруг луга, который не привлек ее внимания во время въезда. Вечером здесь, должно быть, было темнее, но в лучах позднего утреннего солнца высокая трава сияла как изумрудно-зеленые драгоценные камни в тени секвой. Несколько крошечных деревьев начали расти по краям травы, смягчая то, что когда-то было прямоугольником расчищенной земли.

У нас было почти два акра сада.

У Ханны подкосились колени.

Мы все помогали друг другу.

Она медленно погрузилась в волны травы, когда слова матери подтвердили правду. Дороти говорила об этом месте. О совместной работе всех женщин и детей, уходе за этой землей, кормлении общины. А потом они ушли, а мать Ханны осталась.

Улыбка дрожала на ее губах, даже когда пред глазами все поплыло от слез. Она не могла представить себе здесь Смитов. Она вообще не могла себе этого представить. Но она ясно представляла свою биологическую мать. Ее загорелые руки обнажились на солнце. Длинные черные волосы скользили по ее спине, когда она наклонилась, чтобы вырвать сорняк из земли. Цветастая юбка завязана узлом над коленями, чтобы не мешала работать. Женщина откинула голову назад, смеясь и радуясь, солнце осветило линию ее щеки. Но Ханна не могла разглядеть ее лица. Пока нет.

Ханна родилась в этом диком месте у этой женщины. Она была зачата из любви или похоти, или из желания создать лучший, новый мир. Ее мать была женщиной, которая хотела чего-то большего, чем то, ради чего ее растили. Так же, как и Ханна. Может быть, она и убегала от чего-то, но она нашла место и идею, по крайней мере, ненадолго.

И теперь Ханна сделала то же самое. Если она убегала от скучной жестокости, наблюдая, как умирает Дороти Смит, то она, по крайней мере, нашла это место.

Она поступила правильно, приехав сюда, что бы там ни думали ее сестры.

Она на мгновение вцепилась в траву, закрыла глаза и почувствовала под коленями землю. Даже если эта экспериментальная поездка провалилась, она чувствовала себя вправе знать, откуда она пришла в этот мир. Тут она чувствовала себя гораздо лучше, чем когда-либо, живя в Косвэлле, штат Айова. Стоя на коленях, Ханна чувствовала себя так, словно сбросила жесткий, неудобный костюм, который носила всю свою жизнь, и теперь она была обнажена в своей собственной коже впервые.

Ее матери-хиппи это наверняка понравится.

Сказав себе, что желание, пробежаться голышом по лугу, придет позже, если вообще придет, Ханна встала и пошла по траве, пока не дошла до середины луга. Она посмотрела на небо, где, между густыми облаками, лениво светило солнце. Она шарила ботинками по земле вокруг себя, проверяя, есть ли здесь еще садовые борозды. Но земля была гладкой.

Деревья поменьше образовывали дальнюю линию леса, и когда Ханна заметила ровное

расстояние между стволами, то направилась туда. И действительно, когда она подошла ближе, носок ее ботинка зацепился за мокрое старое яблоко. Фруктовые деревья отмечали эту границу сада.

Если бы семья Смитов не переехала в Айову, это была бы жизнь Ханны. Работать под солнцем в этом саду, собирать яблоки на обед, обсуждать социальную справедливость и неравенство. В жаркие дни тайком плескаться в реке гольшом.

С другой стороны, она была не совсем «Мать Земли». Возможно, Биг-Сур был бы таким же удушающим, как Косвэлл. Здесь не было никаких цифр, которые можно было бы обрабатывать, не было панк-концертов, и она не видела никаких доказательств того, что вид на океан выявит ее заботливую сторону более эффективно, чем кукурузные оладьи.

Существовала вероятность, что она могла бы вписаться. Или, по крайней мере, рядом была бы мать, которая понимала бы ее.

Неужели неловкость в собственной семье была причиной всех неудач в ее жизни? Именно поэтому у нее было так много проблем с налаживанием связей? Ханна никогда не чувствовала, что Дороти не любит ее, но, должно быть, в этом была какая-то неуверенность. Какая-то обида, которую Ханна почувствовала еще в детстве. Ни одна женщина не смогла бы принять внебрачного ребенка своего мужа без небольшой обиды. И Ханна что-то уловила в детстве.

Она просто... похоже, не могла завязать отношения. Никогда не было определенного щелчка, чтобы сообщить ей, что она, наконец, сделала что-то прочное и постоянное. Это всегда было похоже на то, как схватить что-то слишком горячее и посмотреть, как долго она сможет продержаться.

Была ли ее биологическая мать такой же? Ханне нужно было выяснить, была ли эта женщина все еще здесь или ее давно унесло приливом.

Когда она повернулась, чтобы идти обратно через луг, ее взгляд остановился на коричневом оттенке, который выделялся на фоне остальной части леса. Она двинулась к северо-западному углу луга и прищурилась, пытаясь составить образ из головоломки движущихся теней и пересекающихся ветвей. За фруктовыми деревьями, приютившимися под пологом секвой, серый угол привел ее взгляд к остаткам деревянной стены.

Ханна раздвинула ветви яблонь по обе стороны от себя и наклонилась, чтобы подойти поближе. Это определенно было старое здание. Между двумя расставленными досками она заметила блеск чего-то белого. Может быть, раковину.

— Это ядовитый дуб, — раздался за ее спиной скрипучий голос.

Ханна развернулась и чуть не выколола себе веткой глаз. Прищурившись, она посмотрела на мужчину сквозь ресницы.

— Что?

— Вы вот-вот войдете в заросли ядовитого дуба, — его слова звучали устало, как будто он уже сто раз объяснял это глупым туристам на этой неделе.

Она выбралась из-под яблоневых ветвей и, пошатываясь, снова оказалась на открытом лугу. Седое, изможденное лицо мужчины соответствовало его голосу. Ему не нужно было защищаться от веток, но его глаза были так же прищурены, как и у нее. Седая борода скрывала любые другие признаки выражения лица.

— Извините. И спасибо. Я просто пыталась понять, что это за старое здание.

— Баня, — объяснил он, затем добавил: — Туалет. Вы, наверное, видели достаточно таких строений.

— Это было здесь раньше?

Он поднял лопату, которую держал в руках, и нетерпеливо ткнул ее в землю у своих ног.

— До чего?

— До того, как это место стало гостиницей по типу «постель и завтрак».

— Ну, это определенно что-то из прошлого, — он повернулся и пошел прочь.

— Вы здесь работаете? — крикнула она ему в узкую спину.

— Ага.

— Вы знаете что-нибудь об общине?

Он на секунду замер, остановившись на полушаге. Но не оглянулся.

— Нет, — наконец произнес он, и это слово слабо прозвучало на ветру. Его ноги прошуршали по высокой траве, когда он продолжил свой путь.

Ханна не могла сказать, означало ли это «нет», что он ничего не знал или знал все, но не хотел отвечать.

Она взглянула в сторону бани, теперь невидимой среди деревьев, а когда снова посмотрела на старика, он был уже почти у самой грунтовой дороги.

— Сэр! — позвала она, наконец, решив, что он — лучшая надежда на получение немедленной информации. — Вы прожили здесь всю свою жизнь?

Он продолжал идти, а она старалась идти быстрыми шагами через луг к нему. Она услышала хруст его шагов по гравии, когда он скрылся за кустами на опушке леса. Как только Ханна добралась до дороги, то услышала рычание двигателя. Древний вездеход с ревом отъехал от обочины и исчез за поворотом, унося ее бородатого незнакомца прочь.

Она заставила себя не гнаться за ним, как сумасшедшая. В конце концов, этот человек здесь работал. Даже если он был замкнутым отшельником, она увидит его снова.

Ханна сняла несколько репейников со штанин и направилась к своему коттеджу, чтобы смочить внезапно пересохший рот. Эти леса не собирались шептать ей свои секреты, как бы долго она ни ждала, но Гугл ей поможет. Теперь у нее была отправная точка, даже если это было последнее, чего она ожидала.

Чертова община хиппи.

Безумная дрожь пронзила ее при мысли о том, чтобы рассказать об этом своим сестрам. Она знала, что это была подло с ее стороны. Но это было лучше, чем глубокая боль, которую она чувствовала.

Но пока она решила не звонить им. Ей нужно было больше подробностей, иначе они будут отрицать возможность всего этого, скажут ей, что это было ошибкой. В любом случае, может быть она подождет до того момента, пока не вернется обратно домой, чтобы иметь возможность наблюдать за их лицами, обмякшими от шока.

— Ты хуже всех, — пробормотала она себе под нос, открывая дверь коттеджа и хватая ноутбук. Нет смысла сидеть внутри, когда день был таким приятным. Ханна плюхнулась в кресло во внутреннем дворике и подключилась к Wi-Fi отеля. Слава Богу, что это место обслуживало эко-гиков, а не настоящих хиппи, иначе ей пришлось бы проехать много миль, чтобы найти зону доступа в интернет.

Ее предыдущие попытки поиска информации в интернете были слишком общими, но теперь она могла сузить их до общин хиппи в Биг-Суре. Конечно, их было не так уж много.

Ладно. Их было очень много. У Ханны отвисла челюсть через две секунды после начала поисков. Через несколько щелчков она уже шептала про себя несколько отборных ругательств.

Биг-Сур, по-видимому, был своего рода убежищем в глуши для хиппи, пытающихся убежать от толпы в Сан-Франциско. Они разбили лагерь в лесу и в общественных парках и даже купили собственную землю, чтобы основать мини-утопии. На самом деле, всего в нескольких милях вверх по шоссе от гостиницы «Риверфол Инн» все еще процветала община хиппи.

Неудивительно, что Такер никогда не утруждал себя исследованиями. Наверное, у каждого землевладельца в округе была похожая история.

Место, которое все еще работало, больше не было похоже на общину. Это место прочно вошло в статус Нью-Эйджского приюта самопомощи, но она полагала, что оно все еще стоит посещения. Там могут работать люди, которые помнят исчезнувшие общины.

А что касается тех старых общин... она попробовала несколько разных поисков, но не смогла найти ничего конкретного. Тогда еще никто не тратил время на блоги, и газеты, похоже, не считали хиппи достойными внимания, разве что в качестве общественного раздражителя. Самая многообещающая ссылка была о судебном процессе против города Кармел, и то лишь потому, что в нем упоминались «грязные общины хиппи» близ Биг-Сура.

Притянутая за уши теория о том, что случилось с семьей Смитов в 1972 году, больше не казалась такой уж надуманной. А теперь Ханне предстояло посетить настоящую общину хиппи. Может быть, эта поездка все-таки не будет сплошной «Бурей и Натиском».

Общины хиппи были не такими, как раньше.

Ханна бросила угрюмый взгляд на подъездную дорожку, которая спускалась к знаменитой Приморской общине, но отсюда она не могла видеть даже здания, не говоря уже о людях. Вместо того чтобы поприветствовать ее теплыми, пахнущими пачули руками, у ворот ее остановил охранник с короткой стрижкой и в форменной рубашке из полиэстера.

— Я просто хочу осмотреться, — повторила она.

Он посмотрел на нее скучающим взглядом, который говорил, что он слышал это уже миллион раз.

— Только жильцы и участники семинара допускаются на территорию.

— Откуда мне знать, захочу ли я провести здесь неделю, если я даже никогда не видела этого места?

— Мэм, пожалуйста, разверните свою машину.

— Это просто смешно. Здесь что отдыхает руководитель небольшой страны или что-то в этом роде? Я просто хочу немного прогуляться. Если хотите, я могу оставить свою машину здесь.

— Боюсь, что это не вариант, — он был менее дружелюбен, чем охранники, которых она встречала в правительственных зданиях. Она не знала, что за мир и любовь они продавали внутри, но это была определенно не контркультура.

— Значит, единственный способ оказаться внутри — это записаться на семинар.

— Или вы можете записаться на массаж.

Ханна просияла, услышав это.

— Массаж! Это было бы здорово. Я чертовски напряжена. Могу я зайти и посмотреть, есть ли там свободный массажист?

— Вам придется позвонить заранее, мэм.

— Но у меня нет сотовой связи.

— Там есть таксофон в Государственном парке, дальше по дороге.

— Вы что, издеваетесь надо мной? — сорвалась она.

Его плоский взгляд ответил на вопрос.

— А вы не можете просто взять рацию и спросить, есть ли свободные места?

Позади нее остановился внедорожник «Мерседес-Бенц», и охранник отошел в сторону.

— Пожалуйста, отгоните свою машину, мэм.

Ханна чуть не зарычала на него, но все же включила передачу и крутанула руль.

— Вам следует подумать о том, чтобы пройти один из этих семинаров по позитивности, — пробормотала она. — Научитесь впускать в свою жизнь немного доброты. Мудак.

Она сделала осторожный разворот в три приема и помчалась обратно по подъездной дорожке к шоссе. Невероятно. Она просто хотела поговорить со старыми хиппи. Может, ей лучше заехать в ближайшую аптеку за лекарственной марихуаной? С другой стороны, она подозревала, что люди здесь выращивают свою собственную.

У нее не было мелочи, чтобы воспользоваться таксофоном, поэтому она повернула на север и поехала в сторону цивилизации. Вид водной глади и возвышающихся скал немного успокоил ее гнев. А как же иначе?

Должно быть, это место было волшебным, когда здесь жили ее родители. Никаких

мобильных телефонов. Никаких европейских внедорожников. Никаких элитных курортов, маскирующихся под духовные убежища. Только люди, ищущие спокойное место, для того чтобы спрятаться.

Ханна опустила стекло и позволила ветру хлестать себя по голове конским хвостом. Даже сквозь шум машин она слышала, как внизу бьются волны и кричат чайки. Она хотела припарковаться и спуститься к одному из уединенных пляжей, которые мелькали внизу, когда она сворачивала на повороты, но она была здесь не для отдыха. Там, внизу, она не найдет ответов.

Поэтому она поехала в сторону Монтерея и положила телефон на приборную панель, надеясь, что оттуда он лучше поймает сигнал. Она была уже почти около Кармела, когда ее телефон запищал. И запищал. И запищал.

Она видела, как мелькают текстовые сообщения, но не осмеливалась их прочитать на этой дороге. Заметив высоту, с которой можно обозревать окрестности, она выехала на гравий и припарковалась. Перед ней из моря вырисовывалась огромная коса земли. Далеко над водой, в сторону облаков, надвигавшихся с Тихого океана, вспыхнул маяк.

Она позволила себе немного за этим понаблюдать, слегка дрожа от зловещей красоты этого зрелища. Это место напомнило ей Алькатрас, и она задалась вопросом, сколько трагедий видели эти каменные здания. Не то чтобы здания пугали. Они просто смотрели и ждали, когда бушующее море, в конце концов, сотрет их в песок.

— Ты здесь не ради красоты, — напомнила она себе. Но печальное величие осталось с ней, когда она потянулась к телефону.

Пять сообщений. Большинство из них были от Бекки. Ни одного от Рэйчел. Но было еще одно имя, которое она так боялась увидеть: Джефф.

— Черт, черт, черт.

Она вышла на связь в момент слабости, и ее дурацкий телефон, очевидно, нашел сигнал, чтобы ей насолить. Его ответное сообщение не выражало сердечности.

Джефф: Ты хотела поговорить или просто издеваешься надо мной?

Боже.

Они довольно часто разговаривали сразу после разрыва, но в последнее время общались только через адвокатов... по ее настоянию. А теперь она поймана тогда, когда звонила ему.

Это была чистая слабость с ее стороны. Джефф был ее лучшим другом в течение многих лет, а она нуждалась в лучшем друге прямо сейчас. Она не могла разговаривать с сестрами. Они встали на чью-то сторону, словно это был спор, а не худший момент в ее жизни.

Кстати говоря...

Она вернулась к сообщениям Бекки, и ее глаза тут же наполнились слезами.

Бекки: Пожалуйста, позвони мне и дай знать, как ты.

Бекки: Ты в порядке?

Бекки: Что происходит?

Бекки: Рэйчел сожалеет о том, что сказала. Мы обе любим тебя. Пожалуйста, позвони.

Ханна закатила глаза, слеза скатилась и пощекотала ее правую щеку. Если Рэйчел сожалеет, она сама может с ней связаться. Остальным сообщениям Ханна верила. Она знала, что Бекки любит ее. Она знала, что та волнуется. Но это не означало, что Бекки начала понимать, через что проходит Ханна.

А Рэйчел? Рэйчел даже не хотела этого понимать. Она просто хотела, чтобы это закончилось. Ей нравилось все улаживать. Все держать в порядке. А все это сделать

правильно не было никакой возможности.

Ханна начала набирать сообщение Бекке, но передумала и закрыла почтовый ящик. Она снова открыла его, даже не успев перейти к другой вкладке. Было бы нехорошо позволить сестре волноваться. Неуверенность Бекки не призывала к жестокости.

Я: Прибыла благополучно и изучаю некоторые многообещающие зацепки. Телефонная связь практически отсутствует, так что не волнуйся, если я с тобой не свяжусь. Я тоже тебя люблю.

Она остановилась, чтобы не сказать в конце «скажи нашей старшей сестре поцеловать мою эгоистичную задницу». Если ее машина сорвется с обрыва, то это не должны быть последние слова, которые она скажет своим сестрам. Даже если она действительно их имела в виду.

Бекки тут же ответила.

Бекки: Ты где-нибудь можешь мне позвонить? Я хотела бы знать, что происходит.

Ханна проигнорировала это и вернулась к сообщению Джеффа.

Если бы он волновался за нее, то был бы милым. Он бы сказал: «Ты хочешь поговорить?» Вместо «Ты просто издеваешься надо мной?». Он мог бы проявить некоторое беспокойство и сказать: «Эй, все в порядке?».

Слава Богу, что она не дозвонилась до него и не признала свою уязвимость. Ее лицо вспыхнуло при этой мысли.

Поначалу, когда она фантазировала о разводе, ей казалось, что все будет по-хорошему. По-взрослому. Что это будет один из тех осознанных разводов, которые люди совершают в наши дни. В конце концов, они не ненавидели друг друга. Черт возьми, она все еще любила его. Дело не в том, что она ненавидела быть замужем за ним; она просто не могла быть замужем, и точка.

Для нее это было уже слишком. Постоянное осознание потребностей другого человека. Беспокойство о том, что супруг не счастлив и не удовлетворен. Глубочайшее осознание того, что она ни с кем не может быть самой собой. Не совсем. Ее истинное «Я» просто было недостаточно привлекательным.

Она не хотела проводить все отпуска с Джеффом. Она не хотела искать для него другой ресторан с барбекю, когда ей хотелось суши. Она не хотела проверять, как он относится к ночным девичьим посиделкам во вторник, потому что Жасмин бросил ее парень.

А потом он начал отпускать грустные замечания о чужих детях, хотя всегда отрицал, что хочет иметь своих. Его утверждения о детях, наследстве и семье заставили Ханну почувствовать, что она погружается все глубже и глубже в воду — давление давило на ее легкие, уши и глаза.

Она как-то читала, что мужчины в браке счастливее женщин. Забавно, учитывая стереотип о женщинах, которые всегда стремятся к браку. Вот только мужчины становились счастливее, потому что о них заботились. За ними присматривали. Но что же случилось, когда эта женщина была, не столь хороша в заботе о родных? Ничего хорошего. Постоянно пытаюсь быть лучше, чем она есть, изматывало ее до тех пор, пока она не превращалась в угрюмое, несчастное чудовище.

И все же она не могла понять, как все это стало так отвратительно.

Да, она была дерьмовой женой, но она предупредила его об этом заранее. Он сказал: «Давай просто попробуем». Давай попробуем. Никакого давления. Давай сделаем шаг.

Она пыталась, и это не сработало, и теперь они не могли говорить, не крича друг на

друга.

Она просто хотела, чтобы они снова стали друзьями. Она просто хотела позвонить ему. Вместо этого она удалила его сообщение и нашла номер телефона, по которому можно было записаться на массаж.

Когда она спросила, есть ли сегодня записи на прием, она предположила, что пауза означает, что женщина просматривает расписание. Но, очевидно, ей потребовалось время, чтобы переварить свое сомнение.

— Нет, — наконец ответила она. — Боюсь, что на следующие девять дней у нас все занято.

— Девять дней?

Что, черт возьми, это было за место? Святой Грааль Приморского самосовершенствования?

— Я просто...

У нее было такое чувство, что простое желание задать несколько вопросов не принесет ей никакой любви и доверия в этом месте.

— Мне действительно интересно взглянуть на это мельком, прежде чем я закажу семинар. С деньгами туго, понимаете? Есть ли какой-нибудь способ, чтобы я просто пришла посмотреть спа? Или, может быть, у вас есть запись на маникюр?

Судя по звуку, женщина на другом конце провода тяжело сглотнула.

— Мы здесь не делаем маникюр, мэм. Это целостный оздоровительный центр.

— Точно. Конечно. Я прошу прощения.

— Если вы просто хотите осмотреться, то можете прийти в часы общественных горячих источников.

— Звучит превосходно! Спасибо!

— Отлично. По средам с двух до четырех часов ночи.

— Это еще что? — Ханна отняла телефон от уха и на мгновение нахмурилась, глядя на него. — Вы сказали, в два часа ночи?

— Именно так. Правила вывешены в верхней части тропы и у входа в горячие источники. Вам понадобится фонарик для прогулки.

Ханна повесила трубку, прежде чем успела сказать женщине что-нибудь грубое. Она определенно не попадет в эту общину. Пора подумать о другом варианте. Она напрягла мышцы лица, крепко зажмурившись. И все же ничего оригинального ей в голову не приходило.

Снова потерпев поражение, она направилась обратно на юг по шоссе. Разгадка этой тайны потребует некоторых старомодных маневров, но ведь именно поэтому она прилетела в Калифорнию, верно? Это не было поражением. Это было только начало. Она задаст жару.

— Нет, это не правда, — проворчала она, но потом решила не обращать внимания на эту чушь и очень долго над этим работать, точно так же, как ее воспитывали. — Ты не слабачка, — сказала она вслух. А потом рассмеялась. И засмеялась еще громче. Потому что она определенно была слабачкой; она просто еще не бросила это дело.

Вернувшись в «Риверфол Инн», она спрятала сумочку в коттедже и прихватила куртку. Она ждала, что на побережье Калифорнии будет приятно тепло, но этого не было. Фактически, день был совершенно холодный, и солнце, которое она видела мельком раньше, исчезло.

Застегнув куртку, она направилась к речной тропе и пошла по ней на восток, к знаку «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ». Ее рука скользнула по молодой секвойе, когда она обогнула изгиб, и мягкость иголок ее удивила. Она ожидала, что они будут твердыми, как сосновые иголки, но они были больше похожи на узкие листья, гибкие и податливые, когда она потянулась к ним.

Прогуливаясь среди странных деревьев и папоротника, которые росли огромными из-за окружающей их влаги, Ханна могла представить, что она вернулась назад во времени. Может быть, так оно и было. Здесь все казалось волшебным. Первобытным. Возможно, именно это привлекло так много потерянных душ десятки лет назад.

Потерянные души. Потерянные родители.

Любил ли ее отец эту другую женщину? Было ли это благополучно, осмысленно и в открытую?

Некоторые люди тогда жили именно так. Никакой ревности. Никакого осуждения. Она не могла представить себе своих родителей-лютеран, живущих такой жизнью, но и не могла представить их здесь вообще. Какая еще деталь была добавлена в эту смесь? Может быть, они жили в этом райском саду и позволили ожиданиям внешнего мира исчезнуть.

А может быть, эта связь была тайной. Грязная, беспорядочная страсть в лесу. Поздними ночами под звездами, всегда в темноте, пока не появилась Ханна, чтобы разоблачить их.

Как бы то ни было, они, должно быть, зачали ее в счастье. Они нуждались друг в друге, по крайней мере, на какое-то время. Она унаследовала эту беспокойную напряженность. Она понимала это. В ее крови были любовь, страсть и путешествия, и ее родители объединились, чтобы сделать это.

Она замедлила шаг, чтобы рассмотреть место, в котором она родилась, это место, где земля была намного сильнее людей.

Земля под ее ногами казалась легкой и пустой, и она представила себе тысячелетние иголки секвой, которые упали, чтобы создать слои этой тропы. Всего в нескольких дюймах от нее лежали иглы, на которые наступал ее отец. И ее мать тоже. Они гуляли здесь. Должно быть, так оно и было.

Через несколько минут она подошла к забору со знаком. Тропа повернула к неглубокой реке и исчезла, чтобы снова появиться на другой стороне. Несколько камней, видневшихся выше уровня воды, давали обнадеживающий намек на проход, но она не собиралась продолжать свой путь.

Забор соседнего участка не доходил до реки, поэтому она осторожно пробиралась по корням деревьев и камням, пока не миновала длинную стену леса и не нашла другую грунтовую дорогу, на которую можно было ступить. В сотне ярдов впереди она добралась до дорожки из щепок секвойи, которая вела к двери скромного фермерского дома. Надеюсь, что хозяева давно живут здесь и могут что-то знать о предыдущих соседях, она подошла ближе.

Когда она была уже в десяти футах от двери, то услышала внутри пронзительный

детский визг. Хорошей новостью было то, что кто-то был дома. Плохая новость заключалась в том, что на ее стук мог ответить ребенок.

Это казалось невероятным даже ей самой, но, разговаривая с детьми, Ханна чувствовала себя так, словно она была самой неопытной в этом общении. Малыш всегда был спокойным, наблюдал за ней большими глазами, ожидая, что она скажет что-то правильное, и все, что она могла сделать, это лепетать и извиваться. Почему она так неумело разговаривает с людьми с детским словарным запасом? Разве это не должно быть легко?

Она постучала и тренировалась сказать: «Привет, твоя мама дома?» снова и снова. С другой стороны двери послышался стук колес, и она приготовилась. Но громкий грохот пластика о пол снова затих, и в доме воцарилась тишина.

Ханна попробовала позвонить в дверь, поморщившись от того, что звонок эхом отдавался где-то внутри. На этот раз послышались приближающиеся шаги. Взрослые шаги. За этим последовал еще один визг.

Дверь распахнулась внутрь.

— Здравствуйте! — сказала она с благодарностью при виде этой женщины, хотя это был первый раз, когда она почувствовала себя признательной, увидев женщину с ребенком на бедре и малышом, шатающимся позади нее, чтобы их нагнать.

Из-за угла выглянул еще один малыш. Ханна случайно наткнулась на пчелиный улей.

Женщина лучезарно улыбнулась, несмотря на блестящий от пота лоб и черные волосы, которые выбились из косы и бешено плясали вокруг ее головы. Она помахала тряпкой, которую держала в правой руке.

— Здравствуйте! Вы здесь по поводу вакансии?

— Вакансии? — спросила Ханна.

— Для ребенка, — произнесла женщина, ничего не проясняя.

— Мне очень жаль, я... — Ханна посмотрела на самого дальнего ребенка и увидела, как он рванул обратно за угол, чтобы спрятаться. — Я ничего не знаю о детях. Я хотела спросить вас о соседнем доме. Но вы, кажется, заняты?

Смеясь, женщина снова взмахнула полотенцем.

— Совсем не занята. Мы только что закончили есть. Проходите.

— Похоже, работы у вас хватает, — ноги Ханны уже заставили ее подняться на две ступеньки.

— Ерунда. У меня сейчас нет одного ребенка. Здесь все спокойно.

Ханна почувствовала, как ее лицо исказилось от смущения и страха.

Женщина рассмеялась.

— Это же детский сад. Ну, это и мой дом тоже, но детский сад в дневное время! Трое малышей и плюс трое дошкольников. Это то, что мне позволено. Прямо сейчас у меня есть только по два из каждой категории.

— Это... кажется так много.

— Так оно и есть. Честно говоря, сейчас я ищу себе еще одного. Малыши требуют больше работы, но, по крайней мере, они не могут лазить по деревьям.

Ханна рассмеялась, как будто она поняла.

— Я Дженни, — представилась женщина. Она еще раз провела полотенцем по щеке ребенка, а затем позволила ему схватить тряпку, чтобы она могла протянуть свою руку и пожать руку Ханны.

— Я Ханна. Ханна Смит.

— Входите. Я забираю детей на задний двор.

Ханна вошла и осторожно закрыла за собой дверь, чтобы маленькие люди не сбежали. Ближайший малыш подошел вплотную и схватил Ханну за штанину джинсов. Когда Дженни повела ее по коридору, Ханна обнаружила, что идет за ней странным шаркающим шагом, наполовину волоча ногу, чтобы не задеть малыша по лицу.

Даже с учетом того, что ее родители были дикими хиппи, это было последнее, что она ожидала увидеть в Калифорнии.

Впереди нее Дженни схватила со столика в прихожей радио-няню и открыла дверь на огороженный задний двор, впустив яркое зеленое свечение. Солнце ненадолго выглянуло и просочилось сквозь гигантские деревья двора и теперь освещало своим пятнистым светом маленькую игровую площадку. Малыш, привязанный к ноге Ханны, рванул к двери и выбежал во двор. Слава Богу.

— Самый маленький из них сейчас спит, — объяснила Дженни.

Ханна удивлялась ее спокойствию, так же, как всегда удивлялась спокойствию своих сестер перед лицом стольких детей.

Иногда она пыталась убедить себя, что сможет обрести такой же покой вместе с зародившимся в ней ребенком, если решит стать матерью. Но она знала по собственному опыту, что Рэйчел и Бекки были рождены с этим чувством. Дженни выглядела как еще одна девочка, которая начала нянчиться с детьми в одиннадцать лет. И у нее это хорошо получалось. Ханна однажды попробовала это сделать в двенадцать, и все три часа она провела в ужасе от того, что может все испортить.

— Это твой? — спросила она, кивнув в сторону пухленького малыша, который обхватил кулачком косу Дженни.

— О, нет. Мои сейчас оба учатся в школе. Но у меня есть эти обезьянки, чтобы составить мне компанию.

— Мм. Безусловно, — Ханна неловко улыбнулась в сторону детской площадки, где оба мальчика пытались спуститься с горки и забраться на нее одновременно. Дети выглядели скорее озадаченными, чем недовольными.

— Вы сказали, что вас интересует дом по соседству?

— Мои родители жили там много лет назад. Я просто стучусь в любые двери, чтобы узнать, помнит ли кто-нибудь, кому он принадлежал в шестидесятые годы.

— Мне очень жаль. Я не знаю. Этот дом принадлежит моим родственникам со стороны супруга. Я могу спросить своего мужа, когда он вернется домой, но ему всего тридцать семь. Он может и не знать.

Один из мальчиков уже спустился с горки и внимательно смотрел на Ханну, словно ожидая ее приближения.

— О, это было бы здорово, если бы вы могли спросить. Могу я оставить вам свой электронный адрес? Мой телефон здесь не очень хорошо работает.

— Они никогда не работают. Откровенно говоря, я благодарна этому. Иногда очень здорово, что тебя не могут найти.

Ханна настороженно посмотрела на мальчика. Он сделал несколько шагов в сторону от горки и направился к ней.

— Моя свекровь сейчас живет в районе залива Сан-Франциско, но мой муж мог бы ей позвонить.

— Благодарю вас! Если бы он мог, это было бы удивительно. Я пытаюсь выяснить, кто

же все-таки там жил. Разыскать каких-нибудь родственников.

— Попробуйте сделать анализ ДНК! — предложила Дженни.

Ханна с удивлением отвела взгляд от своего крошечного преследователя.

— Что?

— Вы что, не видели этих рекламных роликов? Вы можете сделать тест ДНК, чтобы узнать свое происхождение, но они также сопоставляют вас с членами семьи, которые его взяли.

— Серьезно?

— Да. Это довольно круто. У подруги моей мамы есть комплект на день рождения.

— Я это выясню. Спасибо.

Она оставила Дженни свой электронный адрес и умудрилась сбежать без очередных нападений, хотя Дженни и наклонилась, чтобы обнять ее одной рукой. Ханна с удивлением обнаружила, что тоже обнимает Дженни. На самом деле, когда женщина прошептала: «Я надеюсь, вы найдете то, что ищете», глаза Ханны наполнились слезами.

Смутившись, она быстро отвернулась и шагнула в полумрак дома.

— Большое вам спасибо. И я надеюсь, что поиски еще одного ребенка увенчаются успехом.

— Может быть, нам обеим повезет.

Это казалось вполне возможным. Прямо сейчас Ханна чувствовала себя счастливой. Анализ ДНК был бы долгосрочным подходом, но это казалось многообещающим способом узнать фамилию ее матери, если ее поиски здесь не увенчаются успехом. Возможно, она даже найдет свою маму. Ханна никогда бы не подумала об этом без помощи Дженни.

Она пошла по дороге, надеясь, что увидит еще один дом.

Если бы только она могла увидеть перепись населения из этого района. Там будут перечислены все люди, жившие в этом доме в тысяча девятьсот семидесятом году, и среди них, возможно, окажется ее мать. Но она знала, что пройдет много времени, прежде чем это станет общедоступным. Это пригодно для того, чтобы найти имя прадеда или прабабушки, но не для того, чтобы найти мать.

Если подумать, она даже не знала имен своих бабушек и дедушек, и разве это не странно? Разве она не должна была что-то знать, даже если бы они все умерли много лет назад? Возможно, эти вопросы задавали ее сестры. Это была одна из тех вещей, которыми люди интересовались, когда у них были дети. В следующий раз, когда они заговорят, ей придется спросить об этом у Бекки. Она не знала, когда снова заговорит с Рэйчел.

Дорога поднималась к шоссе, не проходя мимо других домов. Здесь не было обочин, поэтому шея Ханны напрягалась, когда машины проносились мимо на скорости, которая казалась слишком высокой для поворотов. К счастью, прямо перед собой она увидела вывеску гостиницы «Риверфол Инн».

Когда мимо проехала стая мотоциклов, она посмотрела через шоссе на придорожную закусочную и вдруг поняла, что умирает с голоду. Ей нужно было вернуться и заняться поиском ДНК, но, лучше делать это на полный желудок.

Капля дождя упала ей на макушку. Потом еще одна. Когда дождь начал накрапывать всерьез, это решило все за нее. Она натянула капюшон, посмотрела в обе стороны и побежала через дорогу.

Придорожная закусочная выглядела такой же старинной изнутри, как и снаружи. Дряхлой, но чистой. Длинная плита из темного дерева, составлявшая бар, была до блеска

отполирована.

Она посмотрела в сторону обшитой деревянными панелями столовой. Ее глаза достаточно привыкли, чтобы различить две пары, делящие бутылку вина, поэтому Ханна направилась к бару. Обычно у нее не было проблем с едой в одиночестве, но она не собиралась сидеть за столом в одиночестве рядом с людьми, которые вместе праздновали свои двадцатилетние отношения.

Напряжение в шее поднялось до самой головы. Она распустила волосы из конского хвоста и потерла голову, надеясь снять напряжение. Это немного помогло. Выпивка помогла бы больше.

Когда дверь в кухню распахнулась, она с удовольствием подняла голову, но, увидев, кто вошел, не испытала особого облегчения. Теперь напряжение сконцентрировалось в ее животе.

Она ожидала увидеть молодого сезонного работника. Кого-то, кто каждый год переезжает вместе с туристами. Но этот человек был примерно ее возраста. На самом деле, немного старше. И чертовски красив.

Пока она все еще отмечала, как его светло-карие глаза идеально подходят к цвету его кожи, он улыбнулся, и сердце Ханны дрогнуло. Этот парень был серебряным лисом. Морщинки вокруг его глаз углубились в складки от улыбки. Его черные волосы поседели на висках, великолепно контрастируя с кожей.

— Добрый день, — сказал он, протягивая ей меню через стойку бара. — Поздний завтрак? Ранний обед?

— И то и другое, — ответила она. — И «счастливый час» тоже.

— Я сорвал джек-пот. Что я могу предложить вам выпить?

Она не собиралась флиртовать с барменом. Она никогда не флиртовала с барменами. Они были буквально завалены флиртом каждый день, и она всегда была полна решимости не пополнять эту нелепую кучу. Но вместо того, чтобы сделать заказ, она подняла бровь.

— А как я выгляжу, какой напиток мне подходит?

Он поднял такую же бровь и скрестил на груди руки. И изучал ее.

Затылок у нее покалывало, и по нему побежали мурашки. Дерьмо.

— Я как раз собирался предложить вам мое любимое здешнее красное.

— Неплохая идея.

— Возможно. Но сегодня... сегодня вы выглядите так, будто вам нужно виски.

Она вздрогнула, внезапно вспомнив о своей гриве после конского хвоста, оставленной в ее волосах.

— Так плохо, да? — она смахнула со щеки несколько влажных прядей волос. — Но ведь вы правы. Виски звучит превосходно.

— Если вам интересно, я приготовлю старомодную гадость с грейпфрутовой настойкой.

— Мне чертовски интересно, — ответила она. Его ослепительная улыбка вознаградила ее за желание.

— Сейчас принесу.

Он двигался легким шагом, а когда смешивал напиток, его руки были уверенными и твердыми. Когда молодой парень появился в столовой, чтобы проверить стол, Ханна увидела, что бармен поднял глаза и на мгновение на него посмотрел.

— Это ваше заведение? — спросила она, узнав собственника в его орлиных глазах.

— Так и есть. Мой отчим владел им много лет назад, а потом продал. Я выкупил его

около пяти лет назад.

Ханна села немного прямее.

— Так вы здесь выросли?

— Ага. Я провел десять лет в Лос-Анджелесе, но, в конце концов, вернулся домой. Я — Габриель Каррильо, — он вытер пальцы полотенцем, прежде чем протянуть руку.

— Ханна. Ханна Смит, — ей понравилось, как его теплая рука внезапно похолодела на кончиках пальцев, когда он держал стакан. Его хватка была приятной.

— Рад познакомиться, — сказал Габриэль, когда его рука покинула ее с многообещающим скрипом трения. Он добавил вишенку в ее бокал и с улыбкой поставил его на стол. — Ваше здоровье.

— Спасибо Вам.

Когда он отошел, чтобы наполнить водой стакан, Ханна сделала глоток. Напиток был крепким, но сквозь виски пробивался легкий цитрусовый привкус.

— М-м-м. Изумительно.

Он бросил ей улыбку, когда долил воду и поставил ее перед ней.

— Я рад, что все получилось именно так.

— А что вы порекомендуете из еды? Я думаю, что мне лучше перекусить, прежде чем я закончу напиток.

— Гамбургеры просто великолепны. Мы покупаем говядину на местном ранчо. Рыбные тако — мои любимые. Я сам готовлю крем. Хикама с шинкованной капустой.

— Тако — звучит превосходно.

— Я сейчас же начну их готовить.

Она сделала еще один глоток и посмотрела на его задницу, когда он толкнул кухонную дверь. Он выглядел стройным и сильным, и она была рада, что его голубая клетчатая рубашка была заправлена в потертые джинсы, потому что вид был просто божественный. Боже милостивый, должно быть, к нему целыми днями клеятся женщины.

Второй глоток достиг ее желудка, и тепло маленькими ручейками потекло по телу, когда алкоголь начал действовать. Ханна закрыла глаза, чтобы насладиться этим зрелищем. Как только она достаточно согрелась, то расстегнула куртку и повесила ее сушиться на соседний стул; затем она сделала все возможное, чтобы расчесать пальцами волосы. В кои-то веки она была рада, что волосы у нее были прямые, а не кудрявые. Одному Богу известно, как могут выглядеть ее сестры при такой влажности.

Она подумала, что надо нанести немного блеска для губ, но кухонная дверь распахнулась как раз в тот момент, когда она поняла, почему не может этого сделать. Она оставила свой бумажник в коттедже. Вместе с кредитными карточками. Ханна судорожно вздохнула, встретившись взглядом с Габриелем.

— Что случилось? — спросил он, внезапно посерьезнев. — Вы в порядке?

Она покачала головой.

— Мне так неловко. Я оставила бумажник в своем номере.

— Тогда, наверное, я просто угостил вас выпивкой.

— Нет, я пойду принесу его! Думаю, я вернусь еще до того, как еда будет готова. Я как раз на той стороне дороги.

— Расслабьтесь. Вы можете заплатить мне позже.

Она вскочила с барного стула, охваченная ужасом до всех своих среднезападных костей. Наверное, она выглядела как авто-стопщица, пробирающаяся через Биг-Сур.

— Нет, я вернусь раньше, чем вы успеете оглянуться.

— Сядьте. Я серьезно. Если вы сейчас уйдете, лед растает, и вы разрушите всю мою тяжелую работу.

Она взглянула на стакан.

— Неужели?

— Правда. Во всяком случае, вы выглядите заслуживающей доверия.

Облегчение вытеснило смех из ее горла. Она снова опустилась на свое место.

— Вот тут вы ошибаетесь.

— Женщина с секретами?

— Вы даже не представляете.

— О, держу пари, я мог бы рискнуть сделать несколько предположений. Я слышал некоторые удивительные вещи из этого бара. Многие люди приезжают в Биг-Сур, убегая от всего.

— Да благословит их Господь, — пробормотала она, снова поднося стакан к губам. Когда она поставила его на стол, от напитка осталась только половина.

— Сделать еще один? — спросил он.

Она действительно хотела еще один. Обычно она не пила каждый день. Отнюдь нет. Но на этой неделе она заслужила того, чтобы упасть ниже некуда. Вниз, вниз, вниз. Ханна прочистила горло.

— Я не собираюсь злоупотреблять вашим великодушием.

— Может быть, я люблю, когда им немного злоупотребляют.

Его подмигивание заставило ее схватить стакан и сделать еще один глоток. Он потянулся за новым стаканом. — Еще одно старомодное предложение.

Ей нравилось смотреть, как он работает. Он выглядел спокойным и сосредоточенным. Его ногти были коротко подстрижены. Слишком коротко. Как будто он должен был их отрезать, чтобы не укусить. Но благодаря им его руки казались грубыми и готовыми к бою. Все по делу.

— Я оставлю вам свой телефон, когда пойду за бумажником, — предложила она. — В качестве страхового депозита.

— Хорошая попытка. Ваш телефон так же бесполезен, как и все остальные здесь.

— Значит, ключ от моего номера?

Он бросил непроницаемый взгляд через плечо, и Ханна покраснела.

— Точно, — быстро сказала она. — Если я оставлю ключ от своего номера, то не смогу попасть в него. К тому же, я немного перегнула палку.

— Вы кажетесь мне довольно искренней женщиной.

Ханна рассмеялась.

— Это действительно очень мило сказано.

— Я просто выполняю свою работу, Мисс.

— Ах. Мисс. У вас это хорошо получается.

— Чем больше вы пьете, тем очаровательнее я кажусь. Это одно из преимуществ нашей работы, — он пододвинул ей второй бокал и прислонился бедром к стойке бара, как будто собирался задержаться на некоторое время. — Так что же вы здесь делаете, в Биг-Суре, Мисс Ханна Смит? Пеший туризм? Езда на велосипеде? Осматриваете достопримечательности?

Она допила свой первый бокал и словила кайф. Она опускалась все ниже и ниже, в своем стиле.

— Нет. Ничего подобного.

— Точно. У вас есть секрет, — он взглянул на ее левую руку, возможно, ища коричневую линию, указывающую на недавнее снятие кольца. Она импульсивно потерла безымянный палец, как делала тысячи раз с тех пор, как рассталась с мужем. Вмятина исчезла несколько месяцев назад. Теперь никаких признаков замужества уже не было.

— Развод? — спросил он.

— Я как раз над этим работаю, — она посмотрела на его обнаженную руку. — А вы?

— Я перешел на другую сторону семь лет назад. Биг-Сур, оказывается, отличное место для зализывания своих ран.

Она пожала плечами.

— На самом деле, я ничего не лижу, — как только эти слова слетели с ее губ, она вскрикнула от смеха и заглушила звук. Но то, что она прикрыла рот рукой, не помогло. Она засмеялась еще громче. С хрюканьем. Хохотала до тех пор, пока по ее щекам не покатались слезы.

Когда ее зрение, наконец, прояснилось, Габриэль покачал головой. Но он улыбался, демонстрируя пару очаровательных ямочек на щеках.

— Может быть, вам стоит немного подкрепиться, прежде чем вы начнете пить вторую порцию?

— Упс, — она подняла новый бокал. — Слишком поздно.

— Вы неисправимы, — проворчал он. — Позвольте мне проверить тако.

Как только он исчез, Ханна попыталась серьезно с собой поговорить.

— Ты здесь не для того, чтобы флиртовать. Ты же не в отпуске. Это не увеселительный круиз.

Но будь она проклята, если впервые за много лет не почувствовала себя самой собой. Уверенной в себе, веселой и немного безрассудной. Скорее всего, дело было в виски. Или, может быть, не только в виски, мысленно поправила она себя, когда Габриэль толкнул дверь с тарелкой.

И самое лучшее в нем было даже не внешность. Дело было в том, что он вырос здесь и, вероятно, обладал информацией. Ладно, навыки приготовления коктейлей и еда тоже ничему не повредили. Ее рот наполнился слюной, когда он поставил перед ней тарелку.

— Спасибо. Я умираю с голоду.

Он подмигнул, прежде чем снова исчезнуть. Она была рада, что он ушел, потому что не собиралась вести себя как леди. Один кусочек тако — и она застонала от удовольствия. Пикантный крем прекрасно контрастировал с очерненной рыбой и острой сальсой, а лепешки были явно свежеприготовленными. Она справилась с первым тако за полдюжины укусов, а когда увидела, что Габриэль благополучно устроился в столовой, слизнула остатки крема и сальсы из физалиса с пальцев. Она знала, что была слегка навеселе, и, возможно, это повлияло на ее мнение, но будь она проклята, если шинкованная капуста не компенсировала великолепие тако в совершенстве. Габриэль Каррильо становился только сексуальнее.

— Опасность, Уилл Робинсон, — прошептала она себе под нос, прежде чем приступить ко второму тако с небольшой сдержанностью.

Проблема была в том, что она никогда не боялась небольшой опасности. Чего она всегда боялась, так это безопасности.

Конечно, это заставило ее вспомнить о Джеффе, и это немного отрезвило ее. Она все еще хотела ему позвонить. Дело было не только в том, что она скучала по его дружбе. Она

скулчала по его разуму, по его пронизательности. Он был быстр и логичен и видел связь между прошлым и настоящим. Это была его работа. Ей хотелось опереться на него и позволить ему помочь ей. И он обязательно поможет. По крайней мере, так было в прошлом. Если он посмотрит на все эти улики, то увидит то, чего она не могла видеть.

Дерьмо. Это чертово виски. Она глупо флиртowała с одним парнем и по-идиотски скулчала по-другому. Но идиотизм не испортил ей аппетита.

Она всегда завидовала тем женщинам, которые не могут, есть, когда испытывают стресс. Кем бы ни была ее мать, женщина не передала ей этот ген. Ханна с тоскливым вздохом прикончила второе тако, радуясь, что не было третьего, потому что она бы прикончила его точно так же.

Когда дверь начала распахиваться, она схватила салфетку и стерла с лица следы уничтожения пищи.

Его сексуальная черная бровь изогнулась дугой, когда он взглянул на ее тарелку.

— Я могу это расценивать как хороший знак?

— Конечно. Это было потрясающе. Все это.

— Оставили место для десерта?

Она взяла свой бокал и улыбнулась.

— Я уже им занимаюсь.

— А вы мне по душе.

— Забавно, что мы встретились в баре, — она пододвинула к нему свой телефон. — Вы уверены, что не оставите это себе в качестве залога? Этот счет становится все более дорогостоящим.

— О, я думаю, что довольно легко смогу разыскать вас, если до этого дойдет. Вы сейчас в «Риверфолле»?

— Ага.

— Хорошее место.

— Вы что-нибудь о нем знаете?

Он убрал ее пустой стакан и потянулся за кувшином, чтобы снова наполнить его водой.

— Такер — хороший парень. На сто процентов добросовестен по отношению к этому месту. Это не всегда бывает с новичками.

— Я слышала, что раньше здесь была община.

Он сделал паузу, ставя кувшин обратно на стол.

— Там где гостиница?

— На этой земле, да. Там были хижины и сад.

— Вы знаете... Кажется, я припоминаю кое-какие разговоры из детства. Но тогда вокруг было много хиппи. Моя мама всегда предупреждала нас держаться от них подальше.

— Вы помните что-нибудь о группах хиппи в «Риверфолле»?

— Не думаю. Я имею в виду, что в те времена вокруг было полно автостопщиков. Они и сейчас есть. А знаете что? Я действительно помню эти хижины, но это было позже. В конце семидесятых, после того, как это место было заброшено. Мы обычно пробирались туда тайком и рыскали повсюду. Но здесь все быстро зарастает. Смотреть было особенно не на что.

Она еще не сдавалась.

— Как вы думаете, кто-нибудь из тех, кто там жил, все еще находится здесь?

Габриэль пожал плечами.

— Вполне возможно. Если хотите, я могу поспрашивать здесь.

— Правда? — она ухмыльнулась при мысли, что на ее стороне может оказаться местный житель.

— Конечно, но откуда такое любопытство?

Она не знала, что еще сказать. Ее так и подмывало выболтать всю эту грязную историю, просто чтобы рассказать кому-нибудь. Кому-то, кто не знал ее родителей и не нуждался в их защите. Он не стал бы отрицать, что это возможно. Он не станет предупреждать ее, что правда может причинить боль другим людям, как бы сильно она в ней ни нуждалась.

Но она была не настолько возбуждена, чтобы выложить на стол свою самую страшную тайну. Еще нет.

— Там жили мои родители, — сказала она, обнажая всю историю до самых костей.

— В общине? — он прервал свою напряженную работу и, перекинув тряпку через плечо, повернулся к ней лицом.

— Совершенно верно. Вы смотрите на самое настоящее дитя любви.

— Вау. Значит, вы тоже местная.

— Думаю, так оно и есть.

— Ну, тогда, — он сунул руку под стойку, достал бутылку и еще одну рюмку, чтобы налить себе шот. — Добро пожаловать домой, Ханна, — они чокнулись бокалами.

Она смотрела, как у него сжалось горло, когда он допил виски. Ханна сделала глоток из своего бокала. Приятно было отвлечься. Действительно приятно.

— Спасибо, — вымолвила она.

— За что?

— За то, что заставили меня почувствовать себя лучше.

Он снова прислонился к стойке бара, затягивая маленький круг тишины вокруг них.

— Значит, это не просто прогулка по дорожке воспоминаний?

— Даже наполовину нет, — он смотрел на нее пристальным взглядом. Может быть, ему тоже нравилось отвлекаться. Она решила добавить немного плоти к костям. — Я не знаю, кто моя мать. Мы уехали из Калифорнии. Она осталась тут. Я надеюсь, что она все еще может быть здесь.

— Это не очень большой населенный пункт. А как ее зовут?

Ханна съежилась и приподняла одно плечо.

— Хм. Действительно секреты.

Она спрятала свое смущение за улыбкой.

— Я не думаю, что вы знаете старую, закоренелую женщину-хиппи со склонностью к виски и неприятностям. А если знаете, то пошлите ее ко мне.

— Я буду держать ухо востро.

— Спасибо, — улыбка больше не могла скрыть ее смущения, поэтому она допила свой бокал и встала. — Я сейчас вернусь со своим бумажником.

— Не беспокойтесь. Это за счет заведения.

— Ой, перестаньте! — запротестовала она. — Мне не нужна ваша еда из жалости. Или выпивка.

Габриэль рассмеялся, демонстрируя слегка кривые нижние зубы, которые Ханна находила очаровательными.

— Жалость даже не приходила мне в голову. Считайте это подарком в честь вашего возвращения.

Она подозрительно склонила голову набок.

— Вы пытаетесь удержать меня от того, чтобы я вернулась и заплатила? Хотите, чтобы я отстала от вас?

— Определенно нет. Я ведь уже обещал дать вам информацию, чтобы заманить обратно, не так ли?

— Ах. Коварный план. Сегодня вечером?

— Ничего не могу обещать, но я сделаю несколько звонков и посмотрю, что услышу сегодня днем.

— Еще раз спасибо, — сказала она, ни на что не надеясь. — За все.

— Всегда, пожалуйста.

Она сделала несколько шагов, прежде чем вспомнила о своей куртке, и содрогнулась, прежде чем повернуться и схватить ее. Она была уже почти за дверью, когда он окликнул ее.

— Ханна?

— Да? — она остановилась в дверях и встретилась с его теплым взглядом.

— Мы закрываемся в девять.

Когда она толкнула дверь, его пристальный взгляд покалывал ее кожу. Да, она вернется сегодня вечером. В этом нет никаких сомнений.

Нэнси Дрю никогда не приходилось иметь дело с интернетом.

Для Ханны это преимущество, не так ли? Вся информация находилась у нее под рукой, ожидая, когда ее отыщут. Но Ханна подозревала, что интернет сделал ее неженкой. Когда ей что-то не удавалось, она могла только тупо сидеть и смотреть на экран.

В Биг-Суре она нашла лишь несколько таких же историй о хиппи. А так же слишком много информации о людях с фамилией Смит, которые жили в Калифорнии. И хотя она нашла подающую надежды связь с регистрационными записями избирателей Монтерей, эти файлы относились только к тысяча девятьсот сорок четвертому году. Даже близко не то, что было ей нужно.

Ханна мечтала вернуться в придорожную закусочную и выпить еще.

Но надежда еще не совсем потеряна. Она обнаружила, что может получить доступ к файлам избирателей в офисе регистратора округа Монтерей. Она поедет туда завтра и проверит, все ли в порядке.

Где-то же должна быть онлайн-база данных с записями о собственности. Она попробовала несколько раз поискать, прежде чем наткнулась на нее. База данных была неудобной и непонятной для пользователя. Но и такая сойдет. У нее не было номера земельного участка, чтобы посмотреть информацию по нему, но у нее было имя. К сожалению, с именем «Питер Смит» не было никаких совпадений за всю пятидесятилетнюю историю документации.

— Хорошо, — прошептала она.

Она могла бы это сделать. Она напечатала «Такер Нефф». А вот и оно. Документ, выданный Такеру Неффу от Джонатана Уорли семь лет назад. Удовлетворение от этой маленькой победы заставило ее зарычать.

Она набрала в поисковике «Джонатан Уорли» и нашла документ, по которому имущество перешло в его руки. И так далее. Спустя найденных шесть хозяев, она набрала еще один поиск. Результат ударил ее в живот.

Смит. Ее собственная фамилия прямо там, освещенная сиянием экрана компьютера.

Это был не Питер Смит. Это был не ее отец. Вместо этого был человек по имени Джейкоб Смит, предоставивший этот документ новому покупателю в тысяча девятьсот семьдесят втором году.

— Джейкоб Смит, — прошептала она.

Боже мой, неужели этот человек мой родственник? Дядя, дедушка или двоюродный брат? Фамилия Смит была довольно распространенной, но то, что он владел землей, где она родилась, не могло быть простым совпадением. Неужели это была семейная ферма? Может быть, община образовалась позже? После тысяча девятьсот семьдесят второго года?

Она поискала его имя и увидела, что документ был передан ему в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году некой Абигейл Фрейей. Ханна записала имена и номера обоих документов, чтобы, в случае надобности, впоследствии увидеть подлинные документы.

А потом она откинулась назад и глубоко вздохнула. У нее, наконец, есть что-то реальное.

Схватив телефон, Ханна увидела, что у нее нет сигнала, и взамен она отправила Бекки электронное письмо.

Вы когда-нибудь слышали о Джейкобе Смите? Я думаю, что он наш родственник.

Ожидая ответа, она попыталась найти информацию, напечатав «Джейкоб Смит» и «Биг-Сур». Ничего не вышло. Поэтому она попробовала «Джейкоб Смит» и «Питер Смит» оставив без внимания местоположение.

И это сработало. Там было несколько ссылок со случайных генеалогических сайтов, которые не имели никакого отношения к ее семье, но пятая запись внизу была ссылкой на газету «Святой Крест».

Она облизнула пересохшие губы и кликнула на ссылку.

Сайт представлял собой скан первой страницы старой газеты, а прямо посередине была фотография ее отца. И это была именно та версия ее отца, которую она ожидала увидеть в шестидесятых годах. Очки. Костюм. Короткие волосы, наполовину зачесанные назад.

Но нет. Это не может быть правдой. Она взглянула на дату выхода газеты. Тысяча девятьсот шестьдесят шестой год. Ее отцу было всего двадцать лет. Как же так можно...

Затем она увидела второго мужчину на фотографии. Совсем мальчишка. Тощий и застенчивый на вид. Он был одет в рубашку с короткими рукавами и галстук, но без пиджака. Он держал в руке книгу, и его голова была повернута к пожилому человеку.

Ханна прокрутила страницу вниз, и на ней появилась подпись. «Проповедник Джейкоб Смит и его сын Питер Смит провели встречу возрождения веры для сотен человек на ярмарке «Святого Креста», прежде чем поехать в Уотсонвилл».

Проповедники?

Она осторожно протянула руку к экрану и коснулась формы челюсти Джейкоба Смита. Челюсть ее дедушки. Это был не тот ответ, который она искала, но он казался ей важным. Да, это был ключ к разгадке, но дело было не только в этом. Ее отец утверждал, что к тому времени, когда ему исполнилось восемнадцать, его родители уже умерли. Здесь был его отец, еще живший в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году и владевший землей до тысяча девятьсот семьдесят второго года.

Зачем ему было лгать о своих собственных родителях?

Звякнула ее электронная почта.

Бекки: Где ты? Ты в порядке? Я просто пыталась дозвониться и не смогла. Я не узнаю этого имени. Как ты его нашла? Он наш двоюродный брат? Пожалуйста, позвони.

Дрожащими руками Ханна написала ответ.

Ханна: Я не могу позвонить. Я нашла Wi-Fi, но у меня все еще нет сигнала сотового телефона. Джейкоб Смит — наш дедушка. Папа сказал, что он умер, но в тысяча девятьсот семьдесят втором году он все еще был жив. Я нашла его через записи о собственности. Вы уверены, что ничего не помните? Может, ты спросишь у Рэйчел?

Она прикрепилась к ссылке на газетную статью и нажала «отправить», стараясь не обращать внимания на укол вины за очередную ложь отца. Это казалось неправильным, но что, черт возьми, еще ей оставалось делать? Она была не из тех, кто лгал. Это были не те секреты, которые она должна была защищать.

Ее компьютер издал звук, который она не узнала, и Ханна резко отпрянула от клавиатуры. Ее глаза блуждали по экрану, пока она не заметила значок, подпрыгивающий внизу. Видеозвонок.

— Вот дерьмо, — простонала она. Бекки нашла способ установить контакт.

Она подождала под несколько звуков ударов сердца, затем еще под несколько, всерьез подумывая отклонить вызов. Но в конце концов ее любовь к Бекки победила, и она открыла

приложение.

— Я так волновалась! сказала Бекки, когда экран открылся и ее лицо оказалось слишком близко к компьютеру. — Ты в порядке? Это все... Я имею в виду, Боже мой, Ханна. Неужели он действительно наш дедушка? Это что, серьезно?

— Убери свои ноздри от камеры, Беккс.

Бекки немного отстранилась, открывая свое лицо и дикую массу белокурых волн. Она выглядела так, как будто в буквальном смысле слова вырывала свои волосы от раздражения. — Я думала, ты ищешь свою мать!

— Ищу, но его я тоже нашла.

— Так... он там?

— Нет, конечно же, нет. Сейчас он был бы максимально старым к этому времени. Но мы родились на земле, которой он владел. Я сейчас нахожусь в этом доме. Он был здесь. Ты должна была его знать.

— Мне было три.

— И все же ты должна помнить, что у тебя был дедушка!

— Почему ты кричишь на меня? Ты помнишь что-нибудь из того времени, когда тебе было три года?

Ханна откинулась на спинку стула и склонила голову, ожидая, когда пройдет ее раздражение.

— Извини. Просто все это какое-то безумие. Что же скрывал папа? Кто-то же должен что-то помнить.

— Если его отец был ненормальным путешествующим проповедником, я предполагаю, что жить с ним было нелегко.

— Наверное, — Ханна уменьшила видео окно и снова посмотрела на газетную фотографию. — Он женился на маме в тот год, в который был сделан этот снимок. А потом они вместе с Джейкобом Смитом переехали в Биг-Сур.

— Ты уверена?

— Думаю да. Здесь у них уже родилась Рэйчел. А потом ты. Затем появилась я. Как же это случилось?

— Я не знаю.

— Бекки, есть еще кое-что.

Ее сестра застонала.

— Конечно, есть.

— Раньше, это место было общиной.

— Чем?

— Общиной. Молодежь. Хиппи. Свободная любовь.

Бекки долго смотрела в монитор, прежде чем расхохотаться.

— О Боже, Ханна! Ты же не говоришь это всерьез.

— Говорю. Здесь их было очень много, этих общин. И это объясняет то, где я появилась на свет.

— Ну, больше это ничего не объясняет! Мама и папа в роли хиппи? Ты сошла с ума.

— Они жили здесь. Там был большой общий сад. Хижины. Баня.

— Ханна, я принимаю то, что ты хочешь найти свою мать, но это просто смешно. Мама и папа никогда не были хиппи.

— Но...

— Ты рассказала мне, что у нас есть дедушка, который был проповедником и владел этой землей. Как это вписывается в историю о свободной любви и социализме?

Ханна открыла было рот, чтобы возразить, но тут же его захлопнула. Бекки была права. Джейкоб Смит был христианским проповедником, поэтому, правда, должна быть более запутанной. Может быть, Джейкоб купил ферму и пришел сюда, чтобы найти группу хиппи, живущих в лесу. Может быть, он даже позволил им остаться. Судя по тому, что она читала в интернете, в те дни все они были поселенцами и мятежниками, разбившими лагерь в больших поместьях или в государственных парках. Отказывались уходить. Утверждали, что это Америка, и они имеют право ехать куда угодно.

Так что, может быть, и существовала община, но Смиты не были ее частью, пока Питер не согрешил и не влюбился в какую-нибудь темноволосую нимфу. Это определенно имело больше смысла, чем участие Смитов в ЛСД-оргиях.

— Может быть, ты права. Скоро я узнаю об этом больше. Мне помогает местный парень.

— Просто какой-то парень? Он что, ненормальный?

— Он вовсе не ненормальный, — чувствуя, как румянец заливает ее щеки, Ханна сменила тему разговора. — А как мама? — это слово на мгновение повисло в воздухе. Ложь. Ошибка. Но как еще Ханна могла ее называть?

Бекки слегка поникла.

— Не очень. У нее еще одна инфекция мочеполовых путей.

— О, нет.

— Вчера у нее поднялась температура. Началась паника. Я думаю, что она заболела еще до того, как ты уехала. Вот почему она вела себя так странно.

— Я не думаю, что поэтому, — сухо сказала Ханна и проглотила свою горечь. — Они посадили ее на антибиотики? — она провела всю свою жизнь, не имея ни малейшего представления о том, насколько опасны инфекции мочеполовых путей для пожилых людей. Тихая, скрытая болезнь, которая может убить их прежде, чем кто-нибудь поймет, что происходит. Но теперь она знала все подробности и опасности, потому что ее мать заражалась каждые полгода или около того.

— Со вчерашнего вечера.

— Как только ей станет лучше... — Ханна съежилась еще до того, как смогла произнести эти слова. Ее совесть пыталась их удержать, но она изо всех сил сопротивлялась этому. — Когда ей станет лучше, может быть, ты спросишь ее о Джейкобе Смите?

— Я не собираюсь этого делать, — в этот момент Бекки говорила так же жестко, как Рэйчел. Как будто Ханна просила о невысказанном.

— Верно. Хорошо. Мне пора идти.

— Ханна, просто...

— Пока. Люблю тебя, — Ханна нажала кнопку, чтобы прервать связь.

Она не нуждалась в их осуждении. Как они вообще могли это понять? Она нарушала их спокойную, уютную жизнь, и они ненавидели это. Отлично. Но она никогда не чувствовала себя уютно в принципе. Она чувствовала себя странно. И теперь она знала почему.

До сих пор эта ложь касалась только ее. Но теперь в дело были вовлечены и ее сестры. У них были бабушки и дедушки, о которых они ничего не знали. Семья, в которой им было отказано.

Хорошо. Теперь она была не одна. Они все были в этом замешаны. Они могли

чувствовать то же, что и она.

Она закрыла видео окно и вернулась к работе.

Ханна собиралась позвонить своему бывшему мужу. Не для эмоциональной поддержки, а для того, чтобы получить реальную, конкретную информацию. Джефф был профессором Американской истории, а шестидесятые — это уже история, не так ли?

Честно говоря, его специальностями были промышленная революция и торговля девятнадцатого века, но он охватывал эту область вплоть до современной эпохи. И действительно любил то, чем занимался.

Но даже если бы он мало знал о Калифорнии шестидесятых, он знал, где получить нужную информацию. Но это в том случае, если Ханна ему была еще небезразлична. Это был чертовски большой вопрос.

Ее желудок скрутился при мысли о том, чтобы с ним связаться. Она пыталась двигаться дальше и ненавидела оглядываться назад. С прошлым было гораздо легче иметь дело, когда оно становилось все меньше и меньше в зеркале заднего вида.

Она не хотела возвращаться, не так ли? Или, на самом деле она использовала своего дедушку в качестве предлога, чтобы снова сблизиться с Джеффом? Нет, ей нужно, чтобы он ушел из ее жизни. Она хотела, чтобы он ушел. Наверное.

— Черт, — простонала Ханна, взглянув на часы.

В Чикаго было уже десять пятнадцать, и она все равно не сможет позвонить отсюда. Она попробует завтра, когда доберется до цивилизации. Но теперь, когда она решила это сделать, она не могла просто бездельничать и жить с этим. Ей нужно было что-то предпринять. Это был ее способ справляться с жизнью. Лучше ошибиться, чем тратить дни на повторение одних и тех же вопросов и сомнений.

Ханна открыла электронную почту и ввела адрес Джеффа. В теме письма она написала простое «Привет».

— Черт, — простонала она снова.

Но затем продолжила:

«Прости за беспокойство. Я понимаю, что все... сложно. Но я не знаю, к кому еще обратиться».

Она снова напечатала «Прости меня», а затем удалила это с гримасой отвращения. Она начала со своих извинений, но не собиралась просить прощения на протяжении всего сообщения.

Но ей, правда, было очень жаль. За миллион вещей. За все.

Сжав пальцы, она уставилась на экран.

Она убегала от проблем. Это было ее кредо. Может быть, потому, что в самом начале своей жизни она убедила себя, что уехать из Косвэлла, штат Айова, — это ключ к счастью. Что если ей удастся уехать достаточно далеко от этого города, и она найдет нужное место. Она перенесла эту веру и на отношения тоже. Поэтому она сбежала, а это означало, что ей придется жить с сожалениями, а не сталкиваться с последствиями.

Честная сделка. Поэтому, Ханна проигнорировала свою вину и сожаления и, вместе с этим, напечатала все конкретно и по факту.

Она не открыла всей правды. Только часть. Часть об отце, но не о матери. Она написала:

«Но история кажется совершенно неправильной. Я не понимаю, почему мой отец

солгал о своем собственном отце. И я не понимаю некоторых вещей, которые узнала. Но я натываюсь на тупик в интернете. У тебя есть какие-нибудь предложения по поиску дополнительной информации об этом человеке? Если ты готов помочь...».

Она добавила ссылку на фотографию, которую нашла, надеясь, что он не сможет устоять перед искушением заглянуть в эту тайну, хочет он того или нет. Несмотря на их недавние разногласия, она знала его. Знала, что ему нравится. Знала, что он любил.

Глубоко вздохнув, она подтолкнула курсор мышки вверх и нажала «Отправить» прежде, чем успела передумать.

Подняв глаза, Ханна увидела, что в коттедже уже темно, и посмотрела на часы. Восемь тридцать. Ханна захлопнула ноутбук и вскочила. Она хотела, по крайней мере, расчесать волосы и накрасить губы блеском, прежде чем снова увидит Габриэла.

Слава Богу, сегодня вечером ей было чем заняться, иначе она просто сидела бы и непрерывно проверяла электронную почту.

Ханна расчесала волосы и вытерла лицо влажной салфеткой, чтобы не чувствовать себя такой старой и усталой. Наложив пудру, румяна и немного блеска для губ, она сменила теннисные туфли на более женственную обувь и выбрала другую майку. Затем, схватив свою черную кожаную куртку, направилась к выходу.

Старомодный ключ показался ей недостаточно надежным. Конечно, он выглядел внушительно, ноказалось, что таких могут быть десятки, и на каждом из них гигантским шрифтом написан номер коттеджа. Но она все равно крепко заперла дверь. Она слишком долго жила в большом городе.

Сойдя с деревянного помоста на землю, она краем глаза уловила какое-то движение и резко повернулась направо. Четвертый коттедж был там, и она подумала, что, возможно, быстрое движение, которое она видела, было чьим-то ныранием между двумя коттеджами. Нахмурившись, она прокралась вперед, не сводя глаз с края стены и сжав кулаки в попытке защититься на случай, если кто-то на нее бросится.

Ключ впился ей в руку, и теперь она была рада этой чертовой штуковине крутя ее так, чтобы она торчала между пальцами, как научилась делать в восемнадцать лет, когда поступила в колледж.

Она двигалась медленно, хотя и задавалась вопросом, почему она беспокоиться, если кто-то знает, что она здесь? Но внутренний спор не придал ей смелости, и она не ускорила шаг. Ей показалось, что ее сердце пропустило еще тысячу ударов, прежде чем она поравнялась с углом коттеджа и выглянула из-за него.

Там никого не было. По крайней мере, теперь. Теперь любой мог легко убежать по темной и грязной тропе, которая змеилась между двумя домиками.

Почувствовав себя смелее теперь, когда она знала, что никто не прижимается к стене и не ждет, Ханна двинулась по тропинке. Она напрягла слух, но что-то жужжало в коттедже слева от нее — возможно, водонагреватель, — и, в сочетании с потоком воды из реки она не была уверена, услышит ли снова шаги или нет.

Подняв свое импровизированное оружие повыше, она проскользнула между коттеджами и оказалась во дворе позади них.

Она уже почти догнала его, когда увидела. Ханна застыла, затем резко отпрянула назад в пространство, из которого только что вышла.

Во внутреннем дворике четвертого коттеджа сидел мужчина. Слава Богу, он стоял к ней спиной, потому что она уловила и блеск бокала в его руке, и тихий шепот разговора. Она

чуть не подкралась к парочке, устроившей романтический вечер.

Ханна развернулась и бросилась назад, прежде чем позволила себе громко втянуть воздух, чтобы подпитать свой бешено бьющийся пульс.

Тень, вероятно, была соседом, возвращавшимся за дровами или бутылкой вина из машины. И она чуть не проткнула его своим ключом от коттеджа.

Ханна поспешила мимо коттеджей и парковки, пока не оказалась на спуске к гостинице и шоссе за ней. Солнце было где-то за деревьями, и все вокруг казалось голубым и мирным, успокаивая ее сердцебиение, несмотря на то, что она спешила покинуть домики позади.

Она не привыкла быть такой одинокой в своем одиночестве, вот и все. В Чикаго ее окружали люди, даже когда она оставалась одна в своей квартире. А в Косвэлле везде были соседи. Но здесь, в прибрежном лесу, она чувствовала себя отрезанной от всего, и это заставляло ее нервничать.

«Это глупо», — заверила она себя.

Но еще до того, как слова исчезли из ее ушей, она услышала звук маленького мотора, и пока она смотрела, древний вездеход, который она видела раньше, выскочил из-за деревьев впереди и помчался к гостинице. За рулем сидел все тот же старик. Она видела, как его седые волосы развеваются на ветру, когда он уезжал.

Она посмотрела туда, где он появился из-за деревьев, затем проследила за движением своей головы, пока не повернулась лицом к коттеджам.

Конечно, это ничего не значило. И, черт возьми, даже если бы это был он, то в его обязанности входило ухаживать за этим местом. Территория, хижины, может быть, даже тропы. Он работал здесь. Конечно, он будет рядом.

Но Ханна все еще продолжала держать руки крепко скрещенными на груди и ускорила шаг по направлению к шоссе, пока почти не перешла на бег трусцой.

Когда она открыла дверь придорожной закуской, было уже почти девять, и чувство вины охватило Ханну, когда она вошла внутрь. Габриэль предложил свою помощь, но он, вероятно, не планировал торчать здесь после закрытия, чтобы сделать это.

Она с облегчением увидела, что за двумя столиками все еще сидят посетители, а у стойки бара — двое мужчин. Она еще не опоздала.

Когда она оглянулась на окно, то поняла, как уже стемнело. И после всего этого ей все равно придется идти домой пешком. Поздняя прогулка домой была тем, с чем она могла справиться с апломбом в Чикаго. Но здесь? Она даже не знала, что живет в этих лесах.

Ханна села за барную стойку и сняла куртку, обнажив топ, который носила под ней. Она не флиртовала, по сути. Она просто хотела, чтобы Габриэль знал, что она не всегда выглядит как утопленная крыса, форма дикой природы, с которой она была знакома еще до того, как увидела ее сегодня в зеркале ванной.

Она как раз посмотрела вниз, чтобы проверить свое декольте, когда Габриэль сказал: «Привет».

Оторвав взгляд от груди, она увидела, как он с широкой улыбкой нырнул под боковую дверь бара.

— Будешь ужинать? — спросил он.

— Нет. Я не хочу тебя задерживать. Я просто подумала, что надо бы остановиться и...

— Выпить.

— Нет, ты уже заканчиваешь.

— Это займет не меньше получаса. Ты можешь подождать?

Ее улыбка смягчилась. Она его не задерживала. Вместо этого он просил ее, чтобы она зависла здесь подольше.

— Не проблема.

— Еще виски?

— Может, просто бокал белого вина. То, что тебе больше нравится.

Он снова подмигнул (это был, вероятно, импульсивный жест в этой работе), но будь она проклята, если не получила от этого удовольствия. И она была рада выпить после того странного приступа паники.

Он быстро налил себе вина и поставил полупустую бутылку рядом с бокалом.

— Вырубись сам, — он сделал два шага в сторону и остановился. — Но не в буквальном смысле.

— Никакой отключки. Поняла.

Она была благодарна за возможность на минуту расслабиться и позволить адреналину выйти из тела. Завтра она спросит Такера о старом мастере на все руки. Сегодня вечером она просто должна была благополучно добраться домой. И выяснить, что обнаружил Габриэль. А также, посмотреть, что ждет ее в почтовом ящике, когда она вернется. Может быть, гневное письмо от бывшего мужа. Может быть, его ледяное молчание.

Ладно, расслабиться получалось у нее плохо. Но она довольно прилично пила вино, поэтому сделала глоток и улыбнулась. Вино было хорошее. Яркое и золотистое, оно ощущалось на языке. Она могла бы привыкнуть к этому Габриэлю.

И все шло прекрасно. Она собирала информацию. Приближалась к ответу. Теперь, когда она была здесь, казалось все менее и менее вероятным, что она действительно найдет свою мать, все еще живущую на этом побережье, но она могла найти ее где-нибудь в принципе.

Один из столиков освободился, и двое мужчин в другом конце бара тоже встали. Они были одеты в дорогое велосипедное снаряжение, и Ханна подумала, не собираются ли они ехать куда-нибудь по шоссе в темноте. Обеспокоенная, она смотрела, как они уходят, направляясь к двум велосипедам, припаркованным снаружи. Когда дверь закрыла ей обзор, она покачала головой.

— Все в порядке? — спросил Габриэль. Она обернулась и увидела, что он несет из кухни стопку чистых стаканов.

— Я едва могу наслаждаться ездой по этому шоссе. Я не могу себе представить, как люди любят кататься на нем.

— Они этого не делают.

— Не делают чего?

— Не любят кататься на нем. Я знаю людей, которые ездили на велосипедах по всему миру, но когда они добираются до Биг-Сура, то всю дорогу сжимают кулаки так, что белеют костяшки пальцев.

— Честно говоря, не могу поверить, что их всех не сбивают машины. Все, кто за рулем, смотрят на океан!

— Мне это кажется неразумным.

— Так зачем же они это делают?

Габриэль пожал плечами.

— Многие чувствуют, что это то, что они должны сделать. По той же причине, что и ты. Большинство других людей не понимают, насколько это будет мучительно.

«Совсем как я», — подумала она, но вслух ничего не сказала.

Габриэль поднял глаза и указал рукой на последний столик.

— Извини, я на секунду, Ханна.

Он произнес это так, словно был с ней за ужином, а не на работе. Парень был очарователен, а у нее не было места для очарований в этой поездке. Или в ее сердце.

Если бы у нее вообще было сердце. Когда-то Джефф утверждал обратное, и она подозревала, что он прав.

Она допила вино и налила себе еще полбокала.

Посетители покинули последний столик. Кто-то включил фоновую музыку, пока она не перестала быть фоновой. Она закрыла глаза и наслаждалась роком семидесятых. Она всегда питала слабость к радио-хитам этих лет. Воспоминания о том, как она сидела в семейном автомобиле, снова на нее нахлынули: окна опустились в летнюю жару, потому что у них не было кондиционера, сестры теснились слишком близко, заставляя их всех потеть еще сильнее, ее мама подпевала, все скучали, но в основном были счастливы.

Она знала, что ее жизнь не была плохой. У нее было прекрасное детство, может быть, просто не совсем правильное.

Ее сестры были так близки, и десятки интересов, которые они разделяли с мамой, создали маленькое белокурое трио. Казалось, что половина детских воспоминаний Ханны была связана с тем, как они втроем болтали и смеялись над выпечкой, рукоделием, садоводством или любой другой работой, которую могли найти. Они никогда не исключали Ханну. И делали это не нарочно. Но, возможно, что-то древнее и инстинктивное удерживало ее от того, чтобы присоединиться к ним.

А может, и нет... может быть, она чувствовала тайную обиду матери, которая действительно любила ее. Дороти вырастила ребенка, которого ее муж зачал от другой женщины. Любовь была там, но, несомненно, она была пропитана чем-то неуловимым, тем, что даже сейчас Ханна не могла определить.

— Готова?

Ханна с удивлением открыла глаза и увидела, что Габриэль засовывает стопку чистых полотенец под стойку бара. Она слышала, как за кухонной дверью моется посуда.

— Уборка до сих пор не окончена?

— Преимущество владельца бара, — он натянул кожаную куртку, похожую на ее, и кивнул в сторону двери. — Проводить тебя домой?

— О, слава Богу, — выдохнула она, спрыгивая с табурета и хватая свои вещи. — Здесь действительно темно. И я думаю, что там есть горные львы.

— Есть, но они очень застенчивы.

— Смешно.

— Это не шутка, — он запер дверь, когда она вышла вслед за ним.

Она оглядела стоянку.

— Где твоя машина?

— Я живу в одноэтажном доме за придорожной закусочной. Есть еще гараж. Его разделяют двое моих сотрудников. Земля здесь безумно дорогая.

— Похоже, что большинство людей, у которых здесь есть дома, всегда ими владели.

— Именно. Это немного похоже на квартиры в Нью-Йорке. Как только у тебя появляется место, ты никогда его не оставишь.

Ханна не видела, как он подмигнул, но почувствовала это. Она слегка поежилась, хотя и натянула куртку, и притворилась, что это была запоздалая реакция на разговор с горным

ЛЬВОМ.

— Так откуда же ты? — спросил Габриэль.

Раньше ее смущал этот вопрос, но она уже давно забыла об этом. И все же это было сложнее, чем просто сказать «Айова».

— До недавнего времени я жила в Чикаго, но теперь я дома, забочусь о маме в Айове, — было не так темно, чтобы она не увидела, как он поворачивает голову.

— Мама, с которой я выросла, — объяснила Ханна.

— Ах. Она больна?

— У нее слабоумие.

— Извини. Это, должно быть, тяжело.

— Да, это тяжело. Это изматывает так, как я и представить себе не могла. Она в приюте, так что, в основном, я просто сижу с ней, но это все равно, что каждый день разбивать себе сердце. А потом случилось это...

— Что?

Точно. Она не рассказала ему эту часть. Они остановились на краю шоссе, и она воспользовалась тем, что нужно было поискать машину, чтобы на мгновение задуматься. Они поспешили через дорогу, и когда ступили на подъездную дорожку в жуткое пятно тумана, Ханна почувствовала такую благодарность за присутствие Габриэля, что отбросила осторожность и сказала ему правду.

— Раньше я этого не знала. Я думала, что моя мать — это моя мать. Они поженились, когда я родилась.

— Да.

— Да. Я узнала правду из-за некоторых медицинских тестов. А теперь я хотела бы знать, кто моя настоящая мать, так что я действительно ценю твою помощь.

Он придвинулся ближе в тумане, и она подавила желание взять его под руку, чтобы они не разошлись в темноте. Если она свернет в этот лес, ее могут больше никогда не увидеть. Призрачная дочь, бродящая по земле со своей призрачной матерью.

— Мама тебе что-нибудь рассказывала?

— Не совсем. Либо она не может этого сделать, либо не хочет, но в данный момент нет никакой возможности узнать причину. И я злюсь в любом случае. Насколько это ужасно? Я злюсь на свою маму за слабоумие.

— Я думаю, это вполне нормально.

— Даже не знаю. Это не чувствуется чем-то нормальным.

— А твой отец? — настаивал Габриэль.

— Он умер несколько лет назад.

— И мой тоже. Вообще-то, еще в тысяча девятьсот девяносто пятом. Это было уже давно. Но это будто было недавно.

— Мне жаль, — прошептала она.

— Мне тоже.

— Я все еще очень скучаю по отцу. Я не была готова к тому, что он уйдет. Я имею в виду, что иногда мне казалось, что он был единственным, кто был на моей стороне. Моя мама любила меня, но... А теперь вот это. Боже, если бы он только мог рассказать мне, что случилось. Если бы я узнала об этом десять лет назад, то задала бы свои вопросы и получила ответы. Вот и все.

Зубы Габриэля блеснули в ночи, и она поняла, что сейчас они поднимаются из тумана.

Впереди она увидела огни коттеджа.

— Почему-то, — сказал он, и тихая нотка веселья в его голосе скользнула по ее коже, — я сомневаюсь, что это было бы так просто.

Ханна слишком громко рассмеялась. Он был прав. Это был бы эмоциональный, драматический инцидент. Она бы закатила по меньшей мере, три истерики.

— Уже раскусил меня?

— Ты, кажется, не из тех, кто принимает все спокойно.

— Нет. Нет, пожалуй, нет. Я бы все равно оказалась здесь, но, по крайней мере, у меня было бы ее имя. Способ найти ее.

— Есть ли шанс, что твоя мать, в будущем, сможет ответить на твои вопросы?

Ханна пожала плечами.

— Я полагаю, что все возможно. Но в наши дни ее просветленные моменты случаются очень редко. И как только у нее начинается стресс, она снова исчезает. Вот в чем проблема. Даже если я поймаю ее в самый подходящий момент в самый подходящий день, то, задав ей этот вопрос, она, скорее всего, снова скатится в болезнь. Хотя, наверное, я могла бы остаться и попытаться.

— Или остаться и свести себя с ума.

— Именно так я себя и чувствовала, — она остановилась у входа в свой коттедж. — Хочешь развести костер и посидеть на заднем дворе?

— Конечно.

Она впустила его через парадную дверь, но сразу же направилась к заднему выходу, чтобы он не подумал, что она приглашает его в свою постель. Не то чтобы на кровати было много места. На нем лежали ее ноутбук, записная книжка и открытый чемодан.

— Извини за беспорядок, — машинально сказала она, потому что привыкла говорить это каждому, кто заходил к ней. Она почти слышала, как ее мама говорит: «Если бы ты, правда, об этом сожалела, то ты бы все убрала!». Это правда. На самом деле, ее не так уж сильно волновал беспорядок.

Габриэль молча последовал за ней на задний двор. Она схватила коробку спичек «Риверфол ИНН» и зажгла одну. Для костра уже были разложены бумага и растопка, и она разожгла пламя всего за несколько секунд.

Габриэль наблюдал, засунув руки в карманы джинсов. Надо было попросить его разжечь огонь, подумала она. Это было то, что заставляло мужчин чувствовать себя нужными и полезными. Но ей тоже нравилось чувствовать себя полезной, и было что-то невероятно приятное в том, чтобы смотреть, как огонь, который она сама себе разжигала, растет и облизывает поленья.

— Присмотришь за ним? — спросила она, пытаясь дать ему немного ответственности на случай, если он в этом нуждается. Она вернулась в коттедж, чтобы взять бокалы.

Когда она вернулась, он стоял в той же позе. Габриэль расслабился, его плечи опустились так, что это было бы сутулостью для другого мужчины, но каким-то образом заставило именно его выглядеть солидным. Он был всего на дюйм или два выше ее, но такой жилистый, что казался существенно выше.

Как и любой мужчина, Габриэль мог быть той самой ночной опасностью, от которой ей понадобилось бы защищаться. Он был сильнее ее, они были в лесу, и он мог заставить ее замолчать почти без усилий. Но она доверяла своим инстинктам. Они были отточены во время ее безрассудных студенческих лет, когда она пыталась уговорить себя доверять

мужчинам, которые излучали неверную вибрацию.

Инстинкты важны. Все женщины учились доверять страху.

Но с ним она не чувствовала никакого страха. Он не смотрел на нее слишком пристально, не вмешивался в ее пространство и не делал собственнических жестов, которые ему не следовало бы делать. Да, он флиртовал, но следил за ее реакцией и позволял ей сказать последнее слово.

Ханна это любила. Сильно.

Она уже прикончила свою подарочную бутылку вина, но там стояла еще одна, с маленьким, написанным от руки ценником в двадцать долларов.

— Надеюсь, с этим красным все в порядке. Оно досталось мне в подарок при заезде.

Ханна протянула Габриэлю бутылку и штопор, что, в конце концов, сделало его полезным. Огонь весело пылал, и она со вздохом опустилась на деревянный стул.

— Выглядит хорошо. И спасибо за приглашение.

Он налил им по бокалу вина и сел на свое место.

— За здоровье.

Она немного потянулась в кресле, пока жар огня не согрел ее колени.

— И я позвонил маме, чтобы расспросить ее об этом месте, — сказал он. — Она всю жизнь прожила в Биг-Суре. Решил, что она что-то знает.

— Она знает?

— Это определенно была община.

Ее сердце забилося немного сильнее, все еще взволнованное этой идеей, хотя у нее были сомнения.

— Что она сказала?

— То, что люди из общины были сами по себе. Что им здесь не место. Она сказала, что все они уехали давным-давно.

— Все они? — ее новые надежды рухнули. — Никто не остался?

— Она сказала, что эти люди пробыли здесь несколько лет, а потом все исчезли. Я спросил, знает ли она кого-нибудь из тех женщин, но она все отрицала. И она сказала, что там было много женщин.

— Видимо, слишком много, — пошутила Ханна, но тут ее осенило. — Ну и к черту все это. Думаю, моя маленькая фантазия найти ее в Биг-Суре была довольно надуманной. Каковы шансы, что она просто будет сидеть здесь и ждать меня?

— Большинство приезжает на сезон-другой, а потом уезжает. Извини.

— А как же твоя семья? Ты же остался.

Он улыбнулся.

— Мы все здесь оставались и оставались. Семья моей мамы насчитывает восемь поколений. Они были здесь скотоводами, когда тут были лошади и повозки, а людей было достаточно мало.

— У тебя большая семья?

— Сестра и два брата. Много тетушек и дядюшек. А у тебя?

— Только две сестры.

— Ханна и ее сестры? — протянул он.

Она застонала.

— О Боже, нет! Я ненавижу Вуди Аллена.

— Я не верю в это. Ты первый белый человек, которого я встречаю, который его не

любит.

Она попыталась подавить смешок, но ей это не удалось.

— Честное слово, я не понимаю! Его фильмы — о старых, озабоченных мужчинах, которые почему-то неотразимы для красивых молодых женщин. И самое странное, что никто в фильме даже не комментирует, насколько это странно. Никто не спрашивает его, продал ли он душу дьяволу, чтобы привлечь такую женщину. Чисто мужская фантазия средних лет, если хочешь знать мое мнение.

— Несомненно.

— Пусть себе развлекаются, — она откинула голову назад и уставилась на несколько звезд, видневшихся за ветвями секвойи. — Твоя мама еще что-нибудь помнит?

— Она называла ее Камень Джейкоба.

Это прервало ее размышления. Она посмотрела на Габриэля.

— Общину?

— Да.

Камень Джейкоба. На земле, принадлежащей Джейкобу Смиту. Она была уже ближе к какой-то истине, но все еще не имела ни малейшего представления о том, к какой.

— Как ты думаешь, я могу с ней поговорить?

— С удовольствием у нее спрошу.

— Спасибо. Завтра я займусь земельными делами. И списками избирателей. Это может быть моим лучшим путем для отслеживания других взрослых, которые жили по этому адресу. Я очень надеюсь на это, конечно.

— Хорошо. А я буду продолжать расспрашивать. Может, кто-нибудь из старожилов знает больше.

— Это очень мило, Габриэль. Спасибо тебе.

— Да без проблем.

Она закрыла глаза и вдохнула терпентиновый запах миллиарда вечнозеленых иголок, колышущихся над ними на ветру. Они зашуршали и затряслись над сотней футов в небо.

Интересно, думала она, спала ли ее мать когда-нибудь здесь, под открытым небом, без стен, защищающих ее от внешнего мира? Когда они занимались любовью, у нее не было крыши над головой, только спина мужчины, над ней возвеличивающаяся.

Ханна, вероятно, должна была ненавидеть свою собственную мать за то, что та была распутной, но правда заключалась в том, что ей нравилась эта идея. А ей это не должно нравиться. Она это знала.

Должно быть, Дороти Смит было очень больно. Должно быть, ее отцу тоже было больно разрываться между двумя женщинами. Больно предать свою жену.

Ханне не следовало гордиться тем, что она дитя любви, поэтому она притворялась, что это не так.

— Я должен идти, — сказал Габриэль.

На мгновение она задумалась, стоит ли ему это делать. Это не займет много времени, чтобы убрать беспорядок с кровати, и тогда она сможет потерять себя в другом теле на одну ночь, как она делала все свои двадцать и далеко за тридцать лет. Она была не слишком стара для этого. Она все еще чувствовала себя неутомимой, живой и цельной. Черт, она все еще чувствовала себя двадцатипятилетней и только начинала свою настоящую жизнь.

Но это было не так, она уже спускалась по склону холма. Нисхождение в мудрость.

Эта ложь заставила ее улыбнуться, и она открыла глаза, чтобы посмотреть, как

Габриэль поднимается на ноги. Он поставил бокал на широкий деревянный подлокотник кресла.

Она пошевелилась и наклонилась вперед, но остановилась, когда он поднял руку.

— Не вставай. Ты выглядишь слишком расслабленной, чтобы двигаться.

— А что, если ты заблудишься по дороге отсюда?

Он ухмыльнулся, его глаза сверкнули в слабом свете.

— Тогда ты можешь проснуться и обнаружить, что я сплю у тебя на крыльце.

— Я могла бы пригласить тебя на завтрак, чтобы о тебе не поползли слухи, — она склонила голову набок. — О тебе много сплетничают?

— За последние несколько лет разговоров не было. Я старый и скучный, — сексуальный гул его голоса противоречил словам. Она представила себе этот сексуальный голос в темноте у себя в ухе, и ее пронзило внезапное возбуждение.

Она встала и шагнула в его пространство. Он не отступил, поэтому она придвинулась ближе, просунула руки под его куртку и обхватила горячую талию. Когда она приподняла подбородок, он ее поцеловал. Мягкое прикосновение губ. Самое слабое давление. Еще один поцелуй. Другой. Пока она не приоткрыла для него свои губы, и он в них мягко устроился.

Он был приятным на вкус и чувствовался еще лучше.

Его поцелуи обещали медленную утонченность, но она подозревала, что он был достаточно взрослым, чтобы знать, когда это больше не должно продолжаться быть сладким. Сначала были поцелуи, а потом секс, и она подозревала, что он как хорош в одном, так будет и в другом.

Она просунула палец в петлю на поясе его джинсов и притянула его ближе, и он слегка застонал, когда она открыла рот для более глубокого поцелуя.

Он был незнакомцем, и ей было все равно. Посторонний — вот что ей было нужно. Кто-нибудь совершенно новый. Кто-то, кого она больше никогда не увидит после этой недели.

Его рука скользнула по ее бедру, просто, чтобы ее придержать, не более. Его ладонь была горячей на маленьком промежутке между ее джинсами и рубашкой. Она хотела чувствовать этот жар повсюду, придавая форму своему телу, открывая все его изгибы и углы.

У нее не было мужчины уже... Черт. Черт.

Ханна вдруг вспомнила о ноутбуке на своей кровати. Письмо, которое может ждать. Почти бывший муж, которого она просила о помощи. Единственный мужчина, с которым она спала за последние девять лет.

Габриэль, должно быть, почувствовал перемену в ее настроении. Он поднял голову и держал ее неподвижно.

Она не хотела открывать глаза. Она просто хотела притянуть его к себе и надеяться, что он сможет избавить ее от всех проблем. Это сработает на несколько минут. Может быть, на несколько часов.

— Мы слишком старые для этого, — прошептала она.

— Ты хочешь, чтобы дети забрали себе все веселье, а нам ничего?

Смирившись с тем, что на этот раз ей придется сделать ответственный выбор, она заставила себя открыть глаза и обнаружила, что он внимательно за ней наблюдает. Его губы изогнулись в болезненной, однобокой улыбке.

Ханна рассмеялась.

— Не смотри на меня так! Я серьезно думаю об этом.

— Я так и знал. Вот почему я так на тебя смотрю.

Она опустила голову и засмеялась, уткнувшись ему в плечо.

— Вы определенно хорошо целуетесь, Мистер Кабрильо.

— Блин, вот дерьмо. Если за сорок восемь лет я бы так и не научился целоваться, то мне следовало бы повесить шпоры.

— Шпоры?— она взвизгнула и засмеялась еще громче, когда он покачал головой.

— Это просто такое выражение.

— Очень на это надеюсь! — он быстро поцеловал ее в шею, отчего она вздрогнула и отстранилась. — Не подходи близко к моей шее. Иначе, я не смогу вообразить.

Он легко отпустил ее, но его улыбка обещала удовольствие в любое время, когда она этого захочет.

— Это ценная информация.

— Я надеюсь, что ты будешь использовать ее во благо, а не во зло.

— Только в большое благо, обещаю.

— Можно я зайду завтра? — спросила она, вместо того, чтобы просто сказать «к черту» и увести его внутрь.

— Абсолютно. Я с нетерпением этого жду. Крепких снов.

Он обогнул хижину, вместо того, чтобы пройти прямо через ее комнату, и Ханна, прежде чем упасть в кресло, прислушалась к мягкому шороху его ботинок, затихающему в темноте.

Приятно было думать, что он остался бы, если бы она попросила. Приятно осознавать, что она пробудет здесь еще немного и у нее появится шанс передумать. И было приятно просто сидеть здесь и притворяться, что ей не нужно заходить внутрь и проверять электронную почту.

Огонь потрескивал и похрустывал. Порыв ветра на мгновение послал к ней хвост дыма, и она затаила дыхание, позволив ему прошептать над ней, отмечая ее своим запахом. Крошечные хлопья пепла покрывали ее джинсы. Деревья все еще шумели над ней.

Это место было прекрасным. Спокойным. Это была сказочная страна, и ее отец наслаждался временем, проведенным тут несколько месяцев. Настоящая жизнь ждала его в Айове так же, как и Ханну, но, Боже, она тоже хотела затеряться здесь.

Она закрыла глаза от этой мысли и слушала, как пламя за считанные минуты пожирает столетнюю древесину. Последний отрубленный ствол поднялся в небо и улетел.

Она могла бы все-таки уложить Габриэля в постель. От Джеффа не было никакого письма. Никакого вторжения реальной жизни в ее убежище. Поэтому Ханна довольно сердито отодвинула свой беспорядок на край матраса, разделась догола и упала в постель.

Проснувшись, она была благодарна за уединение хижины, потому что лежала обнаженная на простынях с распахнутыми шторами. Оставалось надеяться, что мистер Жуткий старик сегодня утром не починил сломанные занавесы.

Несмотря на свое первоначальное огорчение, она не вскочила, чтобы прикрыться. Оглядевшись вокруг, чтобы убедиться, что она не развлекает соседей, Ханна с трудом потянулась и расслабилась на кровати. Солнце пробивалось сквозь листву и пятнало ее тело изменчивым светом, как будто она плыла под водой.

Девушка положила руку на живот и широко развела пальцы. Ее кожа была мягкой. Кровь горячей. Ей нравилось, как бьется пульс в ее ладони. Это было доказательством жизни.

Она была здесь. Настоящая и цельная, даже без карьеры, мужа и дома. Даже если она убежала бы от всего, Ханна все еще оставалась бы здесь.

Снова сильно потянувшись, она прижала пальцы к прохладному дереву изголовья кровати, втянула живот и почувствовала, как напряглись от холода соски. Она была даже рада, что не попросила Габриэля остаться. И по-настоящему счастлива, что не была в Чикаго с Джеффом.

Когда Ханна встала, теплый пол согрел ее ноги, и она побрела в ванную, чтобы смыть запах дыма с волос.

Девушка знала, что снаружи должно быть холодно, но здесь было тепло и прекрасно. Маленькое лоно. Она долго стояла под струями, позволяя воде обволакивать ее тело, волнам жидкости, как рукам, которые ничего не хотели взамен. Здесь она чувствовала себя более непринужденно, чем где-либо в прошлом году. Было ли это чувство возвращения домой, которое она так долго искала? Может быть, именно эта земля наконец-то узнала ее и приняла.

Как только горячая вода закончилась, Ханна завернулась в пушистый халат и забралась обратно в постель, чтобы проверить электронную почту.

Он написал ответ.

Девушка уставилась на его ответное «Привет», долгое время не нажимая на сообщение. Прямо сейчас все было прекрасно и мирно, и была вероятность, что Джефф будет добр. Он мог бы выразить беспокойство и, возможно, даже любовь по отношению к ней. Но как только она нажмет на кнопку, эта возможность исчезнет.

— Бывший муж Шрёдингера, — пробормотала она.

У нее перехватило дыхание, и она открыла письмо. Чтение заняло всего несколько секунд.

«Так вот почему ты звонила вчера вечером? Генеалогическое исследование кажется странной причиной для того, чтобы пообщаться со мной, в то время как ты просила с тобой не связываться».

Черт. Вот и все. Никакого сочувствия. Никакого понимания. Возможно, потому, что она не хотела об этом просить. Она умолчала о своей матери, опасаясь, что Джефф ответит на ее

надломы новыми ударами.

И все же, они были женаты много лет. Разве он не должен был заметить то, что сейчас она очень ранима?

— Нет, — пробормотала она себе под нос. — Ты ведь идиот.

Эмоциональная проницательность — вот на что она всегда надеялась. Что он увидит ее сквозь выстроенные баррикады и доспехи и поймет, что за ними скрывается всего лишь страх.

Поначалу он восхищался ее твердостью, а она все ждала и ждала, когда он откроет ее настоящую. Но он не был супергероем. Он не мог видеть дальше ее выстроенных стен. И она не хотела брать его за руку и показывать места, где ей было больно, так что в конце концов она просто уплыла, дрейфуя по собственной неуязвимости.

История ее жизни. По крайней мере, теперь она видела, что это была она, а не мужчины, которых она выбрала.

Что ж. Только не некоторых из них.

Она не была уверена, когда это началось, ее одиночество. Была ли она рождена с этим чувством или научилась ему, пока росла? Конечно, жители Среднего Запада прекрасно умели скрывать свои эмоции. Это почти открыто поощрялось. Но более того, ее семья была сбита с толку нуждами и чувствами Ханна.

Ее сестры редко ссорились с родителями и никогда не бунтовали, даже будучи подростками. Только Ханна создавала проблемы, раздвигая границы и требуя большего, большего, большего. Больше ответов, уважения и свободы. Она упорно сопротивлялась правилам и ограничениям и отказывалась ходить в церковь. Сбежала, ушла, не выполнив своих обязательств.

Она вызвала хаос, когда они возненавидели ее за это, спрятала свое чувство неприятия за еще большим вызовом. Казалось, что только отец по-настоящему простил ей все эти годы напряжения. Он принял ее в своей спокойной и твердой манере, и она нуждалась в нем больше, чем когда-либо кому-либо признавалась в этом.

Теперь она понимала, почему он чувствовался таким надежным и связующим звеном по сравнению с ее матерью.

Поиск другой прочной связи, другого родителя, казалось, стоил риска, так что Ханна стиснула зубы, приготовилась и напечатала честный ответ Джеффу, ненавидя каждое искреннее, неосторожное слово, которое она написала.

Когда она высушила волосы и оделась, было уже девять, и Ханна умирала с голоду. Она натянула кожаную куртку — запах древесного дыма окутал ее, когда она просунула руки внутрь. Кожа была теплой от лежания на нагретом полу, и она была взволнована, что удастся взять немного комфорта из комнаты с собой, когда она схватила свою сумочку и вышла наружу.

Солнце было где-то на Востоке, но прибрежная дымка фильтровала его лучи до тусклого свечения, которое не добавляло тепла в воздух. Несмотря на холод, Ханна чувствовала себя глупо, ныряя в машину, чтобы доехать до гостиницы, но планировала сразу после завтрака отправиться в Салинас. Ее машина раскачивалась и подпрыгивала на дорожке, и девушка следила за любым признаком мастера, пока вела машину. Он так и не появился.

Когда Ханна вошла в гостиницу, от запаха бекона ее желудок скрутило от голода. Сегодня не будет никакого благородного отказа съесть еду Такера. Сегодня она слопает все.

За столом сидели две пары. Та же самая пара средних лет, которую она видела вчера, а также пара геев, которым на вид было под тридцать и которые уже были одеты в походное снаряжение. Неужели она единственная, кто когда-либо приходил сюда в одиночестве? Ханне уже начинало казаться, что так оно и есть. Но к черту все это. Ей не нужен был кто-то, чтобы помочь ей развести огонь или им наслаждаться. Габриэль был, конечно, приятным дополнением, но она была достаточно умна, чтобы отправить его домой и смотреть в одиночестве, как тлеет огонь.

— Доброе утро! — крикнул Такер, торопливо входя со свежим кофейником. Он вопросительно поднял его, и Ханна благодарно кивнула, проскользнув на свободное место. — У нас есть карамелизированный бекон и французский тост. Свежие фрукты.

— Это все звучит замечательно, спасибо тебе.

Он, казалось, искренне обрадовался ее ответу и, налив ей кофе, направился напрямиком на кухню. Чувствуя себя гораздо более трезвой, чем накануне, Ханна лениво болтала с другими гостями о предполагаемой погоде на сегодня.

— Послеполуденное солнце, — сказала другая женщина, — хотя его обещают каждый день.

Двое молодых людей, оба бородатые и мускулистые, были немного серьезнее и быстро вернулись к составлению плана похода на реально настоящей бумажной карте. Они направились в горы, как только ушли. Когда Такер выскочил из кухни с большим белым мешком, они встали и собрали свои вещи.

— Два сэндвича с ростбифом, — сказал Такер, — немного фруктов и сыра. У вас есть бутылки с водой?

— Мы всем обвешаны, — сказал один из мужчин.

— Приятного аппетита!

Может быть, когда-нибудь она вернется и отдохнет в Биг-Суре правильно. Пеший туризм. Скитание по пляжу. Неторопливый обед с видом на горы. Но на этот раз она ограничится французскими тостами.

Когда Такер принес его, она намазала его маслом и настоящим кленовым сиропом, думая, как это жестоко, что стресс сжигает не так много калорий, как должен. В справедливом мире она могла бы есть, как олимпийская пловчиха в такие недели. Ей определенно казалось, что она плывет сквозь мили воды.

Она зачихнула в рот огромный кусок и наслаждалась каждой секундой, пока жевала. Затем она откусила половину ломтя бекона и позволила соли наводнить свой язык. Впервые за долгое время мир казался живым. Это было правильно, так и должно быть.

Другая пара, наконец, решила, в какую часть побережья они поедут сегодня, и Ханна помахала им на прощание, жуя еще один толстый кусок бекона. Только покончив с французским тостом и покорно принявшись за нарезанную дыню, она вспомнила, что пришла сюда не только позавтракать.

Она вытерла руки и допила свой кофе, когда вернулся Такер.

— Нашла вчера какие-нибудь пикантные подробности? — спросил он.

— Не особо. Но я хотела спросить тебя об одном сотруднике. Седовласый мужчина такой?

— Джо?

— Думаю, да. Он разнорабочий? Садовник?

— Немного и то, и другое.

— Он жил в Биг-Суре какое-то время?

— Не знаю, как долго. Он неразговорчивый.

— Я подумала, что, возможно, смогу задать ему несколько вопросов. Если он местный, то, вероятно, помнит мою семью.

Такер пожал плечами.

— Конечно.

— Он здесь?

— Обычно да, но, честно говоря, мы видимся нечасто. Заезжает утром и сразу на работу. Быстро двигается для старика. Я дам ему знать, что ты хочешь с ним поболтать.

— Спасибо.

Она хотела также спросить его фамилию, просто из любопытства, но это было похоже на то, что она не должна спрашивать о сотруднике мужского пола. И если его фамилия не Смит, то для нее это все равно ничего не значило. И все же она могла бы понять, был ли он когда-нибудь подозреваемым в серии убийств в мотелях.

Но называть его жутким было несправедливо. Если этот человек околачивался возле коттеджей, лучшим объяснением этого было то, что он просто здесь работал.

— Я еду в Салинас, но вернусь сегодня днем.

— Веди машину осторожно, — сказал он, подмигнув, что было совсем не похоже на подмигивания Габриэля до этого. Это же было беспечным и не обещало ничего, кроме еще одной чашки кофе.

Через несколько минут Ханна уже выезжала на шоссе и вытягивала шею, пытаясь разглядеть квартиру Габриэля за придорожным домиком. Как и большинство потенциальных достопримечательностей в этой части Биг-Сура, ее взгляд был закрыт деревьями.

Она ехала вверх по побережью, объезжая повороты и с побелевшими костяшками пальцев проезжая мимо велосипедистов, молясь, чтобы не заметить приближающийся фургон, прежде чем она сможет вернуться. Солнце взошло внезапно, что удивило ее, и океан мгновенно превратился в сверкающее море драгоценных камней, вся серость исчезла в свете.

Ханна миновала песчаный пляж, едва видимый у подножия крутого утеса, и на этот раз продолжала идти, пока дикая местность не закончилась с неожиданной для нее резкостью. Если и существовала какая-то естественная граница между обитаемым и необитаемым, она не могла ее видеть, но в одну минуту земля была дикой, а в следующую снова появились дома, взбирающиеся на холмы.

После всего лишь двух дней в Биг-Суре было странно снова оказаться в пробке, застряв на знаке остановки рядом с огромным продуктовым магазином. Как будто шаг из прошлого в настоящее. Ее телефон звенел и жужжал, пробуждаясь к жизни после сна. Она проигнорировала дюжину уведомлений, появившихся на экране, и продолжила.

Было здорово использовать свои удивительные навыки параллельной парковки, как только она нашла место на узких улицах города. И место было прекрасным, изобилующим всеми видами цветов, которые она никогда раньше не видела. Ничего такого, что могло бы вырасти в Чикаго. И ничего такого, что люди видели в Косвелле. Черт возьми, ее так и подмывало сфотографировать лаймовое дерево, рядом с которой она припарковалась, но она отказывалась быть настолько явно среднезападной.

— Фрукты растут на деревьях, — пробормотала Ханна себе под нос. — Ты знаешь это.

Но она все-таки нашла цитрусовые деревья магическими.

Несмотря на то, что девушка провела годы, манипулируя счетами и создавая бумажные

маршруты, она никогда не делала никакой работы ногами, поэтому она не была уверена, чего ожидать, когда вошла в офис округа. Будут ли они с подозрением относиться к ее просьбам? Будет ли она заполнять бланки, а потом часами сидеть и ждать? Будут ли они сердито смотреть на нее и говорить, чтобы она вернулась между двумя и тремя в следующую пятницу?

Офисы были простыми и, очевидно, были построены в семидесятых годах, но она была удивлена приветливой улыбкой пожилой азиатки, которая сидела за столом в офисе регистратора. Вряд ли это стереотип бесполезного государственного служащего.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросила женщина, будто ей не терпелось быть полезной.

— Здравствуйте! Я хотела бы получить копии нескольких документов. У меня есть номера записей и физический адрес.

— Да, конечно.

Вот и все. Через десять минут и сорок долларов Ханна держала в руках копии двух документов.

— Ах, да, — сказала она, как только собралась уходить. — В этом здании находятся результаты голосования? Я надеялась увидеть, кто зарегистрирован для голосования по этому адресу.

Женщина поморщилась.

— Извините. Результаты голосования не являются публичными. Я имею в виду, вы можете посмотреть имена и посмотреть, были ли они зарегистрированы для голосования, но это все. Адресов нет. Ничего подобного.

— Черт, — пробормотала Ханна и поморщилась. — Извините. Спасибо за информацию.

Вот она и догадалась, как найти всех взрослых, живущих в коммуне. Но, возможно, хиппи все равно не регистрировались для голосования. Вернемся к началу. Ну, или почти к началу. Ханна делала успехи.

Она отнесла документы в прихожую и села на скамейку, чтобы просмотреть их. Они оба казались стандартными документами, к сожалению, без упоминания о банде неудачников, которую Джейкоб Смит, возможно, привез вместе со сделкой. Но его подпись была там, и слишком большие буквы «Д» и «С» в его имени каким-то образом делали его менее воображаемым. Он был настоящим мужчиной. Возможно, самовлюбленным эгоистом.

Ее телефон зазвонил. Она вспомнила сообщения, которые проигнорировала ранее, и вытащила телефон из сумочки.

Два пропущенных звонка. Один от Бекки, другой от Жасмин. Последняя оставила голосовое сообщение, и Ханна улыбнулась, как только началась запись.

«Эй, цыпочка! Я звоню с планеты Земля с замечательными новостями. Не обо мне. Ну, я пошла на другое свидание с Терренсом, и он был довольно хорош, но это уже другая история. Я имею в виду, что у меня есть отличные новости обо всей этой ситуации в Айове. Ты заинтригована? Позвони мне!»

Вместо того, чтобы перезвонить Жасмин, она переключилась на свои сообщения, чтобы посмотреть, какие оповещения были еще. Оба сообщения были от Бекки.

БЕККА: Мама сегодня чувствует себя лучше. Она стала более здравомыслящей. Я сказала ей, что ты уехала в Чикаго погостить.

Ханна одновременно и радовалась тому, что ее маме стало лучше, и злилась, что Бекки

добавляла в ситуацию еще больше фальши.

ХАННА: Если мама стала более здравомыслящей, может быть, ты спросишь ее о Биг Суре, вместо того, чтобы лгать о том, где нахожусь я?

Затем она смотрела на предложение целую минуту, прежде чем его удалить. Бекки не собиралась у матери этого спрашивать. И никогда не станет этого делать. Не было смысла пинать ее своими вопросами.

К тому же, второе сообщение Бекки было чем-то вроде пальмовой ветви.

БЕККА: Ты нашла что-нибудь новое? У тебя все в порядке?

Ханна решила не выбивать ветку из рук сестры.

ХАННА: Пока ничего нового. У меня все в порядке. Рада, что маме лучше. Я вернусь Косвелл, как только смогу. Скажи маме, что я люблю ее. Поцелуй за меня.

— Но лучше не говори ей, что это от меня, — пробормотала она, нажимая «Отправить». — Она может закрыться в себе.

Ответив сестре, Ханна больше не могла избегать значка электронной почты. Она щелкнула по нему, и в верхней части списка появилось новое письмо от Джеффа, выделенное жирным шрифтом. Ее сердце трепетало, как искалеченная птица, когда она открыла письмо.

ДЖЕФФ: Черт возьми, Ханна. Что происходит? Я не очень хорошо знал твоего отца до того, как он умер, но... это просто уму непостижимо. А твоя мама такая... ну, не знаю. Я проверю ссылку, которую ты мне прислала, и посмотрю, что найду. Позвони мне, когда сможешь.

Ханна почувствовала такое сильное облегчение, что рыдание сорвалось с ее губ прежде, чем она поняла, что плачет. Больше никто в семье не пытался ей помочь. Мать не могла. Сестры предпочли бы не испытывать эмоциональных неудобств в принципе. Но ее бывший муж... Теперь он вообще считается членом семьи? Возможно, так оно и было, поскольку развод не был окончательным.

Она судорожно вздохнула и вытерла глаза. Он собирался помочь. Ему все еще было не все равно. Она не испортила все так основательно, как думала.

Прочитав его письмо в последний раз, она увидела, что он не подписал свое имя, что было благословением. Если бы он перестал говорить «Любовь», было бы больно. Но если бы он воспользовался им, было бы еще хуже. Ханна отошла от письма и попыталась успокоить дыхание, чтобы ее голос звучал нормально, когда она перезвонит ему.

Собираясь уходить, она взглянула на бумагу, приклеенную к стеклянной двери регистратора округа. На ней были перечислены все имеющиеся документы. Вместо того, чтобы уйти, Ханна вернулась в кабинет.

— Это опять я. Могу ли я получить копию свидетельства о рождении, пока нахожусь здесь?

Ханна заказала ее в интернете, но зачем ждать?

Женщина весело протянула ей короткий бланк.

— С вас двадцать пять долларов.

Ханна заполнила бланк и протянула свою кредитную карточку. Через пять минут она получила копию свидетельства о рождении, заверенную печатью штата Калифорния. Но она была не более законной, чем ее вторая копия. Та же информация. Та же ложь. По крайней мере, ее родители не были тайными фальсификаторами. У государства была точная информация в файле, который она нашла дома. Еще один тупик.

Когда она складывала сертификат, чтобы положить его в сумочку, ее взгляд упал на имя внизу. Мария Диас. Женщина, которая утверждала, что присутствовала при рождении Ханна. Она явно солгала о рождении ребенка, но, если Ханна сможет разыскать ее, возможно, Мария захочет рассказать правду сейчас.

Это было еще одно имя, которое она могла узнать. Еще один человек, о котором нужно спросить. Эта поездка в Салинас не была полным поражением.

Ханна вышла на улицу, где пахло свежими цветами, и подумала о том, чтобы остановиться на берегу океана и пообедать. Она могла бы притвориться, что находится в отпуске. Уверенная в себе, беззаботная женщина с чем-то чудесным, к чему можно вернуться домой.

Но сначала она позвонит своему будущему бывшему мужу по поводу ее прелюбодейного покойного отца и сделает вид, что они не ссорятся из-за ее денег.

— Хорошие времена, — прошептала она, усаживаясь на бордюр под лимонным деревом.

Она набрала номер Джеффа и, слушая, как звонит телефон, подтолкнула ногой крошечный высохший лимон.

— Ханна? — спросил он, как только поднял трубку, и слезы снова наполнили ее глаза. У нее перехватило горло. И разум.

— Привет, Джефф. Прости, что беспокою, но я просто не знала, кому еще позвонить.

— Эй, ты что, плачешь? Не плачь. Пожалуйста. Все в порядке.

Но, конечно, его тихое «не плачь» только заставило ее плакать еще сильнее. Она ненавидела плакать. Глупая уязвимость. Она могла пересчитать по пальцам одной руки, сколько раз она плакала перед ним во время их брака.

Она приподняла подол рубашки и вытерла глаза.

— Прости. Я в порядке. Это просто безумие, понимаешь?

— Я знаю. Или, вообще-то, не знаю. Потому что я все еще не могу это понять и устаканить в своей голове.

— Я тоже не могу. Но, похоже, у моего отца был роман во время какой-то бредовой летней хиппи-горячки. И я понятия не имею, кто моя настоящая мать.

— А как насчет свидетельства о рождении?

— В нем имя Дороти, но оно было выпущено через несколько недель после моего рождения. Домашние роды. В гребаной коммуне, Джефф.

Он глубоко вздохнул, и она практически увидела, как он провел рукой по своим волнистым каштановым волосам.

— Я посмотрел на фотографию, которую ты прислала. Я только начинаю собирать дополнительную информацию, но я убедился, что Джейкоб Смит был странствующим евангельским проповедником. Странствующие проповедники были довольно распространены тогда, до возникновения кабельного телевидения. Как еще люди могли найти в то время Бога?

— Правильно. Имеет смысл.

— Записи о нем скудны, но, похоже, Джейкоб был родом из Арканзаса.

Ресницы Ханна затрепетали. Арканзас? Она никогда не слышала ни слова об Арканзасе от своего отца.

— Ладно. Так как же странствующий проповедник из Арканзаса оказался в коммуне хиппи в Северной Калифорнии?

— Я точно не знаю, — сказал он, но она услышала колебание в его голосе. Он не был уверен, но что-то подозревал.

— Я тут прихожу в тупик, Джефф. В то время в Биг-Суре собиралось очень много людей. Настоящая коммуна все еще существует, если ты можешь в это поверить. Но никто, кажется, не помнит мою семью. Или моя мать. И я просто... У меня заканчивается время. Маме становится все хуже. Она не может — или не хочет — ничего мне сказать. Но если мне удастся узнать имя, может быть, я смогу найти женщину, которая меня родила.

— Даже имея имя, ты можете ничего не найти. Или она не хотела, чтобы ее нашли. Я думаю, ты слишком много вкладываешься в это, Ханна.

Это было так странно знакомо. Звук ее имени на его губах. Никто не говорил так, как он. Как вздох. Нежность. Она скучала по тому, что была кому-то дорога. Или она ненавидела его. Она больше не была уверена. Она не могла оставаться в отношениях только потому, что хотела, чтобы кто-то рядом помог ей пережить периоды стресса. Это было несправедливо.

— Наверное, я слишком много вкладываю, — наконец сказала она. — Просто... Мне всегда казалось, что что-то не так. Как будто я была неправильной. Но, может быть, это была не я, Джефф. Может быть, я чувствовала это. Все это кипит прямо под поверхностью.

— Может быть, — согласился он, и слезы снова обожгли ее глаза, потому что он не успокоил ее. С тобой никогда не было ничего плохого, Ханна. Ложь, конечно, но та, которую она хотела услышать. Только на мгновение. Она смеялась и говорила ему, чтобы он перестал утешать ее лестью, а он смеялся и говорил, что с ней все будет в порядке.

Но он не сделает этого ради нее. Уже нет.

Она прочистила горло от горя.

— Я хочу знать, откуда я. Кто я на самом деле. Почему я... такая.

Ручка постучала по столу на его стороне линии. Еще один старый звук, который она потеряла.

— Ладно, у меня есть подозрение.

— Ну, какое? — настаивала она.

— Эти странствующие проповедники были популярной достопримечательностью в маленьких городках и на ярмарках. Они ставили большую палатку на земле графства и проповедовали неделю или две. А потом они двигались дальше. Это означало, что они были на тех же дорогах, что и хиппи.

— Понятно.

— Это была странная смесь людей, которые искали чего-то большего, и людей, которые были там, чтобы обещать это. Ты когда-нибудь слышала термин "урод Иисуса"? (Примечание переводчика: значение выражения — фанатичный проповедник христианства).

— Да, конечно.

— Сегодня мы используем это слово, чтобы обозначить кого-то, кто является бешеным евангелистом, но тогда оно означало совсем другое. В те времена Иисус был чудачком, длинноволосым хиппи, который нашел Христа и был счастлив рассказать вам об этом.

— В самом деле? Были христианские хиппи?

— Ага. И я думаю, что это пересечение твоего проповедующего дедушки и молодых людей в Северной Калифорнии могло бы привести к тому, что группа христианских хиппи на некоторое время остепенилась.

— О, — сказала она, когда эта мысль осенила ее. — О Боже! Думаю, ты прав! Я не могла представить своих родителей в образе хиппи, но, может быть, это потому, что они ими

не были. Они просто пытались обратить их!

— Вот именно. И, может быть, твой отец слишком сблизился с одной из женщин. Он, э-э, вероятно, не был подвержен большой свободной любви до этого.

— Ух ты. Это безумие. Но в этом есть смысл. Я думаю. Может быть?

— Я нашел упоминание о месте под названием Скала Джейкоба в Биг-Суре. Ты слышала это название?

— Да! Я слышала о нем вчера. Где ты его увидел?

— Оно было упомянуто мимоходом в евангелическом бюллетене в 1969 году. Там не было никаких подробностей, кроме того, что оно находится в округе Монтерей, но я думаю, что это может быть место твоего дедушки.

— Я тоже так думаю. Я просто... — она опустила голову и уставилась на засохший лайм, лежащий на ее туфле. — Это просто безумие. Я нашла ее группу крови, и тогда мой мир взорвался. Мои сестры не хотели, чтобы я приезжала сюда. Они хотели, чтобы я просто оставила это все в покое. Приняла это, как есть. Неужели ты думаешь, что мог бы просто принять это и никогда не искать ответов на эти вопросы?

— Понятия не имею. Я не думаю, что кто-то мог бы знать ответ на этот вопрос, до тех пор, пока это с ним не случится.

— Вот почему я так отличаюсь от них, Джефф.

— Наверное, так оно и есть.

Она не хотела отрываться от телефона, что было столь же веской причиной, чтобы повесить трубку.

— Мне очень жаль, что пришлось втянуть тебя в это дело. Я не могла придумать, кому еще позвонить, так что... Спасибо.

— Ничего страшного.

— Нет. Это уже кое-что, и, учитывая обстоятельства...

Стук ручки резко прекратился, и неловкая тишина воцарилась, как хлопнувшая дверь.

— Мы можем поговорить об обстоятельствах позже.

— Все в порядке. Ты можешь написать мне, если найдете что-нибудь еще? У меня не будет сотовой связи.

— Конечно. Посмотрим, что я найду.

Она долго сидела под лаймовым деревом с телефоном в руке и на лице у нее все было написано. Любой, кто проходил мимо, сразу бы увидел, что она переживает разрыв. Она сотни раз видела горе на женских лицах. Только не на ее. С тех пор, как она была молода и с удовольствием вступала в плохие отношения.

К тому времени, как она выбиралась из путаницы с мужчинами, она уже давно двигалась дальше в своей голове. Но с Джеффом все было по-другому. Это была тупая боль, ожидающая, чтобы расцвести в обжигающую боль с небольшим толчком.

У них было то, что удовлетворило бы любого другого. Любовь, уважение, верность. Ханна чувствовала себя единственной женщиной в мире, которая не может быть счастлива и удовлетворена этими тремя вещами.

Она все еще любила его. Она так и сделала. Она просто хотела большего. Или меньшего. Даже она не знала. Единственное, в чем она была уверена, так это в том, что, выйдя из их квартиры, она впервые за много лет вздохнула спокойно.

Наконец, поднявшись на ноги, она открыла карту на своем телефоне и наметила маршрут движения к главной библиотеке, надеясь, что там будет больше старых газет, чем

те, что она нашла в Интернете.

Они так и сделали. Библиотека находилась в Монтерее, и была удивительно мала для богатого маленького городка, но район местной истории был довольно обширным. Она поискала в файлах микрофиш имя отца, потом деда, но ничего не нашла. Потом она попробовала “Скалу Джейкоба” и попала в яблочко.

— Хорошо, — выдохнула она и направилась к шкафу, чтобы достать нужную папку.

После десяти минут прокрутки Ханна почувствовала морскую болезнь. И разочарование. Ни одна из сотен статей, прокатившихся мимо, не была о чем-то под названием "Скала Джейкоба", тем более о ее Скале Джейкоба. Она нашла адрес, указанный в компьютере, но на этой странице было всего три статьи. Одна была об аукционе недвижимости в Кармеле. Один был о двух новых школьных автобусах. И там была крошечная, в один абзац, история о частичном лунном затмении, которая, как она подозревала, была написана кем-то, кто провалил урок естествознания.

Она открутила на две страницы назад, потом еще две вперед, потом вернулась к той странице, на которой должна была быть. Наконец, она откинулась на спинку стула и позволила глазам блуждать по объявлениям на странице. И вот оно. Крошечный квадратик в средней правой колонке шестой страницы.

Добро пожаловать, братья и сестры! Приглашение присоединиться к поклонению Христу, Нашему Вечному Господу и Спасителю. Спаси Свою Вечную Душу от Проклятия Богослужения каждое воскресенье ровно в 9.00. Молитва и пение каждый вечер в 19:00 вечера, если позволяет погода. Джейкобс-Рок, Биг-Сур, отметка 49 миль.

“Срань господня,” выдохнула она. Ханна резко рассмеялась над уместностью проклятия, затем быстро нажала кнопку “Печать”, прежде чем проклятая штука выскользнула из ее пальцев.

Джефф был прав. В конце концов, они не были хиппи. Дата публикации-10 апреля 1967 года. Всего через несколько недель после того, как Джейкоб Смит купил этот дом. Возможно, устав от скитаний, он основал собственную церковь. И несколько маленьких заблудившихся ягнят-хиппи нашли пастуха.

Она не была уверена, что это приблизит ее к поискам матери, но это удовлетворило по крайней мере несколько ее вопросов о том, кем был ее отец. Он был именно тем, кем казался. Спокойный христианин, хотя и сбившийся с пути в какой-то момент. Но какие бы ошибки он ни совершил, он, очевидно, пытался искупить их, прожив жизнь, не богатую на события.

Она заплатила за свой экземпляр и с чувством триумфа направилась обратно к диким берегам. Опустив окна, она включила музыку и надела темные очки. На этот раз прогноз оказался верным. Здесь было солнечнее, чем когда-либо с тех пор, как она приехала.

Изгиб вывел ее над океаном, и она увидела впереди маленький полумесяц пляжа, весь золотой песок, покрытый белой пеной. Вода все еще была болезненно синей, почти такой же бирюзовой, как Карибское море. Доехав до поворота, она притормозила и остановилась.

К черту все. Ей хотелось прогуляться по этому пляжу.

Не обращая внимания на парочку, делающую селфи на другом конце улицы, Ханна направилась к песчаной тропинке, рядом с которой припарковалась. К счастью, она надела теннисные туфли. К сожалению, она не захватила с собой воды, чтобы напиться, и даже когда она начала спускаться, она знала, что пожалеет обо всем этом на долгом обратном пути. Но, черт возьми, она была экспертом по работе с сожалением. В конце концов, она

пройдет испытание с отличием.

Где-то внизу пронзительно кричали чайки, но птицы, кружившие на тепловых потоках над головой, были черными. Когда тень скользнула по ней, она остановилась, чтобы прикрыть глаза и посмотреть вверх. Кондоры?

Она подумала — не воображает ли она красный цвет птичьих голов. Она думала, что все кондоры мертвы или умирают, но некоторые были прямо над ней.

Приняв редкую птицу за добрый знак, она стала спускаться по тропинке, стараясь не спускать глаз с ног, несмотря на прекрасный соблазн океана.

Когда она, наконец, добралась до самого низа, то посмотрела вверх, в свой личный мир. Она слышала свист машин далеко наверху, но она была единственной живой душой на этом пляже. Единственная пара глаз, видящих высокие утесы, бушующие волны и ослепительно голубую воду.

Пляж был каменистее, чем казалось сверху, песок усыпан гладкими от прибоя камнями, но она все равно сняла туфли и пошла босиком. Песок был теплым и шевелился под ее пальцами. Крабы бросились врассыпную при ее грозном приближении, и она ухмыльнулась, увидев, как они угрожающе замахали клешнями.

Перепрыгнув через кучу старых водорослей, она закатала джинсы и придвинулась ближе к воде. На мгновение она позволила себе фантазию о купании нагишом. Она могла быть видна сверху, но наверняка была слишком мала, чтобы на нее глядеть. А если бы у кого-то был бинокль, что ж... она бы воплотила в жизнь их мечты об обнаженной даме средних лет. Ее задница была не совсем на том месте, где была в девятнадцать, но вполне сносная.

Когда амбициозная волна поднялась высоко на песок и захлестнула ее босые ноги, она разразилась лающим смехом. Никакого купания нагишом. Вода была совершенно ледяной. Она может потерять соски от обморожения.

И все же было приятно окунуть ноги в море, даже если пальцы ног немного онемели. Что такого было в воде, что притягивало к ней людей из поколения в поколение? Была ли это тайна огромного пространства жидкости, которое они не могли покорить? Не смогли выжить? Была ли она неотразимой только потому, что была опасной?

Она долго смотрела на волны, гадая, делала ли когда-нибудь то же самое ее мать. В более жаркий день, в более спокойный прибой, возможно, ее матери хватило смелости искупаться здесь нагишом. Может быть, Ханна была такой же храброй, как и она.

Она повернулась и пошла обратно к утесам, поглядывая на гребень холма, пока не скрылась из виду ограда. Когда все признаки цивилизации исчезли, она потянулась к подолу своей рубашки и одним быстрым движением стянула ее через голову. Затем она стянула джинсы и стянула лифчик с трусиками.

Поколебавшись мгновение, она задумалась о ситуации с песчаной блохой. Было ли это плохое время года? Придется ли ей объяснять укусы по всей своей голой заднице? Но потом она вспомнила, что их никто не увидит и не объяснит. Возможно.

— Верно.

Она осторожно легла на теплый песок. Потянувшись, она закрыла глаза и улыбнулась. Если это было то, что чувствовали хиппи, она понятия не имела, почему они искали религию. Что еще нужно было найти, когда солнце покрывало все твое тело, как одеяло, и освещало твои веки красным огнем? Морской бриз обрушился на нее, а затем отступил, в другом ритме, чем прибой. Маленькие завитки воздуха лизали ее, как языки пламени.

Она растопырила пальцы на нагретом солнцем песке, с каждым движением находя

прохладу прямо под поверхностью. Лежа там, она подумала, что не имеет значения, кто ее родители, что они сделали, как воспитали ее. Она должна выбрать, кто она. Если она хотела чего-то другого, это зависело от нее.

Но чего она хотела?

Она всегда отрицала, что хочет быть такой, как ее сестры, ее мать, но если это правда, почему она не может найти с этим мир? Почему она пыталась быть любящей женой, когда знала, что потерпит неудачу? Почему она чувствует себя виноватой из-за того, что у нее нет детей, когда она никогда их не хотела?

Или все-таки хочет быть такой? Неужели она действительно хотела этого и боялась попросить?

Она глубоко вздохнула. Еще один порыв ветра скользнул по ее обнаженному телу. — Чего я хочу? — прошептала она в небо, надеясь, что какой-нибудь морской бог, или Мать-природа, или магия хиппи даст ей ответ.

Но нет. Она не могла разобрать ни сердитых криков чаек, ни шепота прибоя. Однако она слышала хруст шагов, приближающихся по тропе.

— Дерьмо! — взвизгнула она и быстро перекатилась на колени, чтобы отряхнуться от песка. Голоса поплыли вниз, и она решила рискнуть и натянуть трусики. — Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Она натянула лифчик и попыталась застегнуть его. Как только крючки зацепились, она поняла, что сначала должна была надеть другую одежду, а с лифчиком разобраться позже. Но было слишком поздно. Она стянула рубашку через голову, а затем потратила драгоценные секунды на то, чтобы вывернуть джинсы наизнанку.

— Ты самая худшая... — она сунула туда засыпанную песком ногу, — хиппи... — подпрыгивая, она задрала джинсы на одну ногу, затем балансировала на другой, — когда-либо жившая в этом мире.

Два человека пробежали последние десять футов тропы. Один из них взглянул на нее как раз в тот момент, когда джинсы зацепились за самую пухлую часть ее задницы.

Она сильно дернула. Песок царапал ее ягодицы. Именно в этот момент ее осенило: у нее кризис среднего возраста. Какое еще может быть объяснение тому, что женщина ее возраста пытается с жалостью вернуть себе дикий, свободный дух юности?

Другой мужчина повернулся, чтобы посмотреть, на что смотрит его друг, как раз в тот момент, когда ее джинсы поддались борьбе и скользнули вверх. Теперь, когда ее промежность была прикрыта, она дико улыбнулась и помахала рукой. Здесь не на что смотреть, джентльмены. Двигайтесь дальше.

По-видимому, смотреть было действительно не на что, потому что каждый из них поднял руку в знак приветствия и повернулся, чтобы идти к воде.

Слава Богу. Может быть, они решили, что ее черные трусики — это плавки от купальника, и она загорала здесь, как нормальный человек.

Или, может быть, им было наплевать, что она делает, и она была единственной, кто чувствовал себя неловко.

У нее закружилась голова от отчаянной борьбы с одеждой, и она упала на задницу, уставившись на открывшийся вид.

Была ли вся эта поездка просто кризисом среднего возраста? Была ли она еще одним печальным, среднестатистическим болваном, сражающимся в непобедимой битве со старением?

Они всегда говорили, что люди, сходящие с ума, никогда не подозревают о безумии. Это была коварная магия безумия. Она была в сильном стрессе. Развод. Потеря работы. Переезд. Все это были гигантские стрессогенные факторы. Может быть, осознание того, что вся ее жизнь была ложью, в конце концов сломило ее, и теперь она была еще одной жалкой дурой, флиртующей с каждым сексуальным официантом, который доставлял коктейль.

— По крайней мере, он не двадцатипятилетний блондин, — пробормотала она. Но она честно подумывала взять напрокат кабриолет для этого приключения.

Паника наконец-то вышла из ее организма, поэтому она натянула туфли и направилась обратно к тропе. Ей приходилось останавливаться каждые сто футов или около того и отдышаться от крутого подъема, но это давало ей хорошую передышку от натирающего песка, так что она не возражала. Она расслаивалась в таких местах, о которых даже не мечтала. Может быть, это все-таки хорошее время, чтобы переспать с Габриэлем. Или, может быть, ей понадобится мазь.

К тому времени, как она вернулась к своей машине, надвигались тучи. К тому времени, как она добралась до своего коттеджа, пошел дождь. Прекрасный повод вернуться в ее теплое маленькое лоно.

Ей не хотелось, чтобы песок был повсюду, поэтому она разделась в душе, прежде чем включить воду на полную мощность, чтобы смыть весь песок. Вспомнив безумную возню с одеждой, она рассмеялась прямо в пар. Потом она засмеялась еще громче.

К черту все. Если у нее и был кризис среднего возраста, то, по крайней мере, в красивом месте с океаном, лесом и горячим серебристым лисом. По крайней мере, она не сидела в своей детской спальне, рыдая и напиваясь до одури каждую ночь.

Ее день прошел точно так же, как и утро. Она слишком долго оставалась в душе, потом снова забралась в постель, чтобы проверить электронную почту. Это было такое же хорошее место, как и любое другое, особенно с дождем, капающим и морозящим по окнам.

От Джеффа не было никакого письма, поэтому она послала ему фотографию, сделанную ею в "Джейкобс Рок", чтобы подтолкнуть его. Пока она печатала, пришло письмо от Жасмин. Она должна была перезвонить Жасмин, когда у нее была сотовая связь, но она не могла казаться взволнованной чикагскими сплетнями в этот момент. Тем не менее, она открыла письмо.

Я знаю, что ты безумно занята в Айове (это был сарказм, если у тебя там нет таких вещей), но перезвони мне! Я серьезно!

Жасмин разрушила серьезность, закончив сообщение несколькими эмодзи с баклажанами, но Ханна немедленно ответила.

Я в срочной поездке в глушь. Никакой сотовой связи! Ты можешь сообщить мне новости по электронной почте?

Очевидно, она могла, потому что, пока Ханна искала в Интернете кого-нибудь по имени Мария Диас в Калифорнии, ее электронная почта зазвенела. Это было долгожданное отвлечение от страниц и страниц онлайн-посещений телефонной книги и предложений проверки фона. Имя Диас, казалось, было самым ходовым в Калифорнии.

Хорошо. Удали это, и ты не слышала этого от меня. Но у Фрэнка Уэллса есть идея вернуть часть уволенных. И всплыло твое имя. Ладно, я та, кто упомянул твое имя, но он казался взволнованным. Я думаю, они пытаются вырвать немного контроля у новых боссов. **ТЫ МОЖЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ ОБРАТНО!** Возможно, он скоро позвонит тебе, Ханна. Возвращайся к цивилизации, чтобы сказать "да"! Ради меня!

— О Боже, — прошептала Ханна.

Ее старая работа. Ее старый город. Ее прежняя жизнь.

Она даже не знала, что и думать. Пальцы у нее онемели. Ее лицо покалывало. Она могла бы все вернуть. Жизнь, от которой она ушла. Если позвонит ее прежний босс.

— Он может и не позвонить, — предостерегла она свое бьющееся сердце. Всего два месяца назад они заплатили ей крупную сумму. Было бы глупо возвращать ее сразу. Но это были невозвратные издержки. А Фрэнку она всегда нравилась. И она хорошо справлялась со своей работой.

С другой стороны, она тоже устала от своей работы, когда уходила. Ей было немного грустно уходить, но, в основном, она испытывала облегчение, когда уходила. Чтобы сбежать. Подсластителем этого облегчения была ошеломляющая правота того, что она делала: возвращалась домой, чтобы заботиться о маме.

Ханна громко застонала. Конечно, они ждут. Она ожидала, что останется. Несмотря на это тайное прошлое, Дороти любила и воспитывала ее, и Ханна была обязана ей такой же заботой.

Но Чикаго манил ее. Знакомство с его улицами, людьми и жизнью. Она могла бы изменить ситуацию с новым районом и новым местом. Или она могла вернуться к тому, что знала. Жить рядом с ее любимыми пабами, ресторанами и магазинами. Она даже могла бы помириться с Джеффом.

Ее сердце сжалось при этой мысли, и что это значило? Хотела ли она, чтобы он вернулся?

Нет. Определенно, не хотела.

Она взглянула на его последнее письмо и вспомнила тот молниеносный всплеск эмоций, когда она поняла, что он действительно все еще заботится о ней.

Так что, скорее всего, нет.

— Я не могу сделать это прямо сейчас, — ее слова прозвучали сердито в крошечно коттедже, но в них чувствовался страх.

Она быстро напечатала ответ Жасмин. "О Боже! Я даже не знаю, что и думать. Я позвоню тебе, как только смогу!". Затем она захлопнула ноутбук и встала, чтобы одеться.

Не было никаких причин даже думать об этом дерьме прямо сейчас. У нее еще не было предложения о работе, и Джефф, конечно же, не приглашал ее поговорить о чем-либо, кроме ее семьи. У нее было достаточно стресса, чтобы задумываться еще о чем-либо.

Она оделась и собрала волосы в мокрый пучок, хотя подозревала, что здесь они никогда не высохнут. В худшем случае она высушит их перед сном.

— Да, конечно, — усмехнулась она. Она чертовски хорошо знала, что в худшем случае она упадет в постель с мокрыми волосами и разберется с беспорядком утром. Но сейчас она направлялась в придорожную закусочную, поэтому немного накрутила волосы, подкрасила губы и еще раз посмотрелась в зеркало. Решив, что это что-то среднее между "достаточно хорошо" и "довольно хорошо", она схватила сумочку и открыла дверь.

И остановилась как вкопанная.

Старик смотрел прямо на нее. Джо. Его вездеход был припаркован прямо перед ее коттеджем, и он смотрел через ветровое стекло, как будто сидел там некоторое время. Неужели он стучал, а она не слышала? Или он просто... ждал?

Она закрыла за собой дверь и заперла ее прежде, чем он успел подойти и втолкнуть ее в

коттедж.

Вероятно, это не имело значения. Вероятно, у него был какой-то мастер-ключ. Но она хотела, чтобы он увидел, как она запирается.

Когда она снова повернулась к нему, он стоял рядом с вездеходом, скрестив руки на груди.

— Вы что-то хотели? — спросил он.

— У меня всего несколько вопросов, — она двинулась вперед, чтобы они были на виду у всех, кто проезжал по территории или выглядывал из других коттеджей. — Я проверяю историю этого места, и мне интересно, как долго вы здесь работаете.

Он пожал плечами.

— Довольно давно.

— Вы были здесь в семидесятых? Может быть, в 72-ом?

— Время от времени, — признал он, явно не желая быть полезным. Выцветшая голубизна его глаз настороженно изучала ее.

— Вы можете рассказать мне о Скале Джейкоба?

Его прикрытые веками глаза на долю секунды расширились, хотя больше ничего на его лице не выдавало удивления. Но этого было достаточно. Он знал. Она видела это.

Возможно, этот проблеск ее собственного знания подтолкнул его к любопытству, потому что он спросил:

— Что вы хотите знать?

— Вы были частью этого? Членом общества или... хм, прихожанином?

Джо фыркнул, его щеки сморщились, когда горькая улыбка вспыхнула и исчезла.

— Я никогда не был большим поклонником религии.

— Так откуда же вы их знаете?

— Ну, тогда мы все заботились друг о друге. Путешествовали вместе. Помогали людям. Я останавливался здесь с самого начала.

— С самого начала? — надавила она.

— Какое-то время это было место для ночлега. Я и моя женщина провели здесь несколько месяцев. Потом дерьмо стало слишком религиозным, и мне стало неинтересно.

— И вы двинулись дальше?

Его рот сжался так, что она не могла видеть его сквозь бороду.

— Я поехал с друзьями на побережье. Она осталась.

— О... — подождите, это значит...? Возможно ли, что бывшая девушка этого человека — мать Ханны?

— Я... я родилась здесь в 72-м. Вы случайно не знаете, у кого тогда был ребенок?

— Дети — это женское дело.

— Что? — резко спросила она. О, конечно. Беременность — это женское дело, и не важно, что в этот процесс всегда был вовлечен пенис.

Он, казалось, почувствовал, что она вот-вот выйдет из себя, и оттолкнулся от капота, чтобы пересесть обратно на водительское сиденье вездехода.

— Послушайте, леди, я не жил здесь в 72-м. Да, я иногда бывал там, но там всегда были большие животы и куча полуголых детей, бегающих вокруг.

Опустившись на сиденье, он тут же нажал на тормоз.

— Подождите...

Двигатель взревел, и он дал задний ход. Когда она подняла руку, он остановился ровно

настолько, чтобы передвинуться. Выезжая, он бросил через плечо последнее откровение — его глаза сверкали и были жесткими.

— Но ты действительно похожа на своего отца.

— Стойте! — крикнула она, но он не услышал или ему было все равно, и вездеход рванулся вниз по дорожке и завернул за поворот.

И только тогда ее осенило. Она знала, что является дочерью своего отца, потому что была почти его клоном. Но ее отец и дед выглядели совершенно одинаково.

Могла ли она вообще быть в чем-то уверена?

Нет. Она не собиралась размышлять об этом дерьме всю ночь. Она уже была одета и готова ехать, поэтому Ханна вскочила в арендованный автомобиль и поехала по дороге к гостинице, не желая, чтобы этот маленький Румпельштильцхен (прим.: «Румпельштильцхен» — сказка братьев Гримм о злом карлике, способном создавать золото из соломы, спрядая ее) унес ее прошлое.

Свернув на узкую подъездную дорожку, идущую вдоль фермы, она заметила, как Джо закрывает двери сарая, запирая вездеход внутри. Он, по-видимому, собирался на ночь, но она еще не закончила с ним, и, конечно, она была быстрее, чем он пешком. На этот раз ему не удастся так легко сбежать.

— Вы знали моего отца? — спросила она, выходя из машины.

Его седая голова дернулась вверх, рот скривился в гримасе.

— Леди, я просто пытаюсь закончить свою работу.

— Я знаю, и больше не буду отнимать у вас много времени. Просто скажите мне. Пожалуйста. Вы знали... — Она сглотнула и решила надеяться на лучшее. — Вы знали Питера?

— Да, — сказал он без колебаний, и тошнотворный, тяжелый узел в ее животе распутался сам собой. По крайней мере, ее отец был настоящим.

— Мой отец, — прохрипела она, затем прочистила горло, пытаясь заставить его снова работать. — Мой отец был хорошим человеком.

Джо пожал плечами.

— С ним все было в порядке. Во всяком случае, лучше, чем со стариком.

— Как так?

Он запер сарай и схватил с земли ящик с инструментами, его глаза скользили по всему, кроме нее.

— Все это было очень давно. Тогда это меня не касалось, да и сейчас тоже.

— Моя мать... она была одной из тех, кто приехал сюда, чтобы тут остановиться? Может быть, она была вашим другом?

Он долго вздрагивал, его седые брови опускались все ниже и ниже. В конце концов он покачал головой и, развернувшись на каблуках, направился в заднюю часть дома.

— Просто скажите мне ее имя! — позвала Ханна. — Пожалуйста! Вы хотя бы знаете, как ее зовут?

Джо остановился. Его плечи опустились чуть ниже, и он снова покачал головой, словно напоминая себе не отвечать. Но затем его спина поднялась от глубокого вздоха, и он поднял голову, чтобы посмотреть на деревья.

— Она называла себя Рейн. Это все, что я когда-либо знал о ней. Она не была частью моей группы, и я не часто приходил сюда в конце.

Он снова зашагал, но Ханна, спотыкаясь, последовала за ним.

— Вы знаете, когда она уехала?

— Нет! — рявкнул он, махнув рукой, будто она была слепнем, которого нужно прогнать. — А теперь, оставьте меня в покое, пока вы меня по-настоящему не разозлили.

Она так и сделала. Она остановилась, сжав колени и слегка покачиваясь, глядя, как он торопливо уходит. Но на самом деле она его не видела. Вместо этого она представила себе

красивую стройную женщину по имени Рейн, пристально следящую за Питером Смитом. Рот, который легко улыбался. Кожа потемнела от странствующего солнца.

Рейн (прим.: с англ. Дождь). Это имя заставило ее рассмеяться. Конечно, это был дождь. Это должно было быть так, или бабочка, или клевер, или что-то в этом роде, верно? Дождь. Сокращенно от «Радуга» (прим.: на англ. Rainbow), наверное. Настоящая мать Ханны.

Это было прекрасно, если не считать того, что это, вероятно, не было ее настоящим именем. Ну ладно. Фальшивка или нет, но это было уже намного больше, чем у нее было раньше.

После такого дня, как сегодня, Ханне нужно было с кем-то поговорить, поэтому она поехала на своей машине обратно в коттедж и оставила ее там, чтобы дойти до придорожной закусочной. Джо был странным и раздражительным, но он не казался слишком опасным, даже если его выбор стиля был слишком близок к Чарльзу Мэнсону.

Когда она вошла в придорожную закусочную, то не смогла сдержать глупой улыбки при виде Габриэля в баре. Было очень, очень приятно видеть дружелюбное лицо, особенно такое, которое улыбалось в ответ, когда он замечал ее.

Было чуть больше половины шестого, так что в придорожной закусочной уже собралось несколько человек. Она заметила, что Биг-Сур закрылся довольно рано, вероятно, потому, что провалы и повороты шоссе были угрозой в темноте. Несмотря на раннюю обеденную толпу, ее место в баре было свободно, как будто оно ждало ее.

— Привет, — сказала она, усаживаясь на табурет.

— Это тебе привет. Ты нашла сегодня какие-нибудь хорошие зацепки?

— Может быть. Если ты купишь мне выпить, я расскажу тебе пикантные подробности.

Его глаза весело прищурились, когда он потянулся за стаканом.

— Старомодно? — он спросил.

— Определенно. Спасибо.

Сегодня его бледно-голубая с серыми вставками рубашка была застегнута на все пуговицы, а открытый воротник светился на его коже. Какое-то мгновение она смотрела на впадинку у него на шее, воображая, что могла бы свернуться калачиком прямо там, в постели. Прислушиваясь к его сердцебиению, его ровность заглушала все, что она не хотела знать о своей жизни.

Черт. Она заставила себя отвести взгляд. Возможно, он и был подходящим человеком, но сейчас было неподходящее время. Она прибережет его для следующего кризиса среднего возраста. Вернется обратно в Биг-Сур с новыми сиськами и красным кабриолетом и переспит со всеми горячими барменами отсюда до Сан-Диего.

— Сегодня вечером играет оркестр, — сказал он, — если ты хочешь немного побыть здесь.

— Он хорош?

— Достаточно хорош, чтобы я им заплатил. Достаточно посредственен для того, чтобы это было только на одну ночь в неделю.

— Ха. Ну, если нет лучшего шоу в нескольких минутах ходьбы отсюда, я думаю, что он достаточно хорош для меня.

Он пододвинул ей бокал, затем положил еще одну вишенку в стакан, прежде чем закинуть другую в рот.

— Теперь расплачивайся, — приказал он.

— Ладно. Ты когда-нибудь слышал термин «фрик Иисуса»?

— Конечно. Христианские хиппи.

— Неужели я единственная, кто этого не знал? У нас на Среднем Западе таких нет! В любом случае, очевидно, маленькая коммуна Джейкоба была не столько о свободной любви, сколько о возвращении хиппи к Господу.

— Оу. В этом есть смысл.

— Какой?

— В том, что я слышал, были какие-то зловещие нотки. Что-то вроде огня и серы (прим.: используется для обозначения угрозы Ада или проклятия после смерти).

Ханна наклонилась вперед, обеими руками обхватив стакан, словно это был якорь.

— В самом деле?

— Да. На самом деле, сегодня утром я видел свою маму, и она сказала, что ей жаль тех бедных грешников, которые отклонились от слова Божьего.

Ханна улыбнулась.

— О, и она тебе сочувствует?

— Несомненно. Она думает, что если я начну ходить в церковь, то смогу подарить ей внуков.

Она чуть не поперхнулась виски.

— Это будет более вероятно, если ты пропустишь церковь и останешься в постели.

— Я пропущу эту теорию мимо нее.

— Должна сказать, это облегчение — знать, что я не единственная, кто разочарована в продолжении рода.

— Эй, по крайней мере, ожидания заканчиваются для тебя в определенном возрасте. Мне почти пятьдесят, а мама все еще уверяет, что у меня полно времени.

— Не волнуйся, это так и есть.

Он швырнул в ее сторону барное полотенце.

— Лучше прикуси язычок.

— Хорошо, но тогда ты не получишь самого пикантного лакомства.

Габриэль оперся бедром о стойку бара и уставился на нее.

— Выкладывай.

— Ее звали Рейн. Мою маму.

Рейн. Это имя тоже заставило его улыбнуться, и ей это понравилось.

— Я знаю, что здесь прошла, наверное, сотня девушек по имени Рейн, но это хоть что-то.

— Это здорово. Как ты об этом узнала?

— Я заставила сказать мне об этом старого разнорабочего в гостинице. Джо. Ты его знаешь?

— Не совсем. Видел его здесь. Он не совсем социальный тип.

— У меня определенно было такое чувство. Ты ведь не думаешь, что он опасен?

Габриэль пожал плечами.

— Насколько я слышал, нет.

— Во всяком случае, он признался, что остановился в скале Джейкоба на несколько месяцев, прежде чем все стало слишком церковным. И он назвал мне имя Рейн. После того, как я погналась за ним. Я очень горжусь собой. Это был великий момент Скуби-Ду.

— Может быть, тебе стоит подергать его за бороду и посмотреть, действительно ли он Дождь под этой маской.

— Хороший совет. Попробую в следующий раз.

Она заметила, что его взгляд скользнул в сторону столовой, и наклонила голову.

— Продолжай. Я отняла у тебя слишком много времени.

— Нет, но я должен сделать обход.

— Ну конечно. Но, о! — она порылась в сумочке в поисках жесткого сложенного листа бумаги. — Извини, еще на одну секундочку?

— Конечно, — он прислонился к стойке бара, ожидая, когда она развернет бумагу и подвинет ее к нему.

Она указала на подпись.

— Ты знаешь женщину по имени Мария Диас? Она якобы была свидетельницей моего рождения.

Он замер, глядя на имя, которое она указала. Его глаза сузились в чем-то, что выглядело почти как гнев.

— Мне очень жаль, — быстро сказала она. — Я не имела в виду, что ты знаешь кого-то с испанской фамилией. Я просто подумала, что есть шанс, что она все еще здесь.

— Нет, — он покачал головой и натянуто улыбнулся. — Нет, все в порядке. Имя звучит немного знакомо, но вокруг довольно много Марий. Я все проверю.

— Спасибо. Очевидно, она по какой-то причине солгала о моем рождении. Хотелось бы знать, почему.

— Определенно. Извини. Он исчез на кухне, а Ханна развернула свидетельство с рождения и уставилась на него. Когда ее желудок заурчал, она поняла, что Габриэль не принял ее заказ на ужин. По крайней мере, у нее есть выпивка, чтобы составить ему компанию до его возвращения.

Через полтора часа она уже была сыта рыбой с жареной картошкой и достаточно пьяна, чтобы быть уверенной, что «Хаус бэнд» лучшая кавер-группа в Америке. Они играли одну из ее любимых песен Элвиса Костелло, когда она выглянула в окно и увидела Габриэля в лунном свете, уставившегося на шоссе.

Будь она трезва, то оставила бы его в покое, но в ее жилах текло слишком много фальшивой бравады, чтобы упустить такую возможность. Девушка выскользнула из парадной двери, чтобы присоединиться к нему. Она удивилась, увидев, как он поднес сигарету ко рту и сделал длинную затяжку.

— Я не знала, что ты куришь.

Он огляделся с улыбкой на губах, прежде чем выдохнуть длинную струю дыма, которая на мгновение зависла в тяжелом воздухе, прежде чем завиться к звездам.

— А я и не курю. Бросил несколько лет назад.

— Теперь это тайная слабость?

— Что-то в этом роде. Я сдаюсь примерно раз в неделю.

— Кажется, сегодня хороший вечер для этого?

— Должно быть, из-за музыки. Я снова чувствую себя молодым.

Она потянулась за его сигаретой и сама украдкой затянулась.

— Я курила в колледже. Сдаюсь примерно раз в год.

— Это ведь не повредит, правда?

Ханна пожалала плечами и закрыла глаза, когда никотин сильно ударил по ней.

— Не больше, чем тысячи других вещей.

— Как группа? — спросил он.

— Вообще-то, они потрясающие. Или твои напитки восхитительны. В любом случае, сегодня вечером я чувствую себя хорошо, благодаря тебе.

— Я очень рад, — после этого он замолчал.

Даже сквозь приглушенную музыку и тихое жужжание насекомых она чувствовала его молчание. Ханна открыла глаза и покраснела от того, как он смотрел на нее.

— Мне нравится, как ты выглядишь, когда тебе хорошо, — сказал он.

Ее сердце тяжело забилося. Раз. Два. Когда он поднял руку, чтобы погладить ее подбородку, ее сердце отказалось от попытки набраться сил и забилося с бешеной скоростью. Черт, черт, черт.

Ее губы приоткрылись, чтобы втянуть побольше воздуха. Его взгляд упал на ее губы, и она почувствовала себя чертовски счастливой от того, что он собирается ее поцеловать. Этот день был слишком долгим, и ей хотелось чего-нибудь сладкого, для его завершения.

Когда он наклонился, она улыбнулась, и он улыбнулся в ответ, так что поцелуй начался легко и счастливо. Но на этом он не остался.

Он придвинулся ближе, беря ее глубже, и на вкус он был как ее молодость. Мальчик-подросток за отцовским сараем ворует сигареты у родителей и целует девочку. Крепкие напитки, свежие сигареты и холодный воздух на улице.

Она потеряла девственность в сарае вот так, в морозный осенний день, с парнем, который был достаточно заботлив, чтобы принести одеяла и презервативы. Она любила его какое-то время, а потом ушла. То же самое может случиться и с Габриэлем.

Мимо пронеслась машина, поднимая воздух, но ей было наплевать. Она стояла пьяная под звездами, целуя горячего мужчину рядом с полуночным шоссе. Ветер пах океаном и незнакомыми деревьями, и все казалось таким новым.

Она услышала, как Габриэль щелчком отбросил сигарету, а затем обе его руки обхватили ее лицо, наклоняя ее голову, чтобы открыть ее для него. Она так и сделала.

Когда она обняла его за талию, ее большой палец нащупал край его рубашки, и она скользнула под нее, прижимая руку к обжигающе горячей спине. Он резко вдохнул, и сила этого пронзила ее вены. Она скользнула рукой выше, наслаждаясь изгибом его позвоночника под пальцами.

Он повернул ее тело, и Ханна позволила отвести себя в сторону от ресторана. Если она видела, как Габриэль курит здесь, то люди могли бы увидеть, как они целуются. Она не хотела, чтобы ее видели. Ей хотелось темноты. Глаза закрыты. Свет выключен. Никто из них не смотрел, только чувствовал, трогал, пробовал.

Его губы оторвались от ее губ и переместились к шее. Ханна ахнула. Она тяжело дышала. Гравий набился под ноги. Она почувствовала спиной стену ресторана. Она выгнула шею, и Габриэль издал глубокий звук одобрения, когда ее ногти впились в его спину, чтобы притянуть его ближе.

— О Боже, — прошептала она, когда его зубы коснулись чувствительной кожи под ее ухом.

Была сотня причин не делать этого, но они всегда были. Секс не должен был быть логичным, и, Боже, она скучала по отчаянной, цепкой потребности сделать это неправильно. Правильный путь. Единственный стоящий способ.

Она уронила куртку в грязь, и тогда его руки оказались на ней именно так, как она хотела. Скользнув под ее топ, его пальцы были грубыми и царапали ее кожу.

Ханна потянулась к кнопке его джинсов — пальцы нащупали ее между джинсами и жаром его тела. Он выругался ей в шею, покачал головой, но вместо того, чтобы сказать «нет», он прорычал:

— У меня.

Она кивнула и схватила свою куртку, а он взял ее за руку и повел по темной тропинке, огибавшей придорожный домик. Маленькое высокое окно отбрасывало слабый свет и много кухонного шума, когда они поспешили к фонарю на крыльце в двадцати футах от них.

Он открыл дверь и, словно прочитав ее мысли, даже не потрудился включить свет. Они прошли около двух футов, прежде чем она снова оказалась у стены. Он стащил с нее топ и натянул через голову. Она помогла ему стащить и его. В тусклом лунном свете она увидела его бумажник, услышала шуршание обертки от презерватива. Она притянула его губы к своим, затем попыталась стянуть с себя узкие джинсы.

Боясь, что он может быть медлительным или нежным, или что-то в этом роде, в чем она не нуждалась, Ханна обхватила одной ногой его бедро и впилась ногтями в затылок.

— Да, — прорычала она, когда он погладил ее, а затем оказался внутри нее, твердый и глубокий, когда она зашипела от удовлетворения.

После этого ни один из них не произнес ни слова. Их рты были слишком заняты. Их руки, их тела тоже.

Через несколько минут они уже лежали на полу, а сколько времени прошло с тех пор, как Ханна не могла даже добраться до дивана? Десять лет? Двадцать?

Она чувствовала следы, которые оставила на его коже, но ей было все равно. С той

первой встречи между ними пробежала искра, но сегодня это было что-то безумное и темное. Она закрыла глаза и позволила себе чувствовать каждую секунду. Кульминация обрушилась на нее быстро и сильно, почти до того, как она была готова, как будто ее тело отчаянно пыталось убежать от ее разума и его бесконечных забот.

Она не стала себя сдерживать. Пусть она не чувствует ничего, кроме удовольствия.

После этого Габриэль тяжело дышал над ней, его мокрый от пота лоб прижимался к ее лбу, их быстрое дыхание смешивалось.

— Черт, — прохрипел он.

Она фыркнула от смеха.

— Именно об этом я и думала.

— Я думал, мы слишком старые для этого.

Она обвила рукой его затылок и притянула к себе для сладкого поцелуя.

— Так и есть. Твои колени никогда не будут прежними.

— Верно. Но оно того стоило.

Она поцеловала его в последний раз, прежде чем отпустить. Он поднялся, и где-то загорелся свет, когда она схватила свои трусики и джинсы и натянула их обратно. Тихо рассмеявшись, она покачала головой, поправляя джинсы на бедрах. Боже, она чувствовала себя намного лучше. Может быть, этот кризис среднего возраста не так уж и плох.

Он отступил в холл, и она увидела, как его силуэт застегивает ширинку.

— Мне очень жаль, — его голос прогремел сквозь нее, и она вздрогнула. — Мне нужно возвращаться.

— Я знаю, все в порядке.

— Остайся, — сказал он. — Я вернусь через час или два.

Ханна вздохнула. Она хотела этого. Хотелось взять пиво из холодильника, растянуться на диване и ждать очередного раунда.

— Я не могу.

— Моя кровать удобная, и я делаю чертовски хороший хаш чоризо. Остайся.

Она покачала головой и снова вздохнула, давая ему понять, что сама разочарована.

— Я действительно не могу. Это просто... слишком сложно.

Он долго смотрел на нее, потом протянул руку, чтобы помочь подняться.

— Все в порядке, — он поцеловал ее в лоб, в нос, в губы. — Мне надо бежать. Не торопись.

Он схватил свою рубашку, а затем вышел. Его ботинки хрустели по гравию, его вкус все еще был на ее губах.

Она стояла у его стены и думала, не передумать ли ей и не остаться ли. Она наверняка пробудет здесь еще пару дней. И после нескольких ночей, проведенных в Косвелле, штат Айова, лежа в одиночестве в своей детской спальне, она пожалеет, что не получила еще немного Габриэля Кабрильо.

Сейчас ее жизнь казалась хрупкой, как треснувшее стекло. Может быть, было бы облегчением бросить осторожность на ветер и разбить его, просто чтобы покончить с этим. Прыгай прямо в хаос, рискуй и будь прокляты последствия.

Но нет. На данный момент секс был достаточным риском. Она не могла добавить эмоций и романтики.

Она оделась и пошла прочь от кровати Габриэля, от придорожной закуской и обратно к тому дерьму, что ждало ее в коттедже. Но она также вернулась к огню, тишине и своей

собственной компании. Это был не самый худший выбор, который она когда-либо делала.

Она заснула в футболке и нижнем белье, как нормальный человек, и это было чертовски хорошо, потому что кто-то стучал в ее дверь, когда проснулась. Ханна выпрямилась, быстро промычала «Что?» в замешательстве, а затем уставилась на дверь, в то время как ее сердце изо всех сил пыталось вырваться из груди.

— Что? — снова спросила она громче, но с ее стороны это все еще был просто хрип.

Стук раздался снова, теперь чуть менее громкий, когда она проснулась и не пропускала звук сквозь сон. Свет сочился из противоположного окна, и, судя по водянистой серости, она проснулась еще одним пасмурным утром.

Все еще моргая, Ханна вскочила с кровати, натянула штаны для йоги и открыла дверь.

Ее встретило раздраженное лицо угрюмой девочки-подростка.

— Привет, — сказала Ханна, удивленная, увидев девушку, которая зарегистрировала ее в этом месте. Где-то между тем, как вскочить с кровати и открыть дверь, она решила, что это старый садовник пришел, чтобы признаться в другом воспоминании.

Девушка подняла подбородок в знак приветствия.

— Кто-то позвонил в гостиницу, разыскивая тебя, и Такер хотел, чтобы я дала тебе об этом знать.

— Кто-то звонил? — она почувствовала острую вспышку тревоги за свою маму. — Кто?

Девушка посмотрела на свою ладонь, на которой черными чернилами было нацарапано имя.

— Джефф Вессинг. Он сказал, что отправил электронное письмо, и хочет, чтобы ты позвонила, когда сможешь.

— О, хорошо. Спасибо тебе.

Девушка закатила глаза, когда отвернулась, но Ханна уже закрывала дверь, и ей было наплевать. Она схватила свой ноутбук и вошла в систему, ее разум лихорадочно перебирал возможности. Что-то было не так? С ним все в порядке?

Взглянув в угол экрана, она увидела, что было только восемь утра, но это означало, что в Чикаго было десять, и когда открылся экран почты, она увидела, что он уже отправил два электронных письма.

Она почувствовала укол вины, вспомнив, что сделала прошлой ночью, и поморщилась от облегчения, что не осталась у Габриэля. Что, если бы отель передал сообщение о том, что она не ночевала дома?

Значит, она приняла правильное решение. Теперь она набрала несколько очков подряд и чувствовала себя чертовски гордой.

Ханна открыла первое электронное письмо.

Эй, я нашел больше информации. Ты можешь позвонить мне сегодня утром?

Он отправил его в пять утра, в семь по его времени. Второе электронное письмо он отправил два часа спустя.

Сейчас на работе. Позвони мне. Я думаю, что это важно.

Она немедленно ответила.

Извини, я только что проснулась. Что происходит? Все в порядке? У тебя есть приложение для видеозвонков? Ты можешь просто использовать мой адрес электронной почты.

У Ханны было время только пописать и вымыть руки, прежде чем ее компьютер подал сигнал тревоги. Ханна взглянула в зеркало, чтобы убедиться, что у нее нет видимых засосов — это было бы просто грубо, — затем вернулась к кровати и ответила на звонок.

И вдруг Джефф оказался прямо там. Впервые за несколько месяцев. Эта пара тревожных морщинок между его бровями. Челюсть он брил только раз в три дня. Его нос слишком велик на экране, но вживую просто прекрасен.

— Привет, — сказала она, разглаживая изголовье кровати. Надеюсь, он не увидел вины на ее лице. В любом случае, это было бесполезно. Без сомнения, он встречался уже несколько месяцев.

— Привет! — ответил он. — Извините, если кто-то из гостиницы разбудил тебя. Я немного сходил с ума, сидя с этой информацией, и начал задаваться вопросом, ты уже выписались или...

— Или ты снова был очень целеустремленным? — спросила она.

Он улыбнулся своей знакомой застенчивой улыбкой.

— Был ли я? Ладно, наверное, так оно и было. Но отсюда все это казалось немного ужасным.

— Все в порядке. Наверное, мне не нужно было целых девять часов сна. Но почему ужасным?

— Ну... Прошлой ночью я прозондировал почву и проснулся от записки коллеги из Калифорнийского университета в Беркли, который занимается местной историей. Многие люди в этой области написали мемуары о своих подвигах в 60-е и 70-е годы. Они все думали, что попали в уникальное приключение, понимаешь? Но правда в том, что большинство мемуаров читаются примерно одинаково. Много наркотиков и свободная любовь без последствий, что-то в этом роде.

— Дай-ка я угадаю. Они все мужчины?

Джефф рассмеялся, наклонившись слишком близко к камере, так что его улыбка заполнила ее экран.

— Ты угадала. Как бы ты вообще узнала, что обрюхатила кого-то, когда ты все время в дороге и постоянно в движении?

— Бастарды, — сказала она. Старая шутка между ними, и его улыбка смягчилась, прежде чем совсем исчезнуть. Она прочистила горло. — Я думаю, может быть, это чудо, что мой отец застрял здесь. Или она.

— Ну, в том-то и дело...

— В чем?

— Я думаю, что она могла остаться здесь по другим причинам.

Ханна сделала торопливый жест.

— Каким еще причинам?

Джефф провел рукой по лицу, щетина царапнула его пальцы так, что у нее немного сжалось горло. Он сделал глубокий вдох.

— Я думаю, может быть, твой дедушка руководил сектой.

— Чем?

— Сектой.

— Как Чарльз Мэнсон? — ее голос прозвучал слишком громко. — Или Джим Джонс?

— Не на таком уровне, конечно. Но тогда было много маленьких... пузырьков индивидуальности. И если ты находишь потерянных людей и даешь им наркотики и новые идеи... ими не так сложно манипулировать.

Ханна понятия не имела, что и думать. Она решительно покачала головой.

— Ты хочешь сказать, что он давал им наркотики?

— Нет, это был просто пример. В одном из мемуаров упоминалась пара коммун в Биг-Суре, а также место под названием Скала Джейкоба. Подожди, я процитирую это, — он поднял бумагу. — Скала Джейкоба, которой управляет сумасшедший старый проповедник с женой и двумя наложницами. Они хорошо нас кормили, но через два дня мы двинулись дальше.

— Вот срань, — выдохнула она. — Две наложницы?

— Да.

— Но это не... это не значит, что это была секта, не так ли?

Джефф откинулся на спинку стула, его лицо смягчилось от сочувствия.

— Я полагаю, что нет. Но мы говорим об уязвимых молодых людях и евангельском проповеднике, который, по-видимому, мог бы убедить их принять немного старомодную полигамию.

— Но... Боже милостивый. Это все, что сказал этот парень?

— Боюсь, что так. Честно говоря, он даже не казался настолько шокированным. Мы понятия не имеем, сколько людей управляло подобными заведениями. Ты слышала только о больших, и то потому, что погибли невинные люди. Но в Теннесси была огромная община христиан, которые практиковали многоженство без особых проблем. Их тысячи. Коммуна все еще там.

— Реально?

— Ага. Итак, небольшая группа, которая не подняла много шума, прежде чем канула в лету...

Она наблюдала, как он поднял плечо; затем ее взгляд скользнул в офис позади него. Стопки книг и фотографий его любимых исторических мест. Сколько раз она была с ним в этом кабинете? Сто? Тысячу? Прошлая ночь теперь казалась странно далекой.

Она прочистила горло.

— А мой отец? — спросила она, ненавидя даже то, что эти слова слетели с ее губ.

— Я не знаю. Часто только лидер может жить по особым правилам.

— Но... — она закрыла глаза. — Но, может быть, и его сын тоже.

— Я изучу это, — пообещал он. — Но, также вероятно, что это была дружба или измена.

— Боже, — простонала Ханна, — Я не могу представить себе ничего из всего этого. Ты знал моего отца! Это безумие. Он был... он был скучным. Стабильным.

— Я знаю. И независимо от того, что произошло в Биг-Суре, он все еще тот, кем был Ханна. Он был твоим отцом. Дьяконом в своей церкви. Членом Клуба Киванис.

— И парнем с гаремом.

— Да ладно тебе. Я уверен, что все было не так.

Она посмотрела в окно, выходящее на ее кострище, но все, что она могла видеть, это

темные ветви секвой, закрывающие небо.

— Я думала, что это было счастливым местом.

— Может быть, так оно и было. Джейкоб Смит мог быть просто стариком, который пытался вписать свободную любовь в свое представление об Иисусе.

Он всего лишь говорил то, в чем она пыталась убедить себя последние несколько дней. Но теперь это казалось уже не совсем возможным.

— Я думаю, мне нужно немного кофе, — пробормотала она.

— Нужно. Ты выглядишь усталой.

Она покраснела и пригладила волосы.

— Я уверена, что так и есть.

— Я просто имел в виду, что ты выглядишь так, будто я грубо тебя разбудил.

— Разбудил!

— Прости. И извини, что принес странные новости.

— Не извиняйся. Тебе не нужно было помогать ни с чем из всего этого. И... — она посмотрела на потолок, надеясь собраться с мыслями, но не заметила ничего, кроме одной паутины на стропилах. — Мне жаль, что мы не могли просто обсудить все эти другие вещи.

— Может быть, когда все это закончится, — предположил он.

— Да. Это хорошая идея. Мы разберемся с этим, хорошо?

— Это было бы хорошо. Я действительно не могу позволить себе судебные издержки.

Она почувствовала укол горечи из-за того, что все дело было в деньгах, но она спрятала это под своим чувством благодарности и спрятала там.

— Следи за своей электронной почтой, — сказал он. — Я свяжусь с тобой, если узнаю больше. И я постараюсь больше не натравливать на тебя рабочих гостиницы.

— Все в порядке. Я знаю, что исторические исследования иногда являются для тебя чрезвычайной ситуацией.

Он подмигнул и отключился с улыбкой, и это было его изображение, застывшее на ее компьютере на несколько секунд. Забавлялся одной из ее шуток. Легко и счастливо. Она так давно этого не видела, во всяком случае, в течение всего последнего года их брака. В основном потому, что она была сварливой и начинала ссоры. Или просто избегала его.

Ханна пришла сюда в поисках способа обвинить в этом свою настоящую мать, на самом деле. Подтвердить, что это была ее генетика, а не собственные недостатки Ханны. Для нее было облегчением представить свою мать свободной духом, которую не могли удержать любовь и обязательства. Но что, если это не имеет ничего общего со свободным духом?

— Тогда это было бы действительно отстойно, — сказала она пустому коттеджу.

Она могла бы сейчас собраться и оставить эти щекотливые вопросы позади, так и не найдя настоящих ответов. Она могла бы обвинить в своих недостатках генетику, мошенничество или всю ложь, которую рассказывала ее семья, и быть довольной этим. Идеальная защита.

Или она могла бы остаться и узнать правду.

Ее электронное письмо звякнуло, как будто она правильно ответила на вопрос викторины. Черт возьми.

Она не узнала имя, но щелкнула по электронному письму и сразу поняла, что оно от соседки из детского сада.

Моя свекровь придет сегодня, если ты захочешь зайти! Она должна быть здесь к десяти

и любит посплетничать. Приезжай сюда!

Ладно, вселенная явно велела ей остаться. Чтобы она осталась. Даже если это повлечет за собой смелое преодоление залов ада для малышей.

Она собиралась пойти прямо на завтрак, но вместо этого Ханна обнаружила, что идет по тропинке, которая вела к лугу.

Засунув руки в карманы, чтобы согреть их, она посмотрела на траву. От конденсата трава стала темной, влажно-зеленой, так что луг уже не казался таким светлым и волшебным. Может быть, за садом не ухаживали мирные девушки-хиппи. Может быть, они были рядом со слугами, согнувшимися в грязи и мокрыми, чтобы накормить людей секты.

Ханна отвернулась и поплелась к гостинице. Она наблюдала за Джо, пока шла, репетируя вопросы, которыми она засыплет его, если найдет. Он явно упустил некоторые очень важные детали во время их разговора. Назвал бы он это сектой, если бы она надавила на него? У него явно были негативные чувства по поводу этого места.

В конце концов, вопросы, которые она крутила в голове, не имели значения. Джо не появился на ее прогулке даже когда она добралась до гостиницы, Ханна увидела, что сарай плотно заперт. Он может быть свободен сегодня. Никто не работал семь дней в неделю.

Разочарованная, она вошла внутрь и тихо опустилась на стул в дальнем конце стола. Сегодня за завтраком были две новые пары. Ханна изобразила самую легкую улыбку, на которую была способна, и они все улыбнулись в ответ и оставили ее завтракать.

Такер тоже не появился. Вместо этого молодая, грузная женщина, которую Ханна никогда не видела, вошла и вышла из комнаты и поставила посуду на буфет. Ханна обслужила себя и съела достаточно, чтобы заглушить гложущее беспокойство в животе.

Обе пары вели себя тихо, как люди после многих лет брака. Ханна никогда не была уверена, было ли это удовлетворение или скука. Может быть, смесь того и другого. Что бы это ни было, оно не привлекало ее.

Она убежала так быстро, как только могла, и пошла к реке, всю дорогу прислушиваясь к звуку машины Джо. Но все, что она слышала, была вода и пение птиц, когда она шла по тропинке и обходила забор детского сада. Она предполагала, что это было для уединения, но теперь она увидела, что это было сделано для того, чтобы дети были в безопасности. В безопасности от реки и от бесконечного марша лесов, поднимающихся все выше и выше в горы.

Дети могут здесь исчезнуть. Она задавалась вопросом, делали ли они это когда-нибудь. Может быть, у нее было больше сестер. Или братьев. Может быть, кто-то из детей так и не выбрался оттуда.

Ханна покачала головой, обогнула забор и ступила на грунтовую дорогу. Она становилась мрачной и сентиментальной, представляя свое прошлое как нечто зловещее, когда оно было просто печальным.

На этот раз, когда она позвонила в дверь Дженни, она была готова к визгам изнутри. Она взяла себя в руки и изобразила улыбку.

— Ханна! — сказала Дженни, открывая дверь, та же коса перекинута через плечо, тот же ребенок привязан к ее бедру. Во всяком случае, Ханна предположила, что это был тот же самый ребенок. Он был белым, пухлым и лысым. Кроме этого, кто это мог сказать иначе?

— Эти дети, должно быть, здорово тебя натренировали, — сказала Ханна.

— Они определенно заставляют меня двигаться весь день. Заходи! Мама на кухне.

— Большое тебе спасибо за приглашение.

— Это не проблема. Чем больше, тем веселее. К тому же, я могла бы получить несколько хороших новых сплетен.

Ханна постаралась не поморщиться. Эти женщины были великодушны и понятия не имели, насколько все это серьезно для нее. И, черт возьми, если бы это была чья-то другая семья, Ханна была бы так же увлечена этим развлечением. Тайный ребенок? Секс с хиппи? Возможная секта? Это было аппетитно.

Говоря о вкусном, она почувствовала запах печеного печенья еще до того, как добралась до кухни. Застенчивый ребенок выглянул из-за двери, затем повернулся и убежал, когда Ханна попыталась улыбнуться.

Все это напоминало ей о доме Рейчел, населенном заботливыми женщинами с множеством детей. Ее племянницы и племянники и разные соседские дети, потому что почему бы и нет? Чем больше, тем веселее!

Она выпрямила спину и постаралась не чувствовать себя неполноценной. Она была не такой, как они. И это было прекрасно.

Все в порядке.

— Ты вымыла руки? — услышала она вопрос женщины как раз перед тем, как переступить порог.

Маленький мальчик, который в последний раз преследовал Ханну, торжественно кивнул пожилой даме, которая вытирала миску кухонным полотенцем.

— Хороший мальчик, — сказала женщина. — Печенье будет готово через десять минут.

Он снова кивнул и убежал в другую комнату. Женщина, чьи серебристые волосы были коротко подстрижены, потянулась, чтобы убрать миску на открытую полку, когда заметила Ханну.

— Здравствуйте! Вы, должно быть, Ханна. Я Рут Шварц.

Она поставила миску на место и повернулась, чтобы взять Ханну за руку. Ее пальцы были мозолистыми, как будто она проводила много времени, работая на открытом воздухе. Ханна сразу почувствовала себя более комфортно.

— Ханна Смит, — сказала она. — Приятно познакомиться.

— Давайте выпьем по чашечке чая и сядем поболтать.

Обычно чай не был ее коньком, но сегодня он звучал идеально. Уютно, комфортно, нежно. Рут налила воду из чайника в три кружки и бросила в каждую пакетик чая.

— Я просто стою над душой, — сказала Дженни, раскачиваясь взад-вперед, когда ребенок у нее на руках начал проигрывать битву со сном.

Рут поставила две кружки на кухонный стол, и Ханна села.

— Значит, твоя семья жила там раньше? — приподняв брови, она медленно наклонила голову в сторону участка Риверфолл.

— Это было так. Давным-давно. До семьдесят второго года.

— Ну, мы не покупали этот дом до семьдесят девятого, но, позвольте мне рассказать вам, были еще истории.

Она наклонилась ближе, медленно окуная пакетик чая вверх и вниз в дымящуюся воду.

— Когда мы только переехали сюда, мой муж довольно много путешествовал, поэтому я провела много ночей в одиночестве. И это было так жутко. Я имею в виду, было достаточно жутко просто находиться в одиночестве посреди пустоты, но мы слышали истории о страшном старике по соседству.

— Он все еще жил там? — спросила она в шоке.

— Нет, он давно ушел. Кто-то пытался превратить его в гостевой дом, но у него не было денег, чтобы привести его в порядок. Так что все было нормально и прекрасно, но до меня дошли слухи. Вы знаете?

— Слухи о чем?

Рут взглянула на Дженни, но Дженни только пожала плечами.

— Они были твоей семьей? — спросила Рут. — Я не хочу проявить неуважения.

— Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. Я пытаюсь докопаться до истины. Вы не обидите мои чувства.

Дженни принесла тарелку для чайных пакетиков и предложила мед. Ханна зачерпнула большую чайную ложку в свою кружку и стала ждать.

— Хорошо, — голос Рут понизился. — Я слышала, что он любил проповедовать об аде и проклятии. У него была большая палатка, и он приглашал всех, но службы были такими темными, что люди вокруг перестали ходить. Но молодые люди, которые там жили... Они принимали наркотики, стонали и причитали во время проповедей. А потом...

Дженни перестала раскачиваться, и голос Рут стал еще тише, когда Ханна наклонилась ближе.

— Потом он начал говорить, что Бог говорит с ним.

Несмотря на теплую чашку в ее руках, Ханна вздрогнула.

Рут кивнула, как будто увидела.

— Как будто по-настоящему говорит с ним. Люди рассказывали мне истории, как будто они были забавными, но я не думала, что они были забавными, когда я была здесь одна ночью. Какой-то человек в двух шагах от меня призывал Бога и дьявола, и хотя я не верила, мне это не нравилось.

Ханне это тоже не понравилось.

— Я поняла.

— А потом в один прекрасный день он просто исчез. Никому здесь ни слова не сказав. Он и его люди просто ушли, и это место принадлежало кому-то другому. Но куда он делся?

— Вы не знаете?

— Никто не знает. Я слышала, как животные скребутся по ночам, и думала: а что, если он живет где-нибудь в лесу?

Ханна поморщилась.

— О, Боже.

— Я имею в виду, что это, очевидно, был не он. Но поздняя ночь — не самое рациональное время суток. Мое воображение разыгралось. Но потом у меня появились дети, и я слишком уставала и была занята, чтобы рассказывать истории о привидениях.

Таймер духовки зазвенел, и Рут встала, чтобы проверить печенье. Дженни ушла, чтобы уложить ребенка спать, а Ханна осталась наедине со своим чаем. Она закрыла глаза и сделала глоток, но пряная сладость не смогла перебить горечь на ее языке.

Внезапно ее идиллическое детство снова показалось идиллическим. Если ее оторвали от ее корней, возможно, на то была чертовски веская причина. Вместо свободной, красивой хиппи, возможно, ее мать была больше похожа на Сквикки Фромм и других девочек Мэнсона. Кричащих об апокалиптическом будущем. С дикими от безумия глазами. Может быть, Ханна унаследовала это.

Малыши вбежали в комнату в поисках печенья, но Рут прогнала их, чтобы они не

соблазнились рядом с горячим металлическим листом. Ханна сделала еще один большой поток чая и, подняв глаза, обнаружила, что ее крошечного преследователя не прогнали достаточно далеко. Он стоял в дверях, пристально глядя на нее. Затем он залаял.

Ханна моргнула.

Он снова залаял, затем зажал в зубах рваную мягкую игрушку, которую нес — может быть, енота, убитого на дороге? — прежде чем опуститься на четвереньки. Ханна в растерянном ужасе наблюдала, как он подполз к ее ногам и уронил спутанное животное на ее туфли. Он снова залаял.

«Рафф, рафф!»

— Он хочет, чтобы ты бросил его! — сказала Рут с гораздо большей радостью, чем чувствовала Ханна.

— Например... он хочет поиграть в «Принеси»?

— Да.

— Разве это не немного унижительно?

— Это притворство. Это полезно для его мозга.

Ханна кивнула, но просто смотрела на мальчика, пока он снова не залаял, побуждая ее потянуться за игрушкой. Она взяла пушистую штуку двумя пальцами и бросила ее в соседнюю комнату.

Он рванул с места так быстро, что она подпрыгнула в тревоге. И, конечно же, он вытащил игрушку зубами и вернул ей.

Ханна была почти уверена, что это квалифицируется как жестокое обращение с детьми, но она снова бросила животное. И еще раз. Как будто он был собакой.

Десять бросков спустя он, казалось, выдохся и подошел, чтобы сесть у ее ног и положить голову ей на ноги. Ханна погладила его по волосам. Он тяжело дышал и прижался ближе, так что она погладила его мягкие каштановые волосы и пробормотала:

— Хорошая собачка.

Может быть, в конце концов, она не так уж плохо обращалась с детьми. Или, может быть, ей просто нужна была собака. Какова бы ни была причина, на самом деле она не возражала, чтобы он обхватил ее ноги своими маленькими ручками и устроился поудобнее. Она даже не возражала, когда Рут принесла ему печенье, и он положил его ей на джинсы, хотя она знала, что от теплой шоколадной крошки останутся пятна. Вместо того чтобы высвободиться, она просто съела свое печенье и погладила его по голове.

Рут снова села и понизила голос до шепота.

— Ходили слухи, что он женился на одной из этих молодых девушек. Хотел основать свой собственный Эдем.

Ханна вспомнила странные слова своей матери. Мы вышли из сада. Это то, что она имела в виду? Эдемский сад?

— Он уже был женат, — уточнила Ханна.

Рут пожала плечами.

— Тогда, может быть, это просто слухи.

Нет, это был не просто слух. Это был слух, основанный на том, что он брал наложниц. Господи, все это было безумием.

Дженни вернулась без ребенка и схватила печенье.

— Надеюсь, я не сказала слишком много, — сказала Рут.

— Чепуха. Я так благодарна вам за то, что вы мне сказали. Кажется, я не могу найти

здесь много людей, которые видели все это воочию. Все ли его последователи покинули Биг-Сур?

— Насколько я знаю. Я имею в виду, что никто из них не был здешним.

— Я полагаю, что никто из вас не знает имени Мария Диас?

— Нет, — сказала Дженни. — Мне жаль.

Но Рут нахмурилась.

— Мария Диас? Я думаю, что так звали Марию Франк! До того, как она снова вышла замуж!

Ханна выпрямилась.

— В самом деле? Вы ее знаете?

Рут кивнула.

— Она все еще управляет пекарней, Дженни?

— Насколько я знаю.

— Да! — сказала Рут, загораясь от волнения. — Она держит пекарню у себя дома! Раньше она пекла булочки и хлеб для большинства местных ресторанов, но я думаю, что она снизила скорость, поставляя только одному или двум. Она делает самые удивительные рулеты из трав с травами из собственного сада. Они самые лучшие.

— Она была частью этой церкви?

— Мария? — Рут ахнула. — Абсолютно нет. Я даже не могу себе этого представить.

— Как вы думаете, она могла бы поговорить со мной? Я думаю, что она, возможно, знала мою мать. Если у вас есть ее адрес...

— Я не знаю адреса, но нарисую вам карту. Уверена, что она была бы рада помочь. И захватите несколько этих булочек, пока будете там. На самом деле, я думаю, что заеду сегодня вечером по дороге на север и возьму немного сама.

Ханна кивнула, но остальная часть болтовни текла прямо через нее. Это было оно. Если бы эта Мария не была частью Скалы Джейкоба, ее, по крайней мере, вызывали всякий раз, когда женщины рожали. Она знала этих женщин. Она видела, какая волна тьмы в конце концов поглотила их. Она знала Рейн и Дороти.

Ханна наклонилась, чтобы погладить маленького мальчика по голове, и с трудом сглотнула, почувствовав внезапную сухость во рту. Мария была ключом к разгадке. Очевидец «женского бизнеса» в Скале Джейкоба.

Наконец-то она узнает правду, хочет она этого или нет.

Маленький домик стоял напротив гостиницы. Противоположность Скале Джейкоба. Как будто хозяин решил, что больше не вынесет ни деревьев, ни темноты, ни тени.

Далеко к северу от туристических мест Биг-Сура, дом стоял над дорогой на каменистом лугу, который изгибался вниз вдоль шоссе, пока не заканчивался голыми утесами. Он был крошечным. Просто площадь из шлакоблоков с выцветшей вывеской «ПЕКАРНЯ МАРИИ», но она была окружена пучками зеленых и золотистых растений. Травяной сад вместо лужайки.

Неужели Мария жила здесь одна, в сотне ярдов над шоссе, наблюдая за миром и волнами из кухонного окна? Была ли Скала Джейкоба одной из причин, приведших ее сюда? Или яркий покой этого места смыл всю эту тьму? Что, если она вообще почти ничего не помнит?

Ханна вышла из машины и поднялась по длинной тропинке, которая вела через миниатюрный сад к входной двери. В прихожей было что-то заброшенное; несколько камешков валялись на ступеньках, а паук сплел замысловатую паутину на фонаре крыльца. Подъездная дорожка огибала дом сбоку, и она подумала, что это вход, которым пользовалась Мария. Эта дверь, вероятно, редко открывалась. Здесь не было соседей, которые могли бы прийти и поболтать после обеда.

Но Ханна постучала.

Она не осознавала, что пение было, пока оно не прекратилось. Мягкий, низкий звук, доносившийся из дома, сливался с далеким прибоем. Ханна вцепилась в сумочку и ждала.

Дверь оставалась закрытой так долго, что Ханна наконец решила, что ее не откроют. Если Мария была внутри, она не хотела говорить. Возможно, было бы разумно опасаться незнакомцев с такой дороги. Или, может быть, она слышала, что Ханна копается в пепле прошлого, и хотела избежать встречи с ней.

При любых других обстоятельствах она с уважением отнеслась бы к явной тяге этой женщины к одиночеству. Ханна понимала эту потребность глубоко в своих костях. Но на этом ее путешествие в Биг-Сур закончилось. Она могла бы попытаться найти свою мать в другом месте, но Рейн здесь не было. Это было совершенно ясно.

Она постучала снова, и слабая паника заструилась по ее венам. Что, если Мария не захочет с ней разговаривать? Ханна не могла просто двигаться дальше, зная, что ответы были здесь. Но что еще она могла сделать? Вломиться и потребовать разговора?

Как только она решила сдаться и попытаться постучать в боковую дверь, замок щелкнул. Ручка повернулась.

Она не была уверена, кого ожидала увидеть Марией Диас, но уж точно не эту херувимскую бабушку. Она доходила Ханне только до плеча, и на ее круглом лице не было морщин, если не считать глубоких морщинок вокруг глаз. Ее короткие волнистые волосы были щедро посеребрены.

— Чем могу помочь? — спросила она.

— Миссис Фрэнк? Я Ханна Смит.

Сначала ей показалось, что это имя ничего ей не говорит. Она пристально смотрела на Ханну, склонив голову набок. Но тут Мария опустила подбородок и открыла дверь пошире.

— Входи, Ханна.

Ханна колебалась.

— Вы меня знаете? — спросила она.

Ее голос звучал умоляюще и слабо, но ей было все равно. Ей нужно было знать.

Улыбка Марии была слабой, но даже это маленькое признание превратило ее глаза в счастливые полумесяцы.

— Я знаю. Хотя ты выглядишь немного иначе, чем в последний раз, когда я тебя видела.

— То есть, тогда, когда я родилась?

— Да. Ты была крепенькой. И крикливой.

— Я и сейчас такая.

Ее горло сжалось, и она не хотела пугать эту женщину неожиданными рыданиями, поэтому Ханна с трудом сглотнула и шагнула в дом. Не было ничего удивительного в том, что воздух был пропитан запахом печеного хлеба, но он все равно окутал ее, как теплое объятие. Запах был воплощением комфорта, и на каждой площади гостиной, где она стояла, висели фотографии маленьких детей в рамках.

Эта женщина солгала о чем-то очень важном много лет назад, но сейчас Ханна не могла призвать ни капли страха. Наивная, может быть, но Мария не представляла угрозы. Она никогда не была угрозой.

— Не хотите ли чашечку кофе? Боюсь, у меня нет никаких угощений. Мой уровень сахара в крови... Доктор говорит, что мои сладкие дни закончились.

— Нет, я в порядке, спасибо. На самом деле, я только что съела печенье. Еще одно может быть лишним.

— Пожалуйста, — сказала Мария, указывая на изящную цветастую кушетку. Ханна подумала, не была ли она когда-то покрыта пластиком, чтобы уберечь ее от липких рук.

— Это прекрасное место, — сказала она, садясь.

— Спасибо. В последнее время мне становится слишком холодно, но я, кажется, не могу оставить его.

Мария устроилась в кресле и разгладила свою простую коричневую юбку.

Ханна не знала, с чего начать, поэтому достала из сумочки свидетельство о рождении и не спеша развернула его, пытаясь придумать, что сказать. После дюжины ударов сердца, она все еще не могла найти правильные слова, поэтому она протянула бумагу Марии без комментариев.

Мария вздохнула.

— Я знала, что это было ошибкой, когда делала это.

— Зачем вы его подписали? Что случилось? Я просто... мне просто нужно знать.

Мария провела пальцем по именам. Сначала по имени Ханна. Потом ее отца. Потом Дороти.

— Они попросили меня подписать его. Умоляли меня, на самом деле. Они сказали, что так будет лучше для тебя, и я поверила. Твоя мать ушла. Твой отец любил тебя. И я знала, что Дороти тоже тебя полюбит. Прости, если я ошиблась.

— Нет. Ты не ошиблась. Она действительно любила меня.

Губы Марии сжались.

— Она умерла?

— Нет. Мой отец умер шесть лет назад. Моя мать — Дороти — страдает слабоумием. И я ничего об этом не знала еще несколько дней назад. Медицинские записи... Там было несоответствие.

— Мне очень жаль, — сказала Мария.

— Ты знаешь, куда ушла моя мать? Моя настоящая мать?

Она покачала головой еще до того, как Ханна закончила свой вопрос.

— В последний раз я видела ее на родах. Месяц спустя они сказали, что она сбежала. На самом деле, я не была удивлена.

— Почему?

Мария плотно сжала губы, ее глаза потемнели от печали.

— Я... — слог прозвучал как болезненное карканье, поэтому Ханна откашлялась и попыталась снова. — Пожалуйста. Я знаю, что это было не очень хорошее место. Вы расскажете мне, что случилось? Что случилось со всеми ними? Кажется, больше никто не знает.

Напряженность в плечах Марии не сулила ничего хорошего, поэтому Ханна попыталась еще раз.

— Я знаю, что я для вас чужая. Вы ничего обо мне не знаете. Но обещаю, я здесь не для того, чтобы доставлять вам неприятности. Мне просто нужна правда, какой бы она ни была. Пожалуйста.

Мария вздохнула и, казалось, съежилась еще больше.

— Каждый ребенок заслуживает того, чтобы знать, откуда он родом, — сказала она, но тут же перекрестилась, словно это было проклятие. — Кто-то должен тебе это сказать.

Ханне пришлось сдержаться, чтобы не протянуть женщине руку в знак благодарности.

— Спасибо.

— Поначалу это было неплохое место, — сказала Мария. — Я попробовала несколько проповедей. Я была воспитана католичкой, но даже тогда чувствовала себя немного потерянной. Мир менялся так быстро. Но я присутствовал только дюжину раз, если это так. Твой отец был хорошим человеком, и его проповеди были интересными, но мне не нравились проповеди Джейкоба Смита.

— Я слышала, он был... суров.

— Так оно и было. И я не видела никаких признаков дьявола в Биг-Суре. Для меня это было похоже на нагнетание страха. Манипуляция. Как бы то ни было, Джейкоб попросил меня о помощи, и я ее оказала. Твоя мать была почти готова родить Рейчел, и кто-то сказал им, что я помогала своей матери с женщинами.

Ее губы изогнулись в слабой улыбке.

— Тогда было не так много законов, или, по крайней мере, никто не следил за их соблюдением. Моя мать была акушеркой для женщин, которые нуждались в помощи. Я кое-чему у нее научилась. Сейчас я, конечно, сидела бы в тюрьме. Никакого формального обучения. Никаких лицензий у меня не было.

— Значит, вы помогли родиться Рэйчел и Бекки?

— Я так и сделала. Дороти была здорова. Казалось, все в порядке. Но потом она больше не забеременела.

— Ох. Разве это было так уж важно?

Губы Марии скривились.

— Так оно и было. Джейкоб начал проповедовать новый вид христианства. Говорить людям, что они должны жить, как святые люди Библии. Плодитесь и размножайтесь. Населите землю богобоязненными христианами.

Это не было для Ханны таким шоком, как могло бы быть, когда она впервые начала этот

поиск.

— Я слышала, что он завел... э-э... любовницу.

— Это он сделал. Но потом он женился на ней. А потом еще на одной. Не по закону, конечно, но были церемонии.

— Он женился более, чем на двух девушках? Что думала его жена по этому поводу?

— Честно говоря, я думаю, ей нравилось руководить этими новыми женами. Может быть, это также удерживало Джейкоба подальше от ее постели.

Ханна содрогнулась, и это содрогание превратилось в гримасу, когда она зажмурилась.

— А мой отец?

— Честно говоря, твой отец с этим не согласился.

Ее глаза распахнулись.

— О, слава Богу.

— Я видела напряжение, когда принимала роды. Было еще несколько супружеских пар, часть стаи, и кто-то всегда был беременный. Твоему отцу, похоже, было не по себе. Несчастный. Но потом отец обратил его.

— Как обратил?

— Джейкоб сказал, что ему было видение от Бога, что Рейн готова выйти замуж и что она предназначена для Питера. Точно так же, как в Библии, когда жена Авраама не могла родить детей. Питеру пришлось жениться, чтобы стадо росло. Это был его долг перед Богом.

— И мой отец купился на это?

Мария покачала головой.

— Я не знаю. Но Джейкоб сказал, что отдаст Рейн одному из других мужчин, и, возможно, Питер думал, что он, по крайней мере, будет добрым мужем. И он был таковым.

— А как же Дороти? А Рейн? Они согласились с этим?

— Я не уверена, что у них был выбор. Джейкоб переселил Рейн в большой дом и провел церемонию бракосочетания, и Рейн переехала в комнату к Питеру и Дороти.

— Господи! Они жили все вместе?

— Там было не так уж много места. Там было много детей и так много кроватей.

У Ханны закружилась голова. Ее родители, консервативные, скромные родители со Среднего Запада, поселили в своей спальне другую женщину. Еще одну жену.

— Это безумие, — прошептала она.

— Я знаю.

— Вы не понимаете. Я выросла в Айове. В маленьком городке. Мои родители были... они были такими обычными. Добрыми. Тихими. Никаких неприятностей.

Мария потянулась, чтобы сжать ее руку.

— Если ты живешь с сумасшедшим достаточно долго, я думаю, все начинает казаться нормальным. Он так запутал их, что они не могли отличить добро от зла.

Она так сильно сжала руку Марии, что заставила себя отпустить ее, чтобы не причинить боль пожилой женщине.

— Ну, думаю, я знаю, что произошло дальше.

— Да. Девять месяцев спустя родилась ты.

— Боже мой! — она сложила руки вместе, притворяясь, что они не дрожат. — Я думала, что я — дитя любви. Я думала, что пришла сюда, чтобы узнать дикую, романтическую историю.

— Я уверена, что Рейн любила тебя.

— Но она ушла.

— Наверное, она испугалась. Была сбита с толку.

— Вы знаете, куда она ушла?

— Нет. Мне жаль. Через месяц я пришла проведать одну из беременных, и Питер сказал, что она сбежала.

— Вот так просто.

— Ханна, — тихо сказала Мария. — Она убежала не для того, чтобы бросить тебя. Я в этом уверена. Она жила в жестокой, странной ситуации, и она была слишком молода, чтобы справиться с чем-либо из этого. Особенно, со всеми этими гормонами, сотрясающими ее тело. Она испугалась и убежала. Это все.

— Сколько ей было лет?

— Ей было восемнадцать, когда ты родилась.

Кровь одним махом покинула голову Ханны. Только что она видела и слышала, а в следующее мгновение ее уши наполнились помехами, зрение покраснело, макушка гудела, злясь на недостаток кислорода.

— Когда я родилась? — прошептала она.

— Семнадцать, когда они поженились.

Ее отец... ее женатый, взрослый отец перевез подростка в свой дом. В свою комнату. В свою кровать. Он занимался сексом с испорченной девочкой-подростком в одной комнате со своей женой.

Рейн была потерянным ребенком. Должно быть, так оно и было. Возможно, отвергнутая одной семьей, а затем управляемая и доминируемая другой, Рейн вовсе не был свободная духом. Над ней надругались.

— Ты должна понять, — сказала Мария. — Все эти девушки были молоды. И мальчики тоже. О, у них были бороды, наркотики и гитары, но им было семнадцать, восемнадцать, девятнадцать. Жить на улице. Найти свой путь. Семнадцатилетняя была намного старше большинства девушек, которые добирались сюда автостопом.

— Но мой отец. Как он мог это сделать?

— Он считал, что это правильно. Читая обо всех этих мужчинах в Библии с женами и служанками... Он позволил себе поверить в это. И она была хорошенькой девушкой. Доброй. Одинокой. Я уверена, он думал, что ей будет лучше с ним, чем возвращаться на улицы Сан-Франциско.

— Ну, очевидно, она так не думала. Она ушла. Бросил меня.

— Да.

— Хорошо, — выплюнула Ханна. — Хорошо для нее. Она заслуживала лучшего. Она заслуживала жизни любовницы, подруги и человека, а не какой-то молодой шлюхи, которую он мог бы затащить в свою постель!

— Ханна, — Мария снова взяла ее за руку, и на этот раз Ханна крепко сжала ее.

— Не могу поверить, что это сделал мой отец. Как он мог...

Но как могла Ханна? Она так отчаянно хотела быть чем-то большим, чем думала, что она собой представляет, что ее взволновала мысль о том, что ее отец влюбится в другую женщину. Предал Дороти каким-то фантастически романтичным способом только для того, чтобы Ханна могла знать, что ее происхождение было более волшебным, чем кукурузные поля Айовы.

Но Дороти не только обманули. Она была вынуждена стать свидетелем этого. Смотреть.

Позволять это. Однажды у нее был брак и две прекрасные дочери, а на следующий день она была вынуждена делиться своей любовью и притворяться, что такова Божья воля.

Мария переместилась на диван и села рядом с Ханной.

— Ш-ш-ш, — прошептала она, проводя рукой по спине Ханны теплыми кругами.

Ханна плакала и не могла остановиться. Она не могла представить себя семнадцатилетней и окруженной взрослыми мужчинами, говорящими ей, какой будет ее дальнейшая жизнь.

Бедная Рейн. Неудивительно, что она не хотела Ханну. Ребенок, рожденный как напоминание о чем-то ужасном.

— Мне очень жаль, — сказала Мария. — Мне не следовало говорить тебе.

— Нет, — она сделала глубокий вдох и тут же всхлипнула. — Нет... я... мне нужно было знать.

— Они совершали ошибки. Все они. Но они думали, что делают это во славу Божью.

— Во славу психбольного!

— У твоего отца было доброе сердце. Я обещаю. Даже несмотря на все это.

Она покачала головой, но не могла примирить свое отрицание с женщиной, которого любила. Он всегда был ее опорой, все эти годы она боролась с матерью, боролась со всеми. Он всегда был спокойным, уравновешенным и хорошим.

И Дороти тоже любила ее, по-своему тихо. Она любила Ханну, хотя даже просто смотреть на ребенка этой другой женщины, должно быть, было больно.

Наконец ей удалось сделать вдох, который не закончился всхлипом.

— А свидетельство о рождении?

— Когда твоя мать уехала на месяц, они убедили меня, что она не вернется. И что тебе нужна твоя семья. Так будет проще, говорили они. Никаких вопросов. Никаких осложнений. Дороти хотела вырастить тебя, и она была отличной мамой, и я позволила уговорить себя. Но мне не следовало этого делать. Мне жаль.

По какой-то причине ее извинения заставили Ханну снова заплакать. Может быть, потому, что она говорила так, как будто она это имела в виду, и Ханна просто хотела, чтобы кто-то чувствовал себя плохо из-за того, что с ней случилось. Она покачала головой и обняла Марию.

— Вы не должны извиняться.

— Я должна. Она могла вернуться.

Ханна заставила себя отпустить бедную женщину.

— Но она этого не сделала.

— Нет. Насколько я знаю, нет. Вскоре после того, как я подписала твое свидетельство о рождении, твоя семья уехала. Твой отец наконец-то понял, что все это было так неправильно. Я не уверена, что его так разозлило, но он забрал вас всех и ушел. Тогда и другие начали уходить.

— В самом деле? Это ведь хорошо, правда?

— Да. Дезертирство твоего отца, казалось, разрушило контроль Джейкоба над своей паствой. К сентябрю их осталось совсем немного. Его жена и две его молодые женщины, у одной из которых был сын. Один молодой человек тоже остался, но его мозг был изрядно выжжен ЛСД. Вот и все.

— Куда они все делись?

— Я понятия не имею. Я слышала, на юг перебрались. Это мог быть Лос-Анджелес. Или

в пустыню. Это все, что я знаю.

Ханна кивнула.

— Вы знали, как зовут Рейн? Ее фамилию?

— Нет, прости.

— Я не могу себе представить, что я когда-нибудь найду ее. Ее настоящее имя не могло быть Рейн.

Мария не ответила, но в этом и не было необходимости. На этом все и закончилось. Ханна не получила приз в виде новой матери или новой семьи, но у нее было какое-то объяснение, хотя и чертовски душераздирающее.

— Большое вам спасибо за то, что сказали мне правду, — сказала она. — И не волнуйтесь. Я никому больше не расскажу о вашей роли в этой истории. Вы сделали то, что считали лучшим на тот момент времени.

— Возможно, все так и делали, — сказала Мария.

Но это было неправдой. Если ее дед был сумасшедшим, то ее отец не сделал всего, что мог. Ему следовало бы знать лучше. Надо было сделать лучше.

— Я бы никогда не получила ответов без вас. Я не знаю, как вас отблагодарить. Но я позволю вам вернуться к своему дню.

Ханна встала.

— Вы здесь что-то вроде легенды. Я слышала, что ваши булочки с травами потрясающие.

Мария улыбнулась и легко поднялась на ноги, несмотря на свой возраст.

— Позволь мне принести тебе немного.

— О, я не то имела в виду...

— Больше ни слова. Самое меньшее, что я могу сделать, это предложить тебе немного хлеба. Просто дай мне минутку.

Она поспешила на кухню, которая была видна через узкий дверной проем. Ханна позволила своим глазам блуждать, позволяя осознать конец ее путешествия. Но этого не произойдет. Ее разум уже задавался вопросом об этих тестах ДНК. Даже если бы у нее не было имени, она могла бы установить связь с семьей. Возможно, в конце концов, она даже найдет свою мать. Но захочет ли Рейн вспоминать такое ужасное время своей жизни? Причинила бы Ханна ей боль, если бы она снова появилась?

Фотографии детей в рамках, украшавшие комнату, ничуть не успокоили нервы Ханны. Они все выглядели такими счастливыми. Такими любимыми и желанными. Смеющиеся, спящие, улыбающиеся в камеру. Каждый из них принадлежал именно тому месту, где он был.

Ханна побрела к полке, потирая шею в безнадежной попытке ослабить напряжение там. Когда ее взгляд впервые упал на маленькую фотографию в центре полки, Ханна подумала, что этот мужчина всего лишь напоминает ей кого-то. Его руки были обвиты вокруг двух женщин, которые разделяли его черные волосы и карие глаза, хотя его лицо было более худым. И на висках у него было не так много серебра, как сейчас.

Ее веки слегка затрепетали от шока. Ее сердце сильно забилося. Она позволила своему взгляду пробежаться по другим фотографиям, но его не было ни на одной из них. Она подошла к стене рядом с дверью и просмотрела эти фотографии. И вот он снова был там. Держащий на руках маленькую девочку в футболке принцессы и тиаре, рядом с ними на столе стоял праздничный торт.

— Я также добавила несколько булочек халапеньо, — сказала Мария, вернувшись с белым бумажным пакетом.

Она встала рядом с Ханной и проследила за ее взглядом к фотографии.

— Габриэль был прав, отправив тебя сюда. Я сказала ему, что не могу говорить с тобой, но я была трусихой. Он сделал правильный выбор.

Ханна заставила себя кивнуть. Да. Конечно. Все было прекрасно.

— Иногда ребенок знает лучше, чем мать. Скажите ему, что я не сержусь.

— Я так и сделаю, — пробормотала она. — Конечно.

Мария вложила сумку в руки Ханны.

— *Vaya con Dios, querida* (прим.: с исп. Иди с Богом, дорогая).

— Спасибо, — автоматически сказала Ханна.

Она почувствовала, как Мария снова обняла ее, и, должно быть, обняла в ответ, но Ханна была слишком потрясена, чтобы понимать, что делает. Она вышла из дома, подошла к своей машине, открыла дверцу, села за руль. Но она не осмелилась поехать.

Мария была матерью Габриэля.

Прошлой ночью это странное выражение на его лице, когда она показала ему свидетельство о рождении, не было смущением или раздражением; это был обман.

Знал ли он больше все это время? Неужели он притворялся, что ничего не знает о Скале Джейкоба с их самой первой встречи, чтобы защитить свою мать?

Ханна полагалась на него. Полагалась на него как на нового друга, готового помочь, а он мешал ей узнать правду.

А потом прошлой ночью.

— Черт, — прошептала она.

У них был секс. После того, как он узнал, что она ищет Марию. Он попросил ее остаться у него. Почти настоял. Почему? Чтобы он мог присматривать за ней? Чтобы она поверила ему и рассказала больше?

Она прикоснулась к своим губам. Она переспала с лжецом.

— С тобой все в порядке, — сказала она вслух.

И это так и было, не так ли? За свою жизнь она переспала со множеством лжецов. И, черт возьми, ее собственные родители лгали ей обо всем, и она пережила это. Габриэль солгал, и это не означало, что он был опасен. Все лгали.

Кроме Джеффа. Он не солгал. Он сказал правду, и она поверила ему, и все равно все было неправильно.

Ей нужно было позвонить Джеффу. Сказать ему, что он был прав насчет того, что это была секта. Ей также нужно было позвонить Бекки. Рассказать ей, что случилось. От чего бежала их семья. И, конечно же, Рейчел должна помнить кое-что из этого. В семье внезапно появилась новая мать. Новая сестра. Все они живут в доме с лидером секты.

Может быть, Рейчел подавила это. Или, может быть, ее разум решил, что река и сад — единственные вещи, которые стоит запомнить. Но, чтобы быть справедливой к Рейчел, Ханна могла вспомнить только две вещи из раннего детства: наложение гипса на сломанную руку и смутное, теплое воспоминание о своей воспитательнице в детском саду, которое, вероятно, подкреплялось фотографией класса, которая у нее все еще была.

Вот и все. Остальная часть была пустой.

Наконец, достаточно успокоившись, чтобы вести машину, она завела машину и направилась вниз по крутой дороге к шоссе. Она повернула направо, к цивилизации, и тупо

поехала вверх по побережью, на этот раз не забываясь о слепых поворотах и крутых спусках.

Туристы, стоявшие на обочине дороги и смотревшие на океан, теперь казались ей глупыми. Тупыми. Мир не был прекрасным местом. Этот великолепный пейзаж убил бы вас всего за один день, если бы вы остались незащищенными. Холод, течение, зазубренные скалы. Это место не предназначалось для проживания. Никто не мог бы здесь процветать.

Когда она достигла границы первого города, она вздохнула с облегчением, несмотря на то, что ее телефон ожил и начал звонить с сообщениями и сообщениями. Она проигнорировала предупреждения и проехала через Кармел в Монтерей, следуя указателям в сторону туристического района. Было уже за полдень. Она была голодна. Все остальное дерьмо может подождать.

Она нашла роскошный ресторан морепродуктов в отеле на берегу океана и заказала паэлью и хлеб на закваске вместе с бокалом вина. Пропановый обогреватель согревал ее, пока она смотрела на темные пятна выдр, плавающих в море.

Сейчас она хотела быть дома. Не в Айове, а в Чикаго. Она хотела бы никогда не уезжать. Если бы она осталась на месте, ничего этого не существовало бы. Она просто была бы такой же долбаной Ханной, какой была всегда, вместо этой новой запутанной версии, у которой больше не было даже основания, от которого можно было бы оттолкнуться.

Теперь она была обломками. Дрейфующими. Никакой матери. Отца она не узнала. Сводные сестры, которые возненавидели бы ее за то, что она выкопала эти запятнанные скелеты.

— Разве я не могла просто быть ребенком любви хиппи? — спросила она свой бокал вина.

Какую наивную маленькую сказочку она плела, притворяясь, что может раздеться догола на пляже и узнать, какой была жизнь ее матери.

Она допила вино и подняла трубку телефона.

Там были обычные сообщения от Бекки, работающей над сохранением мира. Ханна проигнорировала их и проверила свои телефонные сообщения. Старое сообщение от Жасмин. И то, которое пришло сегодня с номера ее предыдущего работодателя.

Ханна глубоко вздохнула, пытаясь сдержать волнение. Это может быть что угодно. Это не могло быть ничем.

Но это было не так. Это было предложение по работе.

Она прослушала сообщение, но была слишком возбуждена, чтобы вникнуть в то, что говорил ее бывший босс. Она послушала второй раз и третий.

Он хотел, чтобы она вернулась. Та же зарплата. Та же должность.

— Я не могу предложить вам прибавку, но я надеюсь, что сохранение вашего соглашения поможет сделать это более приемлемым.

Его знакомый кривой юмор заставил ее улыбнуться. Просто ностальгия, конечно. Она была выжжена, когда уезжала. С облегчением убралась к черту из Доджа.

Работая в налоговой системе от имени жадных миллиардеров Ханна начала чувствовать себя грязной. Но почему? Если бы она этого не сделала, это сделал бы кто-то другой. Все было законно. Она никогда не выходила за рамки закона. Но законы были дерьмовыми.

И она была очень, очень хороша в работе с системой. Гораздо лучшей, чем она умела быть хорошей дочерью. Или хорошей женой.

Она хотела позвонить и ответить согласием прямо сейчас. Она могла бы собрать чемодан, купить билет на самолет и быть уже в Чикаго к полуночи. Она могла бы остаться с

Жасмин или снять великолепный номер в отеле с видом на городские огни. Она могла бы проснуться и прогуляться вдоль озера. Взять горячий кофе и теплый пончик. Она могла бы съесть настоящие суши на обед. Может быть, с Джеффом. Они могли бы поговорить о Скале Джейкоба лично.

Паэлья и хлеб прибыли как раз вовремя, чтобы спасти ее от самой себя. Импульс немедленно ответить исчез, когда она нарезала крошечную буханку хлеба и намазала масло на каждый ломтик, пока оно не растаяло.

Сегодня она не могла ответить «да». Даже она, какой бы ущербной она ни была, понимала, что это был еще один импульс убежать. Ее жизнь была ужасным беспорядком, и она хотела повернуться к нему спиной. Вместо того чтобы убежать, ей нужно было немного времени, чтобы подумать, даже если она этого не хотела.

Перейдя к своему почтовому приложению, она открыла контакт своего бывшего босса и написала короткую заметку, чтобы сообщить ему, что она получила его сообщение.

Честно говоря, я ошеломлена и взволнована этим предложением. Но я буду вне сети еще 24 часа. Ничего, если я позвоню вам завтра, чтобы подробно все обсудить?

Она проверила рейсы в Чикаго, но не купила билет. Пока нет.

Отказавшись от второго бокала вина, она позволила себе насладиться едой. Это был ее последний полный день в Калифорнии. Последний полный день этой части ее жизни. Сегодня она будет сидеть с тем, что узнала. Завтра будет достаточно времени, чтобы решить все остальное.

Поэтому вместо того, чтобы сообщить новость своим сестрам, она послала Бекки бессмысленное заверение.

У меня все хорошо. Заканчиваю здесь дела. Еще немного времени! Дай мне знать, как дела у мамы.

И вот так просто она вдруг затосковала по своей матери. Не Рейн, а Дороти, женщине, которая любила и воспитывала ее. Женщине, которая приняла ребенка своего мужа и сделала все, что в ее силах.

Они никогда не сходились во взглядах, и даже сейчас Ханна понятия не имела, было ли это из-за ее рождения или ее генов, или просто потому, что они столкнулись так же, как миллионы матерей и дочерей сталкивались на протяжении тысяч лет. Имело ли это значение? Их отношения не были идеальными, но они были экспоненциально лучше, чем могли бы быть при данных обстоятельствах.

И Ханна скучала по ней. То, как она разгадывала кроссворды после того, как мыла посуду после ужина. Небольшая сосредоточенная морщинка между ее глазами, когда она смотрела на Куинси или Мэтлока. Тихое успокаивающее кудахтанье, когда она хлопотала над больной дочерью.

Школьные обеды, которые она упаковывала в начальной школе, всегда по одному и тому же расписанию: сэндвичи с арахисовым маслом по понедельникам и средам, болонская колбаса по вторникам и четвергам, тунец по пятницам. Ничего особенного. Никаких срезанных корок на сэндвичах. Никаких маленьких заметок не прилагалось. Просто бутерброд, яблоко и термос дешевого сока. Но эти три обеда в обязательном порядке ждали

на прилавке каждый день, независимо от того, ушла ли ее мать добровольцем в церковь или заболела гриппом. Три коробки для ланча. Розовые коробки с Барби для Рэйчел и Бекки, красная коробка «Чудо-женщины» для Ханны.

Вот что значит быть матерью. Каждодневная работа, даже когда она не понимала характера или настроения своей дочери, музыки или макияжа. Даже когда Ханна разочаровывала ее снова и снова, Дороти никогда не переставала любить ее. Ханне всегда было куда пойти на Рождество или День Благодарения, и, возможно, именно поэтому было так легко держаться подальше. Она всегда знала, что ей рады. Что ее любят. О ней заботятся. Ее маленькие восстания были ничем иным, как вспышками гнева.

Она наблюдала за игрой выдр, и к тому времени, как закончила обед, она снова нашла красоту в этом суровом море.

Что бы Рейн ни нашла в Биг-Суре, это, должно быть, было лучше, чем то, от чего она убежала. На какое-то время. Возможно, она получила то, что ей было нужно, от этого места, от Питера Смита, от Ханны, а затем перешла к чему-то лучшему.

Ханна надеялась, что это правда. Если Рейн была хоть чем-то похожа на свою дочь, она много раз в своей жизни облажалась, но, есть надежда, что, в конце концов, она все же нашла себя. Как и, может быть, Ханна.

Лестница вела из отеля вниз к пляжной тропинке, и Ханна несколько минут шла по ней, пока не нашла скамейку, на которой смогла устроиться, чтобы позвонить Джеффу.

— Ты был прав, — сказала она, как только он ответил. — Это определенно была секта.

— Что ты нашла? — услышала она резкий, из-за тревоги, вопрос.

— Я разыскала женщину, которая помогала мне родиться.

— Она входила в секту?

— Нет, она просто играла для них роль акушерки. Она показалась мне очень милой женщиной.

Его ручка постучала по столу.

— Она была готова поговорить об этом?

— Да, она была. Она сказала, что Джейкоб Смит начал проповедовать о конце времен и заселении истинно верующими. Он сказал, что Бог говорил с ним и сказал ему, что пришло время жить по Библии. Он взял себе еще двух жен.

— Воу.

— Очевидно, мой отец не решался принять многоженство.

— Подожди. Ты же не хочешь сказать... — его голос затих в неуверенной тишине.

— Что?

— Что Джейкоб Смит был твоим отцом?

— Нет, нет. Чтобы убедить моего отца... — она вздохнула и сказала себе просто произнести это быстро. — Джейкоб подарил моему отцу другую жену. Молодую девушку. Ей было... ей было семнадцать. Это была моя мать.

— Ужас, Ханна. Ты уверена?

— Я уверена. Он взял другую жену. И у них появилась я.

— Вау. Это... Ты в порядке?

На этот раз она не заплакала. Она хотела, но не сделала этого.

— Я немного волнуюсь, но я рада, что знаю правду. Я так думаю.

— Я не могу поверить в это, — сказал он. — Должно быть, для тебя это почти невозможно.

— Да. Я не могу понять, как он так поступил с Дороти. Или по отношению к Рейн.

— Ты хотя бы узнала ее фамилию? Чтобы ты могла попытаться ее найти?

— Нет, Мария этого не знала. Она сказала, что Рейн сбежала после моего рождения.

Она так и не вернулась.

— Она была так молода.

— Я знаю. Я не виню ее. Это была действительно хреновая ситуация. Более хреновая чем все, к чему я даже приближалась в подростковом возрасте.

— Мне жаль, Ханна. Мне правда, очень-очень жаль.

Она закрыла глаза, чтобы сдержать слезы. Она больше не плакала. Но ей хотелось, чтобы он был здесь или она была там, с ним. Хотела бы, чтобы он обнял ее, даже если это было бы в последний раз.

— Спасибо.

— Значит, после того, как твоя настоящая мама сбежала, они подделали свидетельство о рождении?

— Да. Они убедили Марию, что так будет лучше для меня. И я думаю, так оно и было.

— Что случилось потом?

— Я думаю, что мой отец собрал свою семью и уехал. К счастью. Одному Богу известно, что бы с нами стало, если бы он остался.

— Я, э-э... Возможно, у меня есть ответ на этот вопрос. Я хотел быть абсолютно уверен, прежде чем что-то сказать.

— Что? — спросила она.

Но он все еще колебался. Его ручка застучала быстрее.

— Давай, Джефф. Просто скажи мне. Я не могу жить в еще большем напряжении.

— Это что-то из мексиканской газеты, и я все еще проверяю перевод.

— Мексиканская газета? О чем ты говоришь?

Ручка остановилась. Его стул закрипел.

— В 1974 году в мексиканском регионе Сонора было найдено тело белого мужчины. Его нашли с тремя женщинами, женщиной и маленьким ребенком. Все они мертвы.

— Это могло бы... — начала она, преодолевая комок страха в горле, но ее горло хотело сжаться. Она несколько раз сглотнула, пока страх не ослабил свою хватку. — Это мог быть кто угодно.

Но Мария сказала, что у него остался только один последователь мужского пола, когда он уходил. Три женщины. Один ребенок.

— Они прибыли годом раньше. Они купили ранчо. Он основал церковь. Его звали Джейкоб.

— Какой Джейкоб?

— Он называл себя Джейкобом Христо.

— И ты думаешь, что это был он? — теперь она говорила шепотом, как будто кто-то мог услышать об этом ужасном преступлении и донести на нее. — Мой дедушка?

— Возраст кажется подходящим. И время. В газете писали, что все они выпили яд.

Яд.

— Женщин звали Фрэнсис, Вайолет и Кора Христо. Ты узнаешь какое-нибудь из этих имен?

— Я не знаю. Я не уверена, что узнала бы. Но ты думаешь, что это он? И ты думаешь что он убил их всех?

— В этом я не уверен. Они могли принять яд добровольно. Такое случалось и раньше.

Верно. Джонстаун. Они смешали яд с «Кул-Эйдом» (прим.: порошковая смесь для ароматного напитка, газировка) и подали его детям тоже.

— Мария сказала, что после того, как ушел мой отец, многие другие тоже ушли. У него осталось всего несколько человек, когда он продал землю и исчез.

— Он потерял контроль. И это единственное, что ненавидят такие мужчины, как он. Это могло подтолкнуть его к краю пропасти.

— Это... Ну, я собиралась сказать, что это безумие, но, думаю, это довольно очевидно.

— Да. Я продолжу поиски. Я не уверен, что там можно будет найти что-нибудь еще, но я попытаюсь.

— Спасибо, Джефф. Действительно. Спасибо тебе за все это. Я еще раз прошу прощения. По поводу всего.

— Я знаю, что это так.

Она не была уверена, что должна спрашивать, но собиралась это сделать. К черту все это.

— У меня есть кое-какие дела в Чикаго. Я думаю, что прилечу на этой неделе. Не могли бы мы выпить кофе или еще чего-нибудь? Или просто выпить? Ничего страшного, если ты занят.

— Нет, просто дай мне знать. Было бы приятно повидаться с тобой.

— Ладно, хорошо. Мы могли бы поговорить.

— Конечно. Предупреди меня, когда приедешь. Я позабочусь о том, чтобы мое расписание было свободным.

Она повесила трубку и пошла к своей машине, чтобы не сидеть там, уставившись на океан, думая о Джеффе. Он был ее бывшим мужем. По крайней мере, скоро будет. Она переспала с другим. Им все еще предстояло уладить дело о разводе. И она не собиралась мечтательно смотреть на море и тосковать по этому мужчине, от которого ушла.

Она будет тосковать по нему за рулем, как разумный человек. Предвидя, что сегодня вечером, возможно, будет немного больше тоски, она зашла в магазин на углу за бутылкой красного.

На полпути обратно в Биг-Сур она вспомнила, что собиралась взять что-нибудь на вынос, пока была в городе, чтобы ей не пришлось идти в придорожный ресторан на ужин. Она проигнорировала свой панический порыв обернуться. Она могла бы пойти поужинать в другое место. Или, если бы она чувствовала себя такой же антиобщественной, как сейчас, она могла бы съесть булочки, которые дала ей его мать.

Его мать.

— Боже милостивый, — прошептала она себе, наверное, в пятый раз за этот день.

Ее дедушка был убийцей или почти убийцей, ее отец был многоженцем, а мужчина, с которым она завела роман, пытался скрыть от нее правду.

Она определенно купит билет отсюда, как только доберется до своего ноутбука. Она запрется в своем коттедже, соберет чемодан, съест булочки с травами и выпьет вино на ужин, а утром, первым делом, уберется к черту из Биг-Сура.

К тому времени, когда она вернулась в Риверфолл, она сказала себе, что с ней все в порядке, но правда заключалась в том, что ее сердце дрогнуло от страха, когда ей пришлось притормозить перед поворотом около придорожной закуской. Наблюдал ли он за ней? Знал ли он, что она видела Марию? Она повернула слишком быстро, гравий звякнул о шасси

машины, когда она рванула вверх по склону.

Было ли это не чем иным, как обманом с того момента, как она раскрыла причины своего пребывания здесь? Неужели Габриэль поощрял ее интерес только для того, чтобы выкачать из нее побольше информации?

Она горько рассмеялась над своим неудачным выбором образов, затем притормозила, проезжая мимо гостиницы.

Здесь жила ее мать. В этом доме. С ее отцом, сестрами и Дороти. Ханна поехала дальше, но почувствовала, что ее тянет обратно в гостиницу. Может быть, если бы она оставалась там все это время, то почувствовала бы больше правды, вместо того, чтобы теряться в фантазиях романтических хиппи.

Она припарковалась у коттеджа, но вместо того, чтобы войти внутрь, оставила свои вещи в машине и вернулась по дороге туда, где родилась. Она не вошла внутрь. Она должна, предположила она. Это было как раз во время регистрации заезда, так что некоторые номера, должно быть, были свободны и ждали новых гостей. В одной из этих комнат жила ее семья. Вся ее семья. Отец, две матери, две сестры. И Ханна. Живое доказательство ужасного предательства.

Но она не хотела входить. Она стояла на дорожке рядом с сараем и смотрела на окна.

Ей следовало спросить Марию, как выглядела ее мать. Какой она была раньше. Может быть, если бы она позвонила через несколько недель, Мария захотела бы рассказать ей больше, но сердце Ханны болело оттого, что она наконец нашла кого-то, кто знал ее мать, и забыла спросить.

Была ли Рейн веселой, теплой и беззаботной? Или умный, серьезной и мрачной? А может тихой и грустной?

Имело ли это вообще значение?

Теперь она знала, что со стороны ее отца было много тьмы и беспокойства, которые можно было винить во всех недостатках Ханны. Безусловно, ее дедушка был ненадежным и необузданным. Достаточно беспокойным, чтобы переезжать с места на место, от жены к жене и от веры к вере.

Может быть, ее отец тоже был бы таким, если бы не работал так чертовски усердно всю оставшуюся жизнь, чтобы остепениться и никогда больше не совершать ошибок.

Ханна смотрела в окна в поисках призрака своего прошлого, но никого не видела. Даже горничной не было. Пока не услышала шаги слева от себя и повернулась, чтобы увидеть Джо.

— Вернулась, чтобы еще позадавать? — рявкнул он.

— Нет. Я просто осматриваюсь.

Он буркнул что-то в ответ, хотя не было никаких признаков того, был ли ответ положительным или отрицательным. Но когда он прошел мимо, направляясь к сараю, Ханна поняла, что у нее действительно есть вопрос.

— На самом деле. Если вы не возражаете...?

Он не остановился.

— Я не прекращу работу ради тебя.

Ладно. Она последовала за ним к двери сарая.

— Женщина, с которой вы пришли сюда. Как ее звали?

Он бросил на нее сердитый взгляд, прежде чем повернулся, чтобы повесить гаечный ключ на стену.

— Кора, — ответил он. — Не то чтобы это было твое дело.

Ханна зажмурила глаза, чтобы попытаться остановить шок от ужаса.

— Джо?

— Да?

— Она ушла с Джейкобом?

— Да.

— То есть ты...? Ты ждешь, когда она вернется сюда? Ты поэтому остался?

Его рука замерла на середине сортировки ящика с незакрепленными болтами.

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Просто это...

Господи, как она должна это сказать? И было ли у нее вообще какое-то право? Это может быть неправдой. Это не было проверено. Это была просто история, которая могла быть простым совпадением. Но она чертовски хорошо знала, что это не так.

— Послушай, леди, — сказал он, — Я не собираюсь торчать здесь в ожидании давно потерянной любви. Она явно не вернется.

— Может быть, она бы так и сделала, если бы могла.

Он пожал плечами.

— Может быть. Но я не настолько глуп, чтобы думать, что это может случиться. Уже нет. Это было чертовски давно, и ты тоже ничего здесь не найдешь. Если только ты не ищешь латте или хлеб без глютена. У нас есть и то, и другое в изобилии.

Точно. Он не тосковал по Коре. Он больше не ждал. И она не имела права распространять слухи, не так ли?

Но это было больше, чем просто слух. Она знала, что это так. Она знала это еще до того, как он назвал ей имя Кору.

— Джо.

Он взглянул на нее, прежде чем присел на корточки, чтобы порыться в коробке с рабочими перчатками.

— Что?

— Я кое-что слышала. О Джейкобе. Мой друг помог мне разобраться в здешней истории, и он нашел статью из мексиканской газеты.

Джо хмыкнул.

— Человек, называющий себя Джейкоб Христо, купил там ранчо в 1973 году. Он жил там с тремя женщинами, еще одним мужчиной и ребенком. Все они были найдены мертвыми год спустя.

Джо, казалось, нашел перчатки, которые искал, и встал. Он хлопнул ими по руке.

— В статье говорилось, что одну из женщин звали Кора.

Джо кивнул. Он кивнул, как будто уже знал, но она видела, как краска отхлынула от его шеи и осталась призрачно-белой.

— Другими женщинами были Вайолет и Фрэнсис.

Перчатки снова скользнули в его ладонь, затем он склонил голову.

— Тогда, должно быть, это они.

— Власти заподозрили отравление. Я просто... я подумала, что тебе следует знать.

— Все в порядке.

Но все было не в порядке. Его голова все еще была склонена, по бокам шеи вздулись тугие сухожилия. Она не знала его достаточно хорошо, чтобы протянуть ему руку помощи. Она не могла утешить его.

— Мне жаль, — прошептала она.

Джо снова хмыкнул, и она подумала, что это все, что он мог предложить, но затем он заговорил. Его голос был каменным.

— Я сказал ей, что он опасен. Я повторял ей это снова и снова. Но у него была какая-то власть над ней. И в ее глазах горел огонь. Я не знаю, почему.

— Мне жаль, — повторила Ханна.

— Я надеялся, что она достаточно скоро поумнеет.

— Она бы так и сделала. Будь у нее шанс, я уверена, она бы вернулась.

— Да, — сказал он, но в его голосе не было убежденности.

— Я не уверена, должна ли я была рассказывать тебе все это, но... Я знаю, как это дерьмово, когда тебя оставляют в неизвестности.

— Спасибо, — сказал он. Затем Джо в последний раз хлопнул себя перчатками по руке и поднял глаза, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Спасибо. Я ценю это.

— Всегда пожалуйста.

— Я думал, что от тебя будут одни неприятности, когда ты появился здесь.

— Ха. Нет причин сейчас менять свое мнение.

— С тобой все в порядке. Просто вернула много воспоминаний, и мне это не понравилось.

— Я прошу прощения за это. Но теперь я знаю правду. Я знаю о многоженстве. Я знаю, кто моя мать. Я знаю, что она сбежала после моего рождения и никогда не возвращалась. Так что после сегодняшнего я больше не буду тебе мешать. Я могу продолжать искать ее так же легко из Айовы, как и здесь.

— Так ты собираешься продолжать поиски?

— Я не знаю. Не должна. Но я в некотором роде беспокойная душа.

Он отвернулся. Перчатки теперь были крепко сжаты в его руке, костяшки пальцев побелели.

— Почему? — настаивала она. — Ты знаешь что-то еще? Все, что угодно, поможет. Я имею в виду, я даже не знаю ее настоящего имени. Это не очень хорошо для начала.

Вместо ответа он двинулся к ней, наклонив голову, чтобы она вышла из дверного проема. Он подошел к древнему квадроциклу и сел на водительское сиденье. Очевидно, с него было достаточно разговоров.

Ханна вздохнула, но она не могла винить мужчину, если он хотел побыть один. Он только что узнал, что женщина, которую он любил, была мертва уже несколько десятилетий.

Джо завел двигатель.

— Ты едешь? — прокричал он, перекрывая грохот.

Ханна указала на себя, как будто он мог говорить с кем-то другим. Джо мотнул головой в сторону сиденья, и она забралась внутрь, пытаясь скрыть свою нервозность. Несколько дней назад она бы никуда не пошла с этим мужчиной. Но, черт возьми, если все пойдет наперекосяк, она всегда сможет выпрыгнуть из квадроцикла. Там не было никаких дверей.

Машина рванулась вперед, так что она схватилась за перекладину и держалась изо всех сил. Они не могли ехать со скоростью более двадцати миль в час, но это было больше похоже на пятьдесят, когда они подпрыгивали на колеях и делали повороты. Как только они добрались до главной дороги, ведущей к коттеджам, все оказалось не так уж плохо. Дорога по прямой. Она, вероятно, выживет. Это действительно был не тот путь, которым она хотела

идти.

В какой-то момент во время короткой поездки она предположила, что он подвезет ее обратно в коттедж, чтобы избавиться от своих мыслей. Но вместо того, чтобы повернуть к коттеджам, Джо повернул налево и направился к лугу. Слава Богу, в более медленном темпе.

Он остановился на краю травы и выключил двигатель, погрузив мир во внезапную тишину. Она посмотрела в его сторону, но он просто смотрел вперед, поэтому Ханна тоже посмотрела на луг. Ворона спикировала вниз и исчезла в зелени, оставив только хвосты колышущейся травы позади, чтобы отметить ее продвижение.

— С тобой все будет в порядке? — спросила она, все еще надеясь, что у нее нет причин нервничать.

— Ага. Я в порядке.

Есть надежда, что раз Кора так долго была так далеко, то боль была всего лишь тупым удивлением, а не чем-то острым и ярким.

Джо наконец выбрался из квадроцикла, раскачивая все это в процессе. Ханна подождала, пока дрожь прекратится, прежде чем выйти.

— Пошли, — сказал он.

— Куда мы направляемся?

Не то чтобы она даже ожидала ответа от этого мужчины. Верный себе, он просто пошел через луг.

Ханна огляделась в поисках какого-нибудь свидетеля, но уединенный характер коттеджей работал в обе стороны. Вы не могли бы иметь уединения без изоляции.

На тот случай, если ее откровение сломало его рассудок надвое, она вытащила свой телефон и отправила себе быстрое сообщение в качестве доказательства.

Риверфолл Инн, луг со старым Джо. Ищите мое тело здесь.

Затем она побежала за ним, пробегая по траве и надеясь, что не наступит ни на одну ворону. Он направился в угол и подождал, пока она присоединится к нему там. Задыхаясь, Ханна, прищурившись, смотрела за деревья на руины за ними.

— Старая баня? — спросила она.

— Она похоронена прямо за ней.

— Что? Кто? — он говорил о Коре? Неужели он сошел с ума? Она почувствовала, что он наблюдает, и повернулась, чтобы попытаться оценить выражение его глаз. Она не нашла там никакой угрозы. Только усталость.

— Рейн, — сказал он. — Она не сбежала. Она была здесь все это время.

— Что? — повторила она, в тревоге бросив ему это слово. — О чем ты говоришь?

Он говорил, что убил ее? Ханна сделала шаг назад, но Джо больше даже не смотрел на нее. Он повернулся и уставился на деревья.

— Она мертва? — прошептала Ханна.

— Мертва.

Ее сердцебиение участилось, и она почувствовала головокружение от прилива крови и наполовину оглохла от этого звука. Сможет ли она убежать от него, если он попытается ее схватить?

— Ты... Ты был там?

Она отступила на шаг назад, готовая бежать так быстро, как только могла. Но Джо

просто смотрел на деревья.

— Нет. Меня здесь не было. Я не знаю точно, как это произошло. Она умерла через две недели после рождения ребенка. Я имею в виду, после твоего рождения. Они пытались сказать, что это была родильная горячка, но... ходили слухи.

— Какие... Какие слухи? — она запнулась.

— Яд.

Ханна ахнула, затем прикрыла рот, словно пытаясь сдержать свой ужас. Яд. Точно так же, как и другие.

— Нет. Она убежала. Ты здесь не жил. Ты, должно быть, ошибаешься.

— Я не ошибаюсь. Кора сказала мне. Они не хотели привлекать власти. Не хотели, чтобы полиция что-то вынюхивала. Поэтому они похоронили ее здесь. Я пробрался обратно, чтобы самому увидеть могилу.

— Но... Но Мария сказала...

— Я уверен, что они лгали ей тоже. Она не была одной из них. Не было причин доверять ей.

Все еще прижимая пальцы к приоткрытым губам, Ханна покачала головой. Это не могло быть правдой. Но, конечно, это могло случиться. Она исчезла. Смерть была такой же вероятной причиной, как и любая другая.

— Кто сказал, что это был яд? — настаивала она.

Он пожал плечами.

— Они все шептались об этом. Кора отрицала эту часть, но в ней появилась новая жестокость. Стресс. Страх. Поэтому я подслушал. Люди говорили, что Рейн вообще не болела. Была изношена, да, но в порядке. Однажды утром она просто не проснулась. Ее губы были синими. Глаза широко открыты. Руки все скрючены в когти. Вот и все. Они похоронили ее сразу же.

Ханна продолжала качать головой, пока Джо наконец не вздохнул.

— Просто подумал, что тебе следует знать. С тех пор, как ты дала мне знать о Коре.

Джо начал отступать, и Ханна протянула руку, чтобы остановить его, прежде чем она смогла даже сформулировать мысль.

— Подожди. Ты покажешь мне могилу?

Глупая идея — просить этого мужчину отвести ее дальше в лес, когда всего несколько минут назад она боялась, что он может убить ее. Но ей нужно было увидеть.

Он на мгновение опустил взгляд на ее руку, лежащую на его руке, прежде чем кивнуть.

— Хорошо. Но следи за ядовитым дубом.

Она не знала, как выглядит ядовитый дуб, и ей было все равно. Ее настоящая мать была мертва. Всегда был мертва. И кто-то убил ее.

— Ты знаешь, кто это сделал? — спросила она в спину Джо, когда он скользнул в кусты. Она протиснулась сквозь, не выпуская его из виду.

— Нет, я бы предположил, что кто-то, кто хотел ее смерти. Или, черт возьми, может быть, она сделала это сама. Множество людей пошли этим путем.

Ханна не могла поверить в это. Не сейчас. Эта красивая девушка-хиппи, за которой она гналась, была мертва. Конец.

Она смотрела себе под ноги, высматривая обломки, пока они обходили рушащееся здание. Бревна из красного дерева были наклонены то в одну, то в другую сторону, а крыша из листового металла обрушилась. В открытом дверном проеме виднелись груды коричневых

сосновых иголок и сломанный унитаз.

— В хижинах не было водопровода, — бросил Джо через плечо.

— Им пришлось проделать весь этот путь сюда, чтобы сходить в туалет?

— Здесь уже был источник воды. У Джейкоба не было денег, чтобы переехать. — Джо постучал рукой по заднему углу здания. — Я помогал строить это, когда все только приехали. Честно говоря, мы были рады любому виду душа. Здесь было хорошо в течение нескольких месяцев, даже если бы мне пришлось игнорировать все разговоры об Иисусе.

— Почему люди остались? — спросила Ханна.

Джо протиснулся сквозь заросли незрелых секвой, которые едва достигали восьми футов в высоту, их тонкие ветви легко раздвигались.

— Там были наркотики, — сказал он. — И еда. Место для ночлега. Душ. Друзья останавливались на попутках и оставались на несколько ночей. Черт, это было немного похоже на летний лагерь. Правила появились позже. И сумасшедшее дерьмо после этого.

Он остановился на небольшом возвышении. Ханна присоединилась к нему, чувствуя глухой стук десятков хвойных игл под ногами.

— Там, — сказал он, наклоняя голову вниз по склону к другой группе крошечных секвой. — Мы начали расчищать эту территорию для новых хижин, но так и не закончили.

Ханна спустилась вниз, стараясь не поскользнуться на верхнем слое рыхлого мусора. Она один раз поскользнулась, но снова обрела равновесие. Добравшись до ровной площадки, она огляделась.

— Где?

— Там нет отметки. Она примерно в трех футах перед тобой.

Ханна сделала шаг вперед и остановилась. Мы оставили ее там. Дороти сама это сказала. И все же Ханна не хотела в это верить.

— Ты уверен?

— Я видел перевернутую почву. Они пытались уложить ее и прикрыть листьями и тому подобным, но... Я уверен.

Она поморщилась при мысли о том, что они насыпали грязь на эту бедную девочку. Помогал ли ее отец? Неужели он облил грязью свою восемнадцатилетнюю жену?

Неужели он убил ее? Но нет. С чего бы ему это делать?

Ханна пожалела, что у нее нет цветов. Подношения. Чего-нибудь. Простой деревянный крест мог бы что-то значить для Рейн, даже если бы сама Ханна в него не верила.

Или, может быть, ей следует позвонить в полицию. Позвонить и сказать им, что девушка мертва, и, может быть, ее убили, или, может быть, она сделала это с собой, и, может быть, ее родители все еще ее ищут, и, может быть, у нее даже было настоящее имя.

Ханна провела руками по лицу. Какого черта она вообще начала этот дурацкий поиск? Почему она хотела это знать? Ее сестры были правы. Ей следовало не высовываться, заткнуться к чертовой матери и продолжать жить своей жизнью, как хорошей девушке со Среднего Запада. Она не хотела этого знать, и она не хотела принимать это решение.

Она даже не хотела быть здесь. И ей не нужно было здесь быть. Она могла позвонить в полицию из любого места и в любое время.

Ханна развернулась и зашагала обратно в гору.

— Спасибо, — сказала она, проходя мимо Джо. — Спасибо, что сказал мне правду.

— С тобой все будет в порядке? — крикнул Джо через плечо, когда она пробиралась обратно сквозь деревья, кусты и яд.

— Наверное, нет, — крикнула она, потому что ей следовало остаться там, где она должна была остаться.

Сделать то, что она обещала. Она должна была любить своего мужа, свою работу и свою жизнь так, как другие люди любили свою. Почему, черт возьми, ей этого было недостаточно? Она хотела чего-то другого, но не этого.

Как только она добралась до луга, она побежала к дороге. Выбравшись на тропинку, она набрала скорость и побежала к своему коттеджу. Она ворвалась в дверь и захлопнула ее за собой, затем наклонилась, уперев руки в колени, пытаясь отдышаться. Но ей не хватало воздуха. Она плакала. Всхлипывание. Ее легкие сжались, как будто им нужно было перекрыть кислород, чтобы покончить с паникой.

И она была в панике. Впервые она сделала что-то действительно неправильное. Она посмотрела на грязь, покрывавшую тело ее матери, и просто ушла. Оставила ее там. Случилось что-то ужасное, и Ханна собиралась добавить это ко всем обидам, как и все остальные люди.

Так многие, должно быть, знали. По крайней мере, все взрослые в большом доме. И все они согласились, что жизнь Рейн не стоит того, чтобы из-за нее поднимать шум. Ханна только что приняла такое же решение. Потому что не было никаких сомнений в том, что возникнут проблемы. И впервые в своей жизни Ханна хотела только спокойствия.

Ей нужен был кто-то. Она нуждалась в своем отце. Он был единственной скалой в ее жизни, а теперь даже ее воспоминания о нем рассыпались в прах.

Он был хорошим человеком. Всю свою чертову жизнь она знала это. Ее отец был хорошим, порядочным, трудолюбивым человеком.

Но он не мог быть таким. Он не ушел от любовницы, которая сбежала от него. Он швырнул девушку в грязь и притворился, что ее никогда не было.

Дрожащими руками Ханна бросилась в ванную и схватила полотенце. Даже всхлипывая, она вытирала слезы с лица. Она должна была выбраться отсюда. Должна была вернуться туда, где ей было место. У нее еще не было времени сломаться.

— Прекрати, — приказала она себе. — Остановись. Остановись.

Она на мгновение задержала дыхание, затем глубоко вдохнула. Рыдания стихли. Она взяла себя в руки. Как только она снова смогла видеть, она включила свой ноутбук и поискала утренний рейс домой. Она бы уехала из Биг-Сура в пять утра, если бы ей пришлось. Она бежала так же, как ее отец сорок пять лет назад. И, как и он, она никогда, никогда не вернется.

Она доедала вторую булочку с халапеньо и пила третий бокал вина, когда он постучал. Она сразу поняла, что это он. Кто еще это мог быть?

Если бы Габриэль появился перед стаканом номер два, Ханна, возможно, испугалась бы. Вместо этого она почувствовала только пустой страх в животе, когда уставилась на дверь.

Он не мог войти. Ей просто нужно было переждать его. Ее чемодан был собран, билет забронирован, и она покончила с этим Богом забытым местом. Все, что ей нужно было сделать, это проспаться всю ночь, и она уедет отсюда.

Он постучал еще раз.

Ханна поставила бокал и скрестила руки на груди. На самом деле она не знала, кто он такой. Не могла даже заподозрить его мотивы. Даже сейчас она была единственной, кто знал, что сделала его мама. Что, если бы Мария только притворялась милой старой леди? Что, если бы она позвонила Габриэлю и сказала ему, что Ханна была проблемой? Что, если она действительно знала, что Рейн мертва, и просто пыталась успокоить Ханну?

Ей запоздало пришло в голову, что булочки могут быть отравлены. Если так, то ей уже конец.

Он больше не стучал, но она не могла сказать, ушел он или нет. Ее сердцебиение грохотало, отдаваясь в ушах, так что она ничего не слышала по ту сторону стены.

Вытянув шею, она посмотрела в сторону задней двери. Была ли это тень в окне? Он что, вынюхивал что-то вокруг, искал лазейку? Она несколько раз проверяла этот задний замок, но теперь больше не была уверена. Было ли это безопасно?

Она медленно поднялась на ноги и повернулась, чтобы посмотреть на заднюю стену. Она сделала один осторожный шаг. Пол закрипел. И вдруг его голос прогремел у нее за спиной.

— Ханна?

Она развернулась, поднеся руки ко рту, чтобы сдержать крик. Дверь все еще была закрыта. Он не вламывался в дом.

Он постучал еще раз.

— Ханна?

Уставившись на дверь, она почувствовала, как ее страх начинает превращаться во что-то более твердое.

— Уходи! — крикнула она.

— Ханна, пожалуйста. Я просто хочу сказать, что мне жаль.

— Ты сожалеешь? — выдавила она сквозь стиснутые зубы.

Он был единственное хорошее, что она нашла здесь. Что-то легкое в этом море дерьма.

— Я не знаю, что сказать.

Теперь его голос звучал более приглушенно. Ослабленно.

Она протопала к двери и распахнула ее настежь.

— Как насчет того, чтобы сказать, что ты лжец?

Ее слова прозвучали слишком громко. Она могла это слышать. И она могла видеть это по тому, как он сделал шаг назад и поднял руки вверх.

— Она моя мать, — сказал он, подняв руки вверх, умоляя о понимании.

— Так ты решил подшутить надо мной и посмотреть, что я знаю?

— Нет. Все было совсем не так.

— Ты лгал мне все это время. Как... как какой-то интриган-псих!

— Это неправда. Клянусь, это неправда. Прошлой ночью я впервые понял, что она замешана в этом деле.

— Прошлой ночью. Когда я показала тебе свидетельство о рождении. До того, как мы занялись сексом.

Габриэль поморщился.

— Да.

Она вышла, положила руки ему на грудь и толкнула его. Сильно.

— Какого черта, Габриэль?

Девушка снова толкнула. Он едва пошевелился под ее руками, но отступил с небольшой площадки.

— Мне жаль. Мы можем просто поговорить?

— Ты не войдешь в мою комнату. Ты подонок.

Он снова поморщился, но кивнул.

— Тогда мы поговорим здесь.

Мужчина опустился на ступеньку, наблюдая за ней большими карими щенячьими глазами.

Ханна огляделась, наполовину надеясь, что вдруг все это увидит много соседей. Но здесь никого не было. Только постоянное присутствие реки, разбивающейся о камни и корни где-то в лесу. Серый свет становился голубым, невидимое солнце исчезало где-то над морем.

— Мое полное имя Габриэль Антонио Кабрильо Диас.

Она скрестила руки на груди и ничего не ответила.

— Она вела себя странно из-за всего этого, — объяснил он. — Торопясь увильнуть от моих вопросов. Я думал, это было осуждением. Этого всего. Отвращение к странностям хиппи и всему подобному. Она все время предупреждала нас, когда мы были детьми, чтобы мы держались от них подальше. Я думал, именно поэтому она не хотела говорить.

— А затем?

— Затем ты показала мне свидетельство о рождении.

— И ты притворился, что не знаешь, кто она такая.

Он кивнул.

— Она моя мать, Ханна. Чего ты ожидала от меня?

— Я ожидала, что ты не будешь спать со мной только для того, чтобы присматривать за мной и выяснить, представляю ли я угрозу.

— Это не то, что произошло.

— О, брось, Габриэль. Ты просто внезапно нашел меня неотразимой?

— Да, — сказал он. — Нет. Я не знаю. Я был в стрессе...

— Да, неудивительно, что тебе понадобилась сигарета.

— Мне было жаль тебя. Я хотел помочь, но... Черт, Ханна. Это просто случилось и все, хорошо?

— Почему ты попросил меня остаться на ночь?

— Я не знаю.

Она фыркнула.

— Я серьезно! Это не было подлостью. Я просто хотел, чтобы ты провела у меня ночь. Вот и все.

— Ты хотел держать меня подальше от своей мамы.

Он запрокинул голову и уставился в небо. Покачал головой. Избегал ее взгляда.

— Это неправда.

— Ты хотел задать еще несколько вопросов.

— Хорошо, это может быть правдой. Но я спал с тобой не поэтому.

Она крепче скрестила руки на груди, когда дрожь пробежала по ее телу.

— Тогда почему ты это сделал?

Он вскинул руки и, наконец, встретился с ней взглядом.

— Потому что ты мне понравилась с того момента, как ты села за мой бар! Потому что ты была сильной и горячей, и это все казалось тем, в чем мы оба нуждались. Вот почему!

Ханна закатила глаза.

— Давай. Ты тоже хотела переспать со мной. Ты знала, кем была моя мама, и разыгрывала меня, чтобы получить дополнительную информацию?

Она ахнула.

— Нет!

— Тогда почему ты думаешь, что моя мотивация была иной? Нас тянуло друг к другу. Вот о чем была прошлая ночь. Вот и все.

Она слишком устала, чтобы сдерживать гнев. Он начал таять, оставляя небольшую пустоту в ее груди. Слишком опустошенная, чтобы продолжать бороться, Ханна позволила своим ногам подогнуться и, наконец, села рядом с ним.

— Мне жаль, — снова сказал он. — Мне жаль, что я не был правдив. Но она была напугана, а я не видел ее напуганной много раз в своей жизни. Я хотел защитить ее.

— Ты имеешь право хранить секреты своей матери. Я это понимаю.

— Она позвонила мне после того, как ты ушла из ее дома. Она рассказала мне о твоей маме. О тебе.

Ее плечи поникли. Она уронила голову на руки и принялась баюкать ее тяжесть.

— Я не собираюсь втягивать ее в неприятности, если это то, о чем ты беспокоишься.

Она мне и это сказала.

— Ладно. Я принимаю твои извинения.

Ханна уставилась на свои ботинки, на сухие коричневые листья и иголки под ними. Он был более предан своей матери. Конечно, он был. Так почему же она чувствовала себя такой обманутой?

— Прости, что я толкнула тебя.

— Все в порядке.

— Я не знаю. Я просто хотела, чтобы ты был чем-то хорошим во всем этом. Только не еще одна ужасная ложь.

— Прошлая ночь не была обманом.

— Все ложь, — сказала она, в ужасе, даже когда мелодраматические слова слетели с ее губ. Но они были правдой, не так ли?

— Ты собираешься продолжать ее искать? — спросил Габриэль.

Она попыталась сдержать смех.

— Нет. Я определенно закончила поиски.

— Я уверена, что моя мама была бы счастлива...

— Нет, — перебила она. — Я завтра уезжаю. Мне нужно вернуться домой.

— Ох.

Свет померк, когда она уставилась в землю. Габриэль все еще был рядом с ней. Терпеливый. Он ей нравился. Он ей действительно нравился. Но ей казалось, что она уже за много миль отсюда.

Его рука легонько толкнула ее в плечо.

— Приходи в придорожную закусочную. Позволь мне хотя бы накормить тебя.

— Я уже поела.

— Я действительно не хочу, чтобы это все закончилось на плохой ноте.

На этот раз она не пыталась подавить смех.

— Я боюсь, что это единственный способ закончить эту историю. Это не твоя вина. Просто так оно и есть. Но мне жаль, что я втянула тебя в это.

— Мне не жаль.

Ее улыбка была лишь немного горькой, когда она, наконец, подняла голову.

— Секс был довольно хорош.

— Довольно хорош? — он прижал руку к сердцу. — Способ задеть мужское самолюбие.

Горечь исчезла, и она потянулась, чтобы притянуть его к себе для поцелуя. Поцелуй был простой, добрый. Как раз то, что ей было нужно.

— Спасибо тебе, — прошептала она, — за то, что заставил меня смеяться.

Он снова поцеловал ее.

— В любое время. Я серьезно. Ты знаешь, где я.

— Ты, наверное, каждую неделю принимаешь нового бездомного.

— Нет, — тихо сказал он. — Не принимаю.

Когда она отпустила его, он кивнул и встал, его рот был плоским и мрачным.

— Береги себя. И возвращайся как-нибудь.

Она улыбнулась, но это тоже было ложью. Она никогда не вернется сюда.

Как только он ушел, Ханна зажгла последний огонь в яме для костра. Она допила последнюю бутылку вина и сидела, уставившись в огонь, пока он не раскалился докрасна и не лизнул самое высокое полено.

Затем она опустила свое свидетельство о рождении. Копии документов. Газетные распечатки. Записки, которые она принесла из дома. Ей хотелось бы, чтобы она могла бросить туда и свои воспоминания тоже. Забыть все, что она узнала.

Так как она не могла их сжечь, она их запихивала внутрь. Запирала их. Как сделал бы любой хороший житель Среднего Запада.

Дождь был безликим, бесформенным, безымянным. Прах к праху. И Ханна собиралась домой.

ДОМ

Ханна нервно постукивала мешалкой для кофе по кружке, тук, тук, тук, как будто направляла Джеффа. Неужели он был так нужен ей здесь, что она не могла спокойно подождать? Может быть, потому, что она была такой же суетливой, как пятилетний ребенок, но она изо всех сил старалась не почесать зудящую сыпь ядовитого дуба на левом предплечье.

Она бы предпочла встретиться с ним в баре, но он вел вечерние занятия и после этого должен был вернуться в кампус. Когда они встречались, она могла бы очаровать его бокалом вина перед уроком, но они больше не были достаточно близки для флирта. Странно, что люди могут быть такими далекими после стольких лет, проведенных в одной постели.

Поздняя встреча с ее бывшим боссом прошла хорошо, хотя ей пришлось извиниться за то, что она надела джинсы и кожаную куртку, от которой пахло древесным дымом. Он выглядел так, словно потерял дюйм волос с тех пор, как она уехала, и был откровенен по поводу предложения. Он пытался собрать пару старых команд. Некоторые из их наиболее важных клиентов были недовольны более низким уровнем обслуживания, которое они получали. Новый генеральный директор намеревался сократить расходы, уволив самых высокооплачиваемых сотрудников; вместо этого он собирается теперь потерять крупных клиентов.

Ханна еще не согласилась на эту работу, но предполагала, что скажет «да» в течение пары дней.

Город приготовил для нее свою лучшую погоду. Ее не одурачили. Она знала, что они только что вышли из четырехдневной грозы. Но Боже, улицы были чистыми, а озеро приветливо сверкало. Она была далеко от Биг-Сура и чертовски рада этому.

Это уже было похоже на сон. Она выскользнула оттуда в темноте раннего утра, так что у нее не осталось последних воспоминаний о гостинице или побережье, которые она могла бы забрать с собой. Она проехала весь путь до Сан-Хосе, прежде чем остановилась позавтракать и выпить кофе. Она выбрала «Старбакс», чтобы быть уверенной, что не будет никаких визуальных признаков того, что она все еще в Калифорнии.

Если бы она очень постаралась, может быть, ей удалось бы притвориться, что она не знала о могиле. О теле. О смерти. Может быть, в конце концов, она поверит, что это не ее ответственность и что на этот раз побег был правильным поступком. Но сейчас она сосредоточится на исправлении старых ошибок. Свежие могут подождать.

Дверь маленькой кофейни открылась, и голова Ханны дернулась по стойке смирно, как и при каждом шорохе этой двери. На этот раз она была вознаграждена видом входящего Джеффа. На нем был свитер с V-образным вырезом, который она не узнала. Он побрился. И улыбнулся, когда увидел ее.

С учащенным пульсом Ханна вскочила на ноги, а затем зависла там, не зная, как его поприветствовать. Ей хотелось обнять его. Потому что она по нему скучала. Потому что он помог ей. Но это не означало, что он чувствовал по отношению к ней тепло и уют.

Однако ее руки сами собой раскрылись, и Джефф в ответ тоже раскрыл свои, а затем крепко обнял Ханну. Ее голова уткнулась ему в подбородок, как всегда, когда они

обнимались. Она закрыла глаза и прислушалась к его сердцебиению.

— Спасибо, — сказала она, когда отстранилась.

— Пустяки, — ответил он. — Как у тебя дела?

— Я не знаю, честно.

Официантка подошла, чтобы принять его заказ на кофе, и Ханна воспользовалась возможностью изучить его лицо. Он хорошо выглядел. Немного более загорелый, чем обычно, как будто вернулся к бегу после разрыва. Это было то, что он делал каждую весну, прежде чем сдать в летнюю жару.

Он устроился в кресле и встретился с ней взглядом.

— Все еще не оправилась?

— Да.

— Это займет время, чтобы все обдумать.

Он не знал всей правды. Она хотела сказать ему. Хотела разделить это бремя. Но ей также придется разделить вину. Что, если он скажет ей, что она должна сообщить властям? Что, если она никогда не будет готова к этому?

Он протянул руку, чтобы погладить Ханну по руке.

— Я ищу больше в Мексике. Я дам тебе знать, как что-то найду.

— Все в порядке, — быстро сказала она. — Я подтвердила, что одну из женщин, которые были с ним, звали Кора. Я уверена, что могла бы где-нибудь найти свидетельство о браке, чтобы подтвердить имя моей бабушки, но... Я знаю, что Джейкоб Христо был Джейкобом Смитом. У меня нет никаких сомнений.

Он кивнул. Очевидно, он пришел к такому же выводу.

— Боже, — фыркнула она. — Какой странный мир.

— Люди тянутся к странным вещам, когда общество находится в движении.

Официантка принесла ему тройной эспрессо, и Ханна поморщилась. Когда Джефф поднял глаза, они оба улыбнулись. Он всегда мог пить кофеин поздно вечером и никогда не испытывал проблем со сном. Но каждый раз она была убеждена, что этот раз будет катастрофическим.

Ханна подняла обе руки.

— Пей до дна. Я уверена, что с тобой все будет в порядке.

— Мне нужно закончить трехчасовую лекцию!

— Тогда лучше возьми другую.

Он звякнул своей чашкой об ее латте без кофеина.

— Добро пожаловать обратно в Чикаго.

— Спасибо. Моя встреча прошла хорошо.

— Какая встреча?

Ханна на мгновение затаила дыхание.

— Мне предложили мою старую должность.

Брови Джеффа взлетели высоко.

— Ух ты. Я думал, ты с этим покончила.

— Я тоже так думала. Но решила, что, возможно, у меня есть еще дела.

Она говорила о работе, но это было не все, что она имела в виду. Она пристально посмотрела на Джеффа, но он только отхлебнул эспрессо и кивнул.

— Это здорово. Ты согласилась?

— Еще нет.

— Что ж, поздравляю с предложением, несмотря ни на что.

Она знала, что он говорит серьезно, но в его словах была крошечная резкость. Напоминание о том, что он попросил половину ее расчетных денег. Теперь она была здесь, говорила о том, чтобы заработать больше денег, и все еще злилась, что он хотел того, что она имела.

Ханна прочистила горло.

— Как твой брат? — спросила она. — Я видела несколько свадебных фотографий.

Джефф улыбнулся.

— Дэн замечательно. Действительно здорово. На самом деле, Алиша беременна.

— Это потрясающе! — радостно сказала Ханна, ее пустой ответ на любую новость о беременности. Но для Джеффа он не был пустым. Он радостно ухмыльнулся.

— Да, это замечательно. Он так близко, что я буду очень причастен. Алиша должна родить в сентябре. Этим летом я собираюсь помочь им отремонтировать солярий. Превратить его в семейную комнату. Их дом немного тесноват для всего этого детского снаряжения. Не могу дождаться.

Он был почти так же взволнован, когда у одного из его друзей в последний раз был ребенок, но теперь в его глазах появилась новая искра. Его единственными племянницами и племянниками были родственники Ханна. Он потерял их во время развода. И хотя он был почти так же неловок со старшими детьми, как Ханна, он все равно отлично с ними ладил.

— Знаешь, для тебя еще не слишком поздно, — она не была уверена, почему сказала это. В качестве испытания или, может быть, в качестве искреннего желания для него. Но после того, как она заговорила, ее внутренности сжались в болезненный узел.

Джефф потягивал свой эспрессо без малейшего намека на напряжение в плечах. Если это был тест, он не беспокоился об оценке.

— Да, — он медленно поставил кофе на стол. — Я и сам думал об этом в последнее время. Может быть, для меня еще не слишком поздно.

И вот так просто она поняла. Между ними все было кончено. Действительно, действительно все кончено.

Все ее мысли о том, хочет ли она, чтобы он вернулся, или ей следовало дать шанс материнству... все они вылетели из окна той кофейни и взлетели в ярко-голубое небо над городом. Она действительно выглянула наружу, как будто могла видеть, как они исчезают.

Дело было не только в том, что она отказалась от отношений. Он тоже отказался. Несмотря на все его заверения и обещания, он тоже не был доволен их браком.

Она чуть не рассмеялась. Она почти откинула голову назад и позволила горькому юмору вырваться наружу, но если бы она это сделала, ее смех превратился бы в слезы. Не сладкие или грустные слезы. Но усталые, злые, яростные слезы.

Джеффу нравилось быть женатым. Он хотел детей. И он любил Ханну. Это было ее самым большим преступлением. Позволить Джеффу влюбиться в нее. И позволить им обоим поверить, что любви будет достаточно.

Он уговорил ее выйти замуж не потому, что это было правильно для нее, а потому, что это было правильно для него. Когда он уверял ее, что никогда так сильно не заботился о том, чтобы иметь детей, может быть, он и имел это в виду. Или, может быть, он надеялся, что она привыкнет к браку и станет немного мягче. Более заботливой. Менее эгоистичной.

Но в том-то и дело. Это была чертова гигантская сверкающая штука прямо посреди комнаты. Ханна всю свою чертову жизнь мучилась из-за того, что была эгоисткой. Желая

жить так, как она этого хотела. Нуждаясь в том, в чем она нуждалась.

Значит, она была эгоисткой. Как и все остальные.

Джефф хотел жениться, и он получил это. Ее сестры хотели мужей, детей и дома, и они их получили. Да, они вкладывали много заботы в жизнь других людей, но они делали это, потому что хотели этого. Потому что забота о других делала их счастливыми и удовлетворенными. Они процветали на этом, а Ханна — нет.

Она пыталась сказать это Джеффу с самого начала. Этот брак напугал ее. Что у нее ничего не получится, даже если бы она любила его. Но ее страхи не отговорили его от того, чего он хотел.

Джефф начал рассказывать о планах на солярий Дэна, и Ханна позволила ему говорить, но она почти не слушала.

Что она здесь делала? Хотела ли она вернуть этого мужчину, или просто боялась своего желания остаться одной? Она могла вернуться в Чикаго, не возвращаясь к нему. Может быть, они могли бы стать друзьями. Она могла бы издалека наблюдать, как он снова женится, заведет ребенка, живет так, как хочет.

Боль пронзила ее сердце при этой мысли, но это была не смертельная рана. Это было всего лишь облегчение ноющего давления. Она ушла от него. Убежала. Но, может быть, она действительно была готова отпустить его.

Она любила его. И они не подходили друг другу. Она попробовала сделать так, как он хочет. Теперь она попробует сделать так, как хочет она.

Джефф погрузился в молчание, достаточно хорошо знакомый с ее настроением, чтобы понять, что она его не слушает. Она извиняюще улыбнулась.

— Прости. Это была долгая неделя.

— Я понимаю.

— Знаю, что я была той, кто прервал наше общение, и я не должна была связываться с тобой, но... Я рада, что сделала это. И я рада, что ты дал мне шанс.

— Я не ненавижу тебя, — сказал он, и глаза Ханны наполнились слезами.

— Тоже это знаю. Правда знаю. Но спасибо тебе за то, что ты это сказал.

Джефф взял ее за руку, и она на мгновение крепко сжала ее, крепко сдерживая. Ей хотелось обогнуть стол, свернуться калачиком у него на коленях и позволить ему обнять ее, но когда его другая рука обхватила ее пальцы и сжала ее руку, она согласилась на это. По крайней мере, это было утешением.

— Я думаю, это было хорошо, — наконец сказал он. — Если ты вернешься в Чикаго, мы могли бы встречаться повсюду. Это не должно быть так чертовски неловко.

Нет. Так не должно быть.

— Мы должны все уладить, — предложила она, высвобождая свои пальцы из его. — Ты можешь двигаться дальше.

Он не стал возражать. Наконец-то он был готов.

— Я не могу отдать тебе половину, Джефф. Это мои деньги. Я усердно работала ради этого. Я даже не получила этого предложения об урегулировании, пока мы уже не расстались! У тебя есть свои собственные деньги, своя собственная карьера.

— Да. Но я тоже усердно работал ради твоей карьеры. Переезд в Чикаго...

— Ты тоже хотел быть здесь.

— Да, но я от многого отказался.

— Теперь ты здесь на постоянной основе. Все получилось прекрасно!

— Жить здесь чертовски дорого. И я бы получил должность пять лет назад, если бы мы не переехали, чтобы ты могла получить работу своей мечты. Я мог бы заработать чертовски намного больше. Потребовалось время, чтобы написать еще одну книгу. Мы приехали сюда ради тебя.

Это было не совсем правдой. Джефф влюбился в Чикаго во время ее собеседования. Он настоял, чтобы они посмотрели квартиры еще до того, как она получила свое предложение. Он провел свое время в своем старом колледже, но он ненавидел это место.

Она могла бы высказать все эти соображения. Неделю назад она бы так и сделала.

Но он тоже был прав. Он пожертвовал собой. Для нее.

— Половина расчетных, — предложила она. — Хорошо. Но только четверть пенсионных. Ничего из частного накопительного фонда. У тебя есть пенсия, а мне нужны мои пенсионные сбережения.

Он склонил голову набок. Долго наблюдал за ней.

— Пожалуйста, — добавила Ханна.

Наконец, он кивнул.

— Хорошо. Половина расчетных. Четверть пенсионных. Я приму это.

Она протянула руку для рукопожатия, и они оба притворились, что ее рука не дрожит. Все было кончено. Действительно кончено. И, несмотря на ее решимость, ей было немного трудно отпустить его.

— Все в порядке, — сказал Джефф.

Ханна кивнула и, наконец, позволила своей руке соскользнуть.

— Так и есть.

— Дай мне знать, когда вернешься.

Джефф уже собирал свои вещи. Он допил остатки эспрессо и встал.

— Я так и сделаю. И дай мне знать, когда родится ребенок твоего брата. Я пришлю свой обычный подарок.

— Бутылку хорошего виски?

— Ты правильно понял.

Смеясь, он положил десятку и помахал на прощание. В нескольких футах от стола он обернулся.

— Если ты решишь разыскать свою маму, напиши мне. Я буду рад помочь, если смогу.

Она заставила себя улыбнуться, но слишком хорошо понимала, что их совместная жизнь заканчивается ложью, и опустила глаза, прежде чем он смог увидеть это в ее глазах. Оказавшись снаружи, он снова помахал ей с другой стороны стекла, и Ханна помахала в ответ.

Он выглядел облегченным, когда уходил. Скорее всего, он уже встречался с кем-то. Может быть, он встретил кого-то, кто был так же взволнован ребенком своего брата, как и он сам. Кого-то более мягкого и милого, чем Ханна когда-либо могла быть.

Она отодвинула остатки кофе, вытерла влажные щеки и вышла.

На самом деле ей некуда было идти. Она могла бы посмотреть квартиры. Прогуляться по своему старому району и посмотреть, что там было. Но Джефф все еще был в этом районе. Может быть, ей удастся найти что-нибудь поближе к озеру. Она узнала правду, и пришло время вернуться к остальной части своей жизни. Но каким-то образом Ханна обнаружила, что бесцельно бродит в течение трех часов, прежде чем наконец поняла, куда ей идти.

Еще одна арендованная машина. Еще одно шоссе. Но здесь небо было ослепительно четкого голубого оттенка, а у облаков были острые края, которые не намекали ни на какую опасность.

Наконец-то Ханна почувствовала себя как дома.

Она проехала прямо к нему, не в силах сидеть спокойно и ждать утреннего рейса в Де-Мойн. Ей нужно было переехать, поэтому она взяла напрокат машину и ехала всю ночь, чтобы вернуться в Косвелл.

Ее собственная машина все еще стояла на долгосрочной парковке в Де-Мойне после ее первоначальной поездки. Ханне нужно будет проехать девяносто минут позже, чтобы вернуть эту машину и забрать свою собственную. Но сначала ей нужно было сделать более важные дела.

Ей удалось поспать пять часов, как только она подъехала к своему темному, тихому дому, но она чувствовала себя так, как будто спасла все десять.

Впервые за очень долгое время она почувствовала уверенность в том, кто она и что делает. Больше не руководствуясь чистым страхом, она не сжимала руль и не ждала предстоящую встречу со страхом. Она была готова взять это на себя.

Добравшись до центра по уходу, Ханна взяла книгу с пассажирского сиденья и вошла внутрь. Любимый роман ее матери. Ханна уже дважды читала ей его вслух, прежде чем притворилась, что потеряла его, не в силах больше выносить сладкую семейную сагу. Она предпочитала свои романы с сексом и, возможно, несколькими перестрелками. Но это больше не касалось ее. Этого никогда не должно было быть. Ее мать умирала и боялась.

— Привет, Ханна! — удивленно воскликнула медсестра, когда Ханна приблизилась к месту.

— Доброе утро, Тоня!

— Я не ожидала тебя сегодня. Я думала, Бекки сказала, что она будет сегодня днем.

— Ну, я вернулась из своей поездки, так что ты застряла теперь со мной, — она подмигнула, и они обе рассмеялись. Ханна помахала другой медсестре дальше по коридору, когда открыла дверь своей матери.

Это был хороший день. Ханна сразу это поняла. Дороти улыбнулась, подняв голову, хотя ее глаза не загорелись от узнавания. Тем не менее, улыбка была хорошей. Ханна улыбнулась в ответ.

— Привет, мам.

— Привет! Какая на тебе прелестная юбка.

— Спасибо.

Ханна посмотрела вниз на белую юбку макси, которую носила. Устав от джинсов и ботинок после Калифорнии, сегодня она надела юбку, сандалии и струящийся голубой топ.

— Ты и сама сегодня прекрасно выглядишь, — сказала она Дороти, хотя ее платье было поношенным зеленым, которое Ханна видела сотни раз. — Я принесла книгу, чтобы мы могли почитать.

Она подняла роман, и Дороти просияла.

— О боже! Это мой любимый! Я не читала его уже много лет.

— Да, маленькая птичка сказала мне, что это твое любимое произведение. Я подумала,

что мы могли бы прочитать пару глав сегодня.

— Это было бы чудесно!

Ханна придвинула стул поближе к Дороти и похлопала ее по руке. Вместо того, чтобы отстраниться, Дороти улыбнулась.

— Как тебя зовут, дорогая? — спросила она.

Ханна продолжала улыбаться. Обманывать ее мать не было смысла. Она не хотела быть жестокой. Она не хотела потакать какой-то болезненной фантазии. Но ей нужно было положить этому конец для всех них. Чтобы подтвердить ее худшие подозрения или развеять их.

Она взяла мать за руку обеими руками и нежно обняла ее.

— Я Рейн, — сказала Ханна и увидела, как глаза Дороти затрепетали.

— К-кто? — тихо выкрикнула она.

— Рейн. Из Биг-Сура. Со Скалы Джейкоба.

— Ох, но... — Дороти убрала руку и прижала ее к груди. — Но этого не может быть.

— Но это так. Я услышала, что ты заболела, и пришла навестить тебя.

— Рейн? — прошептала Дороти.

Ее тонкие веки снова задрожали, а лицо побледнело.

— Все верно, — сказала Ханна успокаивающим голосом. — Прошло много времени, но я пришла, чтобы помочь позаботиться о тебе. Мы всегда заботились друг о друге, не так ли, Дороти?

Глаза ее матери наполнились слезами. На этот раз, когда веки Дороти затрепетали, две крупные капли скатились по щекам. Ее подбородок задрожал.

— Но, Рейн? Я думала, ты мертва.

— Нет, я не мертва.

— Они сказали мне, что ты мертва!

Ханна покачала головой.

— Я долго болела, но сейчас в порядке. Прямо как дождь (прим.: имя Рейн в переводе с англ. означает «дождь»).

Она поняла шутку, как только произнесла ее, и рассмеялась.

Дрожащая улыбка появилась на лице Дороти.

— В самом деле? С тобой все в порядке?

— Со мной все хорошо. Разве я не выгляжу хорошо?

— О! — Дороти ахнула, а затем с поразительной быстротой схватила Ханну за руку. — О, я так рада! Я не хотела причинить тебе боль. Не совсем.

Ханна глубоко вздохнула. Она держала мать за руку и чувствовала, как тяжесть правды окутывает ее, как удушающее одеяло.

Она знала это. Она действительно это сделала. В конце концов, кто был единственным человеком, который хотел бы смерти Рейн? Она знала это, но, услышав это, все равно наполнила свое тело железом и попыталась свалить ее.

— Яд? — ей удалось выдохнуть.

— О, Рейн, — руки Дороти дрожали вокруг рук Ханны. — Мне жаль. Все это было так неправильно. Я знала, что все это неправильно. Ты грешила, и я просто должна была заставить тебя остановиться.

Ханна с трудом сглотнула.

— Я не хотела, чтобы ты отправилась в ад. Я хотела спасти тебя от этого! Я рассказала

об этом Питеру. Я объяснила. Он сказал, что это его вина. Он не должен был ставить нас в такое положение. Он сказал, что похоронил тебя!

Ханна переплела свои пальцы с пальцами матери.

— Нет. Все это было ошибкой.

— Рейн, я так рада! Мне не следовало этого делать. Я просто хотела, чтобы это прекратилось. Это все. Этот человек не был Богом. Он был дьяволом.

— Ты права. Он не был хорошим человеком.

— Да, не был. Питер сказал, что мы можем уйти. Что мы оставим все это позади. Но он сказал, что мы никогда больше не сможем говорить об этом. Он сказал, что это его вина, что это он подвел нас. О, Рейн, ему было так жаль. Так жаль нас обеих.

— В отличие от его отца.

— Да, в отличие от его отца. Питер увидел это тогда. Он увидел, что все это было грехом и злом, и мы ушли. Но мы оставили тебя там. О, Рейн, мне так жаль. Мне жаль, что я причинила тебе боль.

Теперь Дороти глубоко плакала, склонившись над руками Ханны.

Ханна высвободилась и подалась вперед, чтобы обнять ее.

— Все в порядке, Дороти. Теперь все в порядке.

Эта женщина убила настоящую мать Ханны. Набросилась в бессмысленном гневе и отчаянии и отняла жизнь у молодой девушки. Но эта женщина также Ханну и вырастила. Любила ее. Сделал ее той, кем она была.

Все это время Ханна полагала, что ее родители были идеальными, простыми душами, которые каким-то образом умудрились попасть в водоворот ребенка. Затем она убедила себя, что вся ее дикость исходила от безликой женщины, которая родила ее. Но правда заключалась в том, что Ханна происходила от всех них.

Все они были жертвами и преступниками. Все это вносило что-то темное и сложное в душу Ханны. Но то, что они пережили, было не более темным и сложным, чем то, что каждый из них лелеял в своих сердцах.

— Все в порядке, — снова прошептала она, поглаживая мягкие пряди седеющих кудрей Дороти. — Теперь я здесь.

— Прости меня, Рейн, — всхлипнула ее мать. — Мне жаль.

— Тихо тихо, я знаю.

— Я просто хотела, чтобы это прекратилось.

— Я знаю.

Вот кем она была. Дочерью потерянного ребенка. Дочерью глубоко порочного мужчины. Дочерью убийцы.

Но кем она стала теперь, зависело только от нее.

Ханна крепко прижала Дороти к себе. Укачивала ее. Погладила по волосам. Дороти наконец успокоилась, и ее покрасневшие глаза прошли по комнате, как будто она не была уверена, что произошло или почему она была расстроена.

— Почему бы тебе не прилечь ненадолго? — предложила Ханна. — Я почитаю тебе.

— Да, я хочу прилечь, — она бросила на Ханну подозрительный взгляд: мысль о том, что она Рейн, уже потеряна. Может быть, на этот раз она потеряла ее нарочно. Это было прекрасно. Ханна никогда больше не поднимет эту тему.

Ханна помогла ей лечь в постель, слегка приподняв ее голову и укрыв легким одеялом. Она прочитала первые две главы, хотя Дороти заснула уже на первых пяти страницах. Затем

она поцеловала маму в бесцветный лоб и взяла телефон с собой в сад.

— Я вернулась, — сказала она, как только Бекки ответила на звонок.

— Вернулась куда? — спросила ее сестра.

— Вернулся в Косвелл. Так что тебе не нужно сегодня ехать и сидеть с мамой. Я здесь.

— Что? Ты только что вернулась? Я думала, ты все еще в Калифорнии!

— Я прилетела в Чикаго, чтобы кое-что уладить прошлой ночью, но сейчас я дома.

— Чикаго? Что ты там делала?

— Ничего, — ответила Ханна.

Совсем ничего. Сегодня утром она первым делом отказалась от работы. Затем она поручила своему адвокату составить соглашение о разводе. В Чикаго она была не нужна. Она была нужна здесь.

— Ну... — она почти слышала, как Бекки качает головой. — Что, черт возьми, произошло?

Моя настоящая мать была второй женой папы. Они были многоженцами. Мы все жили вместе, одна большая семья в маленькой комнате. После моего рождения мама убила мою настоящую мать, а папа похоронил ее в лесу за туалетами. Затем мы сбежали, прежде чем наш дедушка смог уговорить нас выпить яд. Довольно стандартные вещи.

Это было то, с чем Ханне нужно жить всю оставшуюся жизнь. Но она, наконец, усвоила свой урок. У каждого была своя ноша. Ей не нужно было заставлять своих близких чувствовать ее боль, чтобы сделать ее реальной. Это было реально, даже если она никогда не говорила об этом ни одной живой душе. Это что-то значило, даже если она никогда не набрасывалась, не сопротивлялась и не бунтовала.

Ей не нужно было делиться этим. И она не могла от всего этого скрыться. Это принадлежало ей навсегда.

— Ханна? — спросила Бекки со страхом в голосе. — Что случилось?

Ханна изобразила улыбку для своей сестры, хотя ее там не было.

— Не так уж много всего. У них там была церковь, и папа, должно быть, слишком увлекся попытками спасти несколько душ, вот и все. Моя настоящая мать была девушкой-хиппи, которая ушла после моего рождения. Конец.

Бекки вздохнула.

— Боже мой. Мне кажется, это должно быть правдой, но... Папа? Я не могу представить, чтобы он сделал что-то настолько безумное.

— Да, это довольно странно.

— И мама! Она просто приняла тебя как своего собственного ребенка? Эта женщина — святая.

— Да, так и есть, — согласилась Ханна, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более непринужденно.

— Так ты собираешься продолжать искать свою мать? Я знаю, мы с Рейчел отговаривали тебя, но я думала об этом и...

— Нет, — перебила Ханна. — Нет, я даже не знаю ее настоящего имени. Она может быть где угодно. Я закончила поиски.

— Ух ты. Просто... вау. Я имею в виду... Боже, ты в порядке?

— Я в порядке. Просто устала. Ты дашь знать Рейчел?

— Ханна, ты должна позвонить ей сама. Тебе нужно поговорить.

Им действительно нужно было поговорить. Ей нужно было снова узнать свою старшую

сестру. Или, может быть, познакомиться с нейв первый раз, без чувства неполноценности или чужеродности.

— Я позвоню ей завтра, хорошо? Мне нужно устроиться сегодня.

— Может быть, нам стоит приехать на эти выходные, — предложила Бекки. —

Устроить сестринские посиделки.

Закрыв глаза, Ханна кивнула.

— Это было бы здорово. Я люблю тебя, Бекс.

— Я тоже тебя люблю.

Ханна убрала телефон и вернулась внутрь. Табло находилось по эту сторону поста медсестер. Самодельная вывеска и банка с просьбой о пожертвованиях для маленькой Оливии Дженсен. Ханна остановилась.

— Тоня? Вы знаете, кто родители Оливии Дженсен?

— Уиллис и Пэтти. Пэтти — моя троюродная сестра. Они думают, что есть хороший шанс, что это лечение поможет, но этот бедный ребенок совсем измучен. Они все измучены.

— Мне так жаль, — Ханна знала, кто такой Уиллис Дженсен, но он на несколько лет отстал от нее в школе. Ханна сунула пару купюр в банку. — Я не сильна во многих вещах, но я отлично разбираюсь в бухгалтерском учете. Не могли бы вы сообщить Пэтти, что я буду рада помочь разобраться с отчетностью и налогами для них, когда придет время?

— Это так любезно! Спасибо! Я дам им знать.

— Хорошо. Ты знаешь, где меня найти.

Ханна вернулась в комнату матери. Она села в кресло рядом с кроватью и пролистала любимую книгу своей мамы. И, наконец, она не была беспокойной. Она не была неуместна. Она знала, кто она такая. Она была женщиной, которая заботилась о своей умирающей маме. Это казалось неестественным, но это не означало, что это было неправильно. И это не означало, что она не могла этого сделать.

Всю свою жизнь она думала, что любит людей неправильно. Она была не той дочерью, сестрой, подругой, женой. У нее не было других женских дарований. Она просто была такой другой. Но прямо сейчас она чувствовала себя прекрасно, и она будет заботиться о своей матери по-своему. Дороти принадлежала ей так же, как Ханна принадлежала Дороти. Не через кровь, а через время. Через жертву. Вранье. Боль. И любовь. Годы любви. Может быть, это и не компенсировало того, что произошло в Биг-Суре все эти годы назад, но это что-то значило.

Придвинувшись ближе, Ханна взяла мать за руку и стала ждать, когда та проснется и снова будет нуждаться в ней. Она будет здесь каждый день, пока не умрет Дороти. Она бы предложила Дороти такую заботу, какую только могла, не заботу своих сестер, а свою собственную, и этого было бы достаточно. А после этого у нее будет время разобраться в своей дальнейшей жизни. Она может пойти куда угодно. Быть кем угодно. Но сейчас она была бы дочерью.

Больше книг на сайте - Knigoed.net